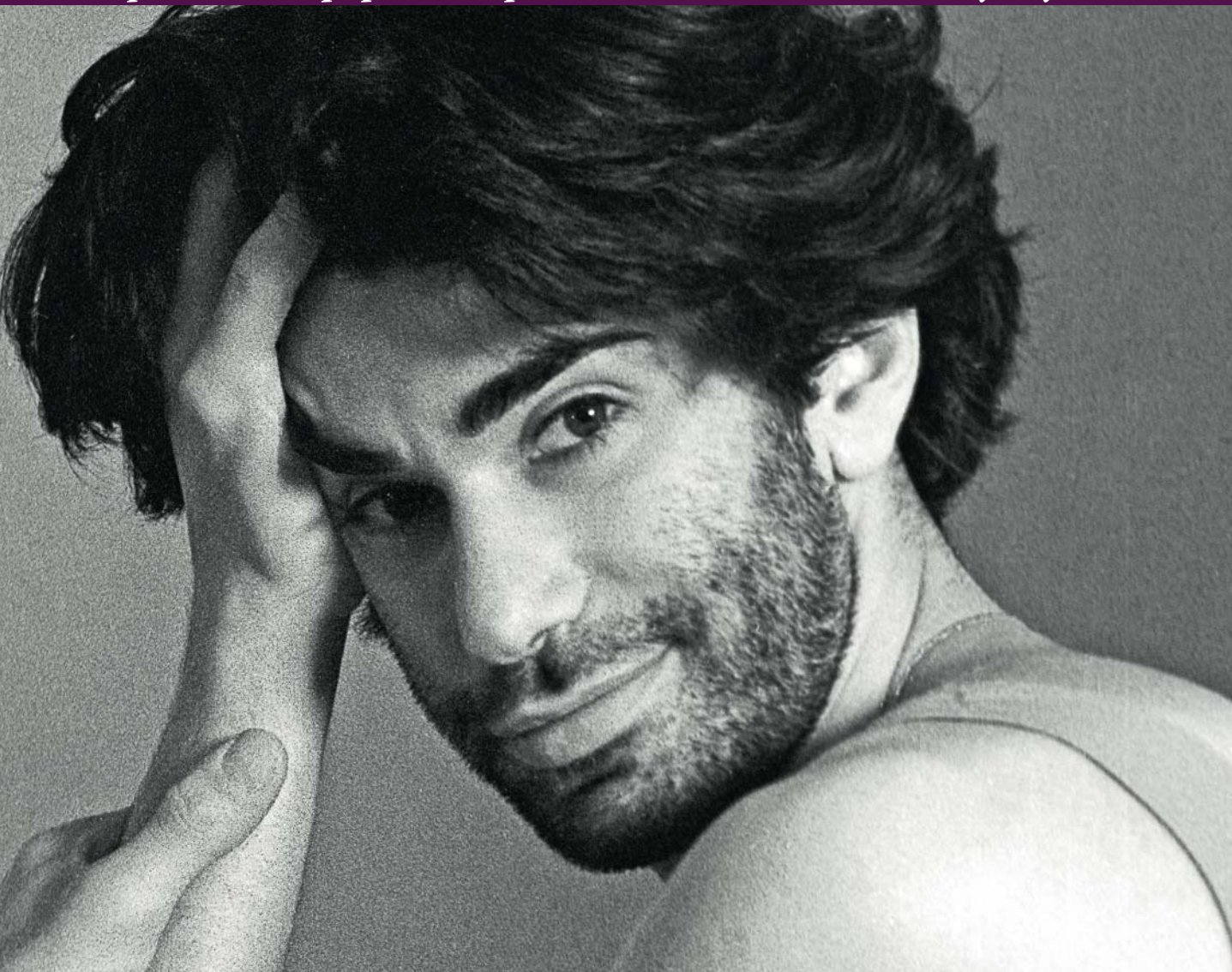

STORY

ноябрь '16
№ 11 (97)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
людей
[STORY]

Цискаридзе: «По природе я барин. Но меня заставили всему научиться»

Николай Цискаридзе

и его «каторга в цветах» с менеджерами по периметру и на вышках

Георгий Данелия
*Волшебник страны
Плюк*

Верушка
*Незаконнорождённая «дочь»
Сальвадора Дали*

Сергей Довлатов
*Певец, бескорыстного
вранья*

16+

Д Р А Г О Ц Е Н Н О Е
Н А С Л Е Д И Е

Историческая коллекция, вдохновленная тиарами эпохи дома Романовых

МОСКВА / ТРЦ «АФИМОЛЛ СИТИ», ПРЕСНЕНСКАЯ НАБ., 2
УЛ. ТВЕРСКАЯ, 4 / УЛ. НАГАТИНСКАЯ, 5
WWW.MIUZ.RU

Сказки ВОСТОЧНЫХ НОЧЕЙ

Однажды к моей прабабушке, тогда ещё юной особе, прибежал озадаченный сосед. У него, зажиточного купца-узбека, объезжающего по-русски весьма приблизительно, в гостях оказалась путешествовавшая по Ферганской долине столичная пара. Приятные люди, молодожёны, так дружелюбно улыбаются и чего-то от него хотят, но вот что именно – не ясно. Не могла бы уважаемая мадмуазель прийти и разрешить это непонимание.

Молодожёны и впрямь оказались милы. Обрадовались соотечественнице, говорящей на узбекском как на родном, восторженно принялись расспрашивать про русскую жизнь среди азиатской экзотики и даже предложили побыть местным Вергилием – в ту пору наши предки любили изъясняться возвышенно и красиво. А после, немало смущаясь, наконец, открылись перед моей будущей прабабушкой – мол, здесь всё замечательно, и гостеприимство хозяев, и удивительный восточный быт, а еда?! – это ж волшебство, просто «Тысяча и одна ночь!» А комната, куда их поселили чего стоит?! Спишь, будто на пышном пироге, состряпанном из подушек и одеял. Одна вот незадача – нет удобств, а то, что имеется во дворе вместо клозета, по доносящемуся оттуда то ли конскому, то ли верблюжьему всхрапыванию больше похоже на скотный двор. Словом, требуется ночная ваза, причём срочно, что и пытались они несколько часов назад объяснить радушному хозяину. Несмотря на поздний час прабабушка требуемое раздобыла.

На следующий день прогулка вызвала у столичных гостей

экстатический восторг – от зрелища женщин под глухими паранджами, перемещавшихся по древним улицам дробными шажками («И как они умудряются не падать и ни на что не наткнуться?») до праздного вида их мужей («Смотрите, смотрите, мужчины взгромозились с ногами на стол и пьют чай из мисок!»). На каждом шагу, в каждом закоулке Старого города, казалось, таилась восточная сказка. О ней они говорили много и с упоением...

Об этом я знаю не только из рассказов прабабушки, но и по воспоминаниям, которые спустя годы написала та самая состарившаяся новобрачная. Да, чуть не забыла, звали её Лиля Брик, а её мужа – Осип. И воспоминания о той поездке по солнечной Азии я иногда перечитываю. И каждый раз ловлю себя на мысли, что эта женщина действительно великая, потому что всегда находила способы возвышать в своей жизни не всегда приглядную реальность. Судите сами: «Ночь была светлая и душистая. Вдруг в тишине нам слышится далёкий топот и на прямой, как стрела, дороге мы различаем всадника. Ближе, ближе, и, наконец, мимо нас на белом коне под луной, промчался сарт в развевающемся халате и с ночным горшком в вытянутой руке»....

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

16+

Главный редактор Елена Кузьменко
Главный художник Инга Мачан
Зам. главного редактора Майя Чаплыгина
Фоторедактор Светлана Навроцкая
Редактор Наталья Смирнова
Консультант Елена Савчук
Корректор Наталья Камышанская
Секретарь редакции Мария Дембицкая
Над номером работала
 Лиля Гущина, Татьяна Ильина, Максим Кантор,
 Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко,
 Лариса Максимова, Александр Никонов,
 Анна Север, Ольга Филатова
Издатель Елена Каякина
Распространение
 Александр Магатаев, Георгий Григорян
Реклама Марина Теран
Маркетинг Марина Цховребова
Интернет-проекты Ольга Егорова
Производство Александр Бутузов
Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3
 тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),
 Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко
Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Евгений Шингарёв,
 Дмитрий Бурмистров, Юлия Балашова

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П
 Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
 по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи
 и охраны культурного наследия в 2013 г.,
 свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269
 от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»
 Распространяется по всей территории России
 Тираж 226 800 экз. Цена свободная
 Выход в свет 19.10.2016 года

Фото на обложке: Михаил Логвинов/
 Личный архив Н. Цискаридзе

Редакция журнала не несёт ответственности
 за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов
 и их фрагментов возможно только с письменного
 разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Ноябрь

В этом месяце папа римский продемонстрировал способность размножаться, художник Крамской навечно зашифровал имя своей модели, а ностальгия по СССР была приватизирована телеканалом

10 Однажды...

Танцовщика Михаила Лавровского лишили главной роли, а Маргарита Терехова узнала, как правильно отвечать на вопрос о возрасте женщины

14 Толковый словарь... Дайан Китон

18 Кто придумал... Миф о здоровом питании

26 Викторианский период.

Виктория Токарева

Разные задачи

30 Линия отрыва. Вера Павлова

У зеркала

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

32 Обстоятельства жизни. Аутсайдер

Почему внучка Юрия Визбора, певица Варвара, писала «молоко» через «а» и работала Спанч Бобом?

38 Отпечатки. Принц в королевстве менеджеров

Николай Цискаридзе больше не принц в белых колготках. Он – ректор, но совсем не чиновник. А в чём отличие?

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

52 Мой... Довлатов

Татьяна Друбич – о том, как Сергей Довлатов спас её от покушения на соседа, которого всей душой хотелось замочить

58 Когда мы были молодыми.

Портвейновый век

В поколении творцов-«семидесятников» оказалось очень много звёзд. Людей более деятельных, чем эти бездельники, пьяницы и тунеядцы, не существовало. Может, портвейн поспособствовал?

68 Легенда. Другая форма наивности

Кем был Олег Каравайчук? Гением, написавшим саундтреки к лучшим советским фильмам, или сумасшедшим с наволочкой на голове?

Или обоими сразу?

80 История живописи. Хлеб наш насущный

Голландский пейзажист Якоб Рейнсдал заменил городской собор на сельскую мельницу и так реформировал европейскую живопись. В чём же смысл замены?

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

90 Неформат. Рыба-Чкалов

О том, как горничная Лиза нечаянно обрела женское счастье благодаря политику Звиаду Гамсахурдии, который ни о чём таком даже не помышлял

98. Семейные тайны. Большой Папа

Однажды юная поклонница Армена Джигарханяна написала ему «письмо Татьяны» и превратилась в жену актёра и вдобавок – в директора его театра. Правда, всё случилось не в одночасье. Были жестокие перипетии

104 Роман с продолжением. Азарт

Глава, где повествуется о тяжких последствиях, которые имела постановка сервантесовского «Дон Кихота» корабельной командой

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

112 Увлечения. Ни разу не художник

Георгий Данелия рисует не хуже Тонино Гуэрры и Федерико Феллини. А как всё началось?

122 Великие искусители. Самка Дали

Первой моделью, покоровившей мир, стала немецкая графиня Вера фон Лендорф. Кто вовлёк застенчивую, молчаливую барышню в историю с обнажённой и раскрашиванием своего тела во все цвета радуги?

134 Порядок вещей

136 Угощение. Золотой сервиз и оловянные блюда

Светлейший князь Александр Меншиков любил подать гостям огромный пирог, из которого вдруг выскакивала карлица и давай плясать на столе! А зачем любителям вкусно покушать такие эксцессы?

140 Гороскоп. Бунтарь

Для Скорпиона нет ничего милее, как что-нибудь тайное обнаружить и кого-нибудь нечестного разоблачить. Вольтер в этом смысле был впереди всех. Ну, и докритиковался до Бастилии

144 Библиотека. Архивности

LINARI

EAU DE PARFUM

МАГНЕТИЗМ

во флаконе

МОСКВА Гостиная-бутик «MAY FAIR» ул. Павловская, д. 27/29 тел. 8 (495) 225-92-71, 8 (925) 431-56-52 www.mayfair.ru •
ТЦ «Мегацентр-Италия», ул. Пилюгина д. 10, тел.: 8 (495) 981-66-90 • Бутик Sarah Pacini, ул. Неглинная, д.18/1, стр.1 **САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**
Салоны «Парфюмеръ» тел.: 8 (921) 751-99-44 **ВЛАДИКАВКАЗ** Бутик парфюмерии Eiffel тел.: 8 (928) 958-96-02 **ПЯТИГОРСК** Бутик Parfait
тел.: 8 (962) 442-47-86 **НОВОСИБИРСК** бутик Mon Parfum, тел.: 8 (953) 763-47-97 • Бутик «Камилла-Люкс», тел.: 8 (383) 217-83-09
МАХАЧКАЛА Бутик «Парфюм 7 континент» тел.: 8 (985) 360-45-16 **ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ** Магазин «Артмейкер»
тел.: 8 (4152) 26-82-02 **АНАПА** Бутик Make Up тел.: 8 (989) 806-27-33 **ТОМСК** Бутик парфюмерии E'clipse тел.: 8 (923) 408-64-16
БАРНАУЛ Бутик парфюмерии «Парфюм Вояж» тел.: 8 (3852) 46-25-00 **ОРЕНБУРГ** Салон «Диамант» тел.: 8 (3532) 77-32-14

Переписка

Кумир, ты мой кумир...

Мой любимый автор Ираклий Квирикадзе пишет сценарии, замечательные книги и статьи в STORY, но этого совсем недостаточно. Когда он собирается опубликовать свою биографию? Интересно узнать о его жизни, пути становления, интересных знакомствах и забавных моментах, о его творческих планах.

Ваш постоянный читатель
Морозова Наталья

Отвечает Ираклий Квирикадзе

Дорогая Наталья Морозова! Продолжайте читать журнал STORY от корки до корки. Во всех или почти во всех моих рассказах, опубликованных в журнале, я вспоминаю забавные или странные моменты моей жизни. Вот вчера шёл в редакцию, нёс

Приз за лучшее письмо – часы DKNY (модель NY4331) – вручается Наталье Морозовой

рукопись (я не пользуюсь компьютером, пишу пером), увидел на улице человека, который был на кого-то похож. Иду и думаю: на кого? Вдруг слышу кто-то мне в ухо шепчет: «Не мучайтесь, на сову я похож, на сову». Оглянулся – и действительно на меня смотрел человек-сова, тот самый. А опубликовать свою биографию думаю ещё не скоро.

Анализируй это...

В июльском номере журнала отличный текст Валерия Попова об Асе Пекуровской, femme fatale Ленинграда 60-х, первой жене Сергея Довлатова. В «Филиале» автора она выведена как Тася. Никто не спорит, что текст замечательный. Но автор – женоненавистник, так ему и передайте!

Яна Шубина

Отвечает Валерий Попов

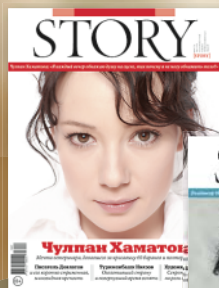
Дорогая Яна! Я писал вовсе не о себе, а об отношениях Довлатова, Бродского и Аксёнова с Асей – как было у них. А я вовсе не женоненавистник (даже слово это написал с третьей попытки, с большим трудом) – и готов разбить ваше ошибочное мнение при личной встрече. ☹

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ТОЛЬКО НА САЙТЕ **WWW.STORY.RU**
ПОДПИСКА НА ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ!

Подпишитесь сами или оформите подписку своим друзьям и близким!
Для этого вам нужно просто зайти на сайт www.story.ru

Стоимость полугодовой подписки
с доставкой в ваш почтовый ящик
900 рублей

Доставка производится только на территории России

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*В которой актриса Маргарита
Терехова открывает тайну
возраста женщины **с.10***

.....
*а художник Крамской скрывает
имя модели самого знаменитого
из своих портретов **с.6***

Ноябрь

Ноябрь 1607 Лжецаревич не признал лжеплемянников

Семь добрых молодцев – Мартын, Клементий, Семён, Савелий, Василий, Ерошка, Гаврилка – нагрянули в лагерь недавно воскресшего во второй раз сына Ивана Грозного, хором назвались неучтёнными чадами

брата его, Фёдора Иоанновича, и попытались заключить дядю в родственные объятия. Но дядя от объятий уклонился, а через сутки незваные племянники и вовсе дружно закачались на ветру. Та же участь постигла и прочих внезапно материализовавшихся отпрысков последних Рюриковичей, общим

счётом семнадцать штук. Этот беспрецедентный урожай самозванцев спровоцировал своим пусть и краткосрочным, но всё же воцарением Лжедмитрий I, смутив души и умы неслыханным соблазном за здорово живёшь посидеть на московском троне. Но обеспечило русскую историю самобытным сюжетом

прежде всего родное суеверие: царских чад, оберегая от сглаза и порчи, до совершеннолетия держали взаперти и никому не позволялось их видеть, кроме мамы и кормилицы. Любые два шага с крыльца делались в сопровождении слуг, которые заслоняли детей от любопытных глаз, неся на вытянутых вверх руках суконные ширмы, ездили они в плотно зашторенных возках и колымагах, а окна комнат размалевывали узорами, дабы снаружи рассмотреть, что делается внутри, было невозможно. Потому-то на главную роль спасённого отрока и могла претендовать толпа бродячих актёров, ни разу не похожих ни на зарезанного в Угличе царевича, ни друг на друга. Например, Лжедмитрий I был низкорослый, синеглазый блондин с короткой от рождения левой рукой, а его заместитель был смуглый, высокий брюнет с огромной бородавкой на щеке.

«Русский народ легко возбудим ввиду своего крайнего суеверия. Достаточно любой небылицы, чтобы толкнуть его на выступление, а в случае нужды его собственная фантазия изобретает такие небылицы, чтобы дать пищу его стремлениям».

[М.А. Бакунин]

18 ноября 1920 Большевики амнистировали аборт

До революции «вытравление плода» каралось беспощадней, чем убийство рождённого ребёнка. Поэтому весна в стране начиналась не с грачей и капели. Сначала резко возрастало количество младенцев, найденных в канавах, среди которых гуляли с дамами испуганные остряки.

Преступную мать если находили, то, конечно, наказывали. Но век за веком наказание делалось всё менее суровым: от смерти при Алексее Михайловиче до полутора лет тюрьмы при Александре Александровиче. За убийство законных детей

давали и вовсе смехотворный срок – год исправительного дома. Непонятно, почему к зародышам закон относился лучше, чем к готовым детям: на каторгу отправлялись гуртом и кто делал, и кому делали, и кто помо-

родись Лаврентий Павлович на полвека попозже, из него получился бы идеальный олигарх. Он всегда знал, как добыть деньги и власть, как первое превратить во второе и наоборот. У товара, чьё потребление

гал встретиться первым со вторыми. Большевики исправили эту ошибку.

В 1936 году в подмосковной Бакровке по инициативе Л.П. Берии был построен завод резиновых изделий. Резиновых изделий завод выпускал два: противогаз и презерватив. Наверняка нарком имел с хозяйства свой маленький гешефт:

обеспечивал лично товарищ Берия, не могло быть конкурентов – в этом же 1936 году аборт снова лишили гражданства. Восстановили его в 1955-м, накануне великих строек. Но врачам была выдана индульгенция: осложнения после «искусственного прерывания беременности» считались нормой, за них не наказывали, и сама

процедура была оформлена как средневековая пытка. В результате самым счастливым моментом в половой жизни советской женщины было начало менструации.

«Законы, преследующие аборт, – одно лицемерие господствующих классов».

[В.И. Ленин]

20 ноября 857 Римский папа стал мамой

Во время крестного хода его святейшеству Иоанну VIII сде-

дать веков подряд после конфуза всех кандидатов в папы на стуле с прорезью тестировали на принадлежность к титульному полу? Ближе к реальности всё же первый вариант, и надо заметить, Агнессе ещё повезло.

Она дурачила современников целых двадцать лет и даже успела порулить христианским миром. А могла быть сожжена юной девой, едва переступив в мужском наряде порог, если бы какой-нибудь бдительный сосед опознал и доложил куда следует. Например, как Жанна д'Арк,

лалось дурно, а вскоре из-под сутаны раздался крик новорожденного младенца. По одной версии, папу-трансформера тут же растерзала паства, по другой – бывший понтифик был заточён в монастырь, но уже в своём природном обличии Агнессы Ланглуа, дочери бродячего проповедника. По третьей – весь пердимонюкль был выдумкой врагов римского католического престола. Последнее вряд ли. Иначе с чего бы вдрудиннад-

с которой к моменту аутодафе были сняты все обвинения, включая колдовство и интимную связь с дьяволом. Всё, кроме нарушения полового дресскода.

Тысячелетие мужчины ожесточённо сражались за свою гендерную привилегию штаноношения и уступили её самой последней, когда женщину давно уже подпустили к избирательным урнам, прозекторским столам, тракторам и трибунам.

В 1933 году мэр Парижа за хождение по улицам в брюках приказал Марлен Дитрих покинуть город, а Марину Влади наотрез не пустили в советский ресторан аж в 1968 году. Вроде мелочь, пустяк, однако поди ж ты! Видимо, окончательное равноправие без физической свободы движений не такое уж и окончательное, потому что коня на скаку можно остановить и в юбке, а вот запрыгнуть на него, чтобы первой оказаться в нужном месте в нужное время, уже трудновато.

«Нарушив божественный закон, святость Писания, канонические права, надевала одежду развратную, неестественную, бесчестную, вопреки всякому приличию женского пола».

[Из приговора Жанне д'Арк]

14 ноября 2004 Россиянам вернули советское телевидение

В этот день состоялся премьерный эфир канала «Ностальгия». На канале круглосуточно и бесхитростно крутили ретропрограммы из архивов Центрального телевидения, и благополучное существование телепроекта без рекламных пауз означало, что появилось достаточное количество граждан, готовых платить за воспоминания об СССР. А стало быть, производственный цикл, начатый в ноябре 1917 года, был благополучно завершён. Ностальгия, наша самая плодотворная и работоспособная национальная идея, в который раз выполнила свою миссию – создала и уничтожила очередную русскую Атлантиду, чтобы превратить её в основной национальный продукт – исторический фантом. Домонгольская Русь, допетровская Русь, дореволюционная и, наконец, доперестроечная Россия, и неизменное «до» повсюду торчит, как пограничный шлагбаум. Никогда за обозримое тысячелетие ни одна новая эпоха не была у нас продолжением старой, но

всегда её отрицанием. Не важно, кто кого сменял, православный ли князь язычника, сын ли отца, кухарка ли правителя с вековыми корнями, бодрые ли президенты дряхлых генеральных секретарей, от принципа сначала всё «разрушить до основания, а затем...» не отступил никто. В результате вместо спирали, по которой развивается законопослушная история других народов, у нас перпендикуляр, самая шаткая из всех возможных конструкций. Равновесие постоянно теряется, и страну выносит то на встречу, то на обочину.

Но если принять ностальгию как национальную идею, а исторический фантом как национальный продукт, всё сразу наполняется смыслом и становится на свои места. Потому что в таком случае генеральная задача любого поколения – создать нечто, что можно разрушить, но нельзя забыть. А с этой задачей мы раз за разом справляемся блестяще.

«Счастливыми кажутся нам наши минувшие годы, когда мы могли жить лучше, чем жилось, и жилось лучше, чем живётся в минуту воспоминаний».

[В.О. Ключевский]

Ноябрь 1883 Безымянную красавицу записали в кокетки

Художник Крамской, в нарушение всех правил хорошего тона, не представил свою даму посетителям одиннадцатой выставки Товарищества передвижников. На табличке под картиной, изображающей молодую женщину в коляске, было написано: «Неизвестная». Почему, гадали современники, Ивану Николаевичу потребовалось скрыть имя своей модели? Значит, с ней что-то не так. А что может быть не так с холёной красавицей, одетой дорого и модно (шляпа «франциск», «шведские», тончайшей кожи перчатки, пальто «скобелев», в честь генерала-героя Русско-турецкой войны, с собольим

мехом, золотой браслет)? Только одно – она содержанка и ей не место в приличном обществе, ни живой, ни живописной.

Третьяков приобрести scandalальную картину отказался. «Неизвестная» колесила в своём открытом экипаже по частным коллекциям, пока в 1925 году скиталицу не вернули на родину и не прописали в той самой Третьяковской галерее, где полвека назад перед ней ханжески захлопнули дверь. А ещё через тридцать лет она превратилась в объект всенародного вос-

ственных шедевров повесить над семейным диваном или буфетом? «Боярыню Морозову»? «Княжну Тараканову»? И всё же выбор не объяснялся только ограниченностью ассортимента. Совершенно очевидно, это была не просто мода, это была любовь. Молодые люди спрашивали на улицах живых девушек: не их ли прабабушка позировала И.Н. Крамскому? И живые девушки польщённо улыбались. Но не странно ли? В мире бушевала сексуальная революция, он сходил с ума от точёных ножек

хищения. Репродукции картин сделались в конце 50-х непременной частью интерьера. Заводские профкомы украшали «Бурлаки на Волге», холлы гостиниц – «Утро в сосновом лесу», а в миллионах квартир и домов по-джокондовски улыбалась простым советским гражданам бывшая особа сомнительной репутации, ныне «чистейшей прелести чистейший образец».

С одной стороны, а какой ещё из растиражированных отече-

и беспокойных бёдер Мэрилин Монро, от детского рта и недетского бюста Брижит Бардо, а по Советскому Союзу, спрятав руки в муфту, застёгнутая до подбородка, триумфально катилась в старинной коляске старинная красавица с потупленным взором.

«Неизвестно: кто эта дама, порядочная или продажная, но в ней сидит целая эпоха».

[П. Боборыкин]
ЛИЛИЯ ГУЩИНА

Однажды...

Анна Терехова убедилась, что женщина имеет тот возраст, который заслуживает

В детстве я никогда не знала, сколько маме лет. Никогда! Да и сколько бабушке, которую звала исключительно по имени – Галя, тоже не знала. Эти цифры у нас в семье не озвучивались, не принято было. Считалось, что любая женщина – она как бы без возраста и не надо ничего конкретизировать, это лишнее. Но у меня-то, естественно, везде спрашивали: «А сколько твоей маме лет? Какого она года?» Я честно отвечала: «Не знаю». Никто не верил: «Как этого можно не знать? Ты же её дочка!» Когда мне всё это надоело, я подошла к бабушке: «Галя, сколько маме лет?» Она посмотрела на меня с подозрением: «Тебе это зачем?» – «Да у меня все спрашивают!» И бабушка сказала:

«Двадцать девять». – «Ладно. Мне так и говорить?» – «Так и говори!» Потом-то я поняла, что маме тогда уже побольше было. Но следующие лет десять, наверное, упорно отвечала – двадцать девять! Вот уж все удивлялись! Сейчас считаю, что в любом возрасте как женщина будет себя настраивать, то с ней и будет происходить. Вот мама сейчас не задумывается о своём возрасте, не ощущает его даже в смысле самочувствия. Я иногда ей говорю: «Мамочка, давай сходим к врачу». Она возмущается: «Зачем? У меня ничего не болит». Но мы всё же идём. Врач спрашивает: «У вас голова болит?» – «Нет». – «Ноги болят?» – «Нет». – «Давление скачет?» – «Нет». – «А что же вы тогда ко мне пришли?» –

«Не знаю, это меня дочь привела!» Вся жизнь мама ходила из дома в театр и из театра домой пешком, быстрым шагом. Верхнюю одежду она носила всегда длинную – то дубленка у неё была длинная, то какой-то плащ – и не застегивалась. Такая женщина-ветер. Я всегда возторгалась тем, как мама стремительно ходит, быстро всё делает, моментально принимает решения, везде успевает. Я другая, спокойнее. Мне бабушка в детстве рассказывала, как однажды она наблюдала за нами из окна: впереди несётся мама, а сзади, как воздушный шарик, за ней лечу я. Сейчас мама со своей приятельницей каждый день в любую погоду по два часа гуляет по Москве. Потому что убеждена: движение – это жизнь. 🌐

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Все грани совершенства!

ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКИ

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ

Артикул: 0397, Корпус: серебро 925°, Браслет: керамика, вставка: фианиты, Механизм: Ronda, Швейцария

8 800 444 777 3

www.nikawatches.ru

Однажды...

Михаил Лавровский подпал под магию Григоровича

Юрий Григорович деспот, но гениальный человек. У нас были конфликты, трения, но я никогда на него не обижался. Потому что, когда делает замечание человек умный, интеллектуальный, выше по

ну – два тяжёлых спектакля два дня подряд и следом ещё мой «Спартак», я танцевал главную партию. Вдобавок утром и вечером по три часа репетиций нового спектакля. Не выдержал. Подошёл к Юрию Николаеви-

знаниям того предмета, которым вы с ним занимаетесь в данный момент, – вы понимаете и принимаете его мнение. Выслушиваете, даже если оно с вашим не совпадает. Правда, понял я это далеко не сразу. Только после того, как сам стал хореографом. И даже могу признаться – многое у Григоровича позаимствовал, имею в виду манеру работы с артистами. Если на мою просьбу что-то делать солист мне заявляет

«я устал» или «не могу», то я совершенно спокойно говорю: «Хорошо, как вы танцевали, так и танцуйте, но мне вы больше не нужны. До свидания». С хореографом диспутать быть не может. И точка! Да, я стал деспотом! Но по-другому в нашей работе быть не может. Помню, как Григорович, в пору, когда я танцевал, снял меня с роли Ивана Грозного. Вышло это так. Заболели сразу два солиста, меня поставили на заме-

чу: «Снимите меня с замен или замените спектакли». Ответ был незамедлительный: «Не можешь? До свидания». Без разговоров. В результате лишился роли в новом спектакле, который Григорович специально делал на меня! Больше дискутировать с Григоровичем я не посмел. Этого случая было достаточно, чтобы я понял, как он прав. И потом поступал точно так же. Требовал от других полного подчинения. ☉

*Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Специальный выпуск программы, приуроченный к юбилею Михаила Лавровского,
смотрите 29 октября в эфире телеканала «Россия-Культура».*

СВАДЕБНЫЙ РАЗМЕР

РЕАЛИТИ-ШОУ
О СЕМЕЙНОМ ПОХУДЕНИИ

D

ДОМАШНИЙ

с **24**
ОКТАБРЯ
ПО БУДНЯМ
23:00

16+

СКОЛЬКО ВЕСИТ ВАША ЛЮБОВЬ?

РЕКЛАМА
Лицензия «Домашний» серия ТВ № 27273 от 26 октября 2015 г.

Толковый словарь...

Дайан Китон

Б БРАК

В четырнадцать лет я стала свидетелем картины, оставившей неизгладимый след в моей памяти. Дело было в мексиканской Энсенаде, вечером. Музыканты играли мариачи, а мои родители танцевали в свете яркой луны. Я наблюдала за ними со стороны, когда они вдруг поцеловались со страстью, которая должна была бы возмутить меня как типичного подростка. Но я, напротив, была восхищена силой их любви и тем, что такая любовь вообще возможна. Глядя на папу и маму, я поняла, что и я когда-нибудь смогу вот так – любить до самого конца. А вот замужество в целом вызывало у меня ужас. Было событие, навсегда оставшееся в моей памяти. Это случилось, когда я была в девятом классе. На уроке алгебры, которую вела у нас миссис Хопкинс, я обменивалась записочками с Дэйвом Гарлендом. Дэйв положил нашей переписке конец, подбросив мне послание из пяти слов: «Однажды ты станешь хорошей женой». Женой? Я не хотела быть женой! Я мечтала быть сексуальной и сводить парней с ума. Я хотела быть как Барбра Стрейзанд, когда та пела «Нет, я никогда не выйду замуж; буду бродить на воле до конца дней моих».

Собственно, так оно и вышло – я никогда не была замужем. Всю свою жизнь я продолжала мечтать о недостижимых мужчинах. Сами объекты моей страсти со временем менялись – Дэйва сменил Вуди, того – Уоррен, а Уоррена – Аль. Получилось

бы у меня построить крепкие отношения хоть с одним из них? Сложно сказать. Мне кажется, подсознательно я понимала, что все эти романы безнадежны. Я бы не позволила встать им на пути к осуществлению моих желаний. Мужчины – это так просто! Меня интересовала более крупная рыба – публика. Абсолютно любая публика.

И ИСПЫТАНИЯ

В двадцать один год мне диагностировали плоскоклеточный рак. А потом, ещё через десять лет, обнаружили сразу несколько базалиом. Уоррен (Уоррен Битти. – *Прим. ред.*) всё время пилит меня, чтобы я не сидела на солнце. И почему она его не слушала? Спустя сорок лет плоскоклеточный рак вернулся, на этот раз атаковав левую сторону моего лица. Я поехала в медицинский центр, надела шапочку для душа и легла на операционный стол. Анестезиолог сделал мне укол, и передо мной стали мелькать видения. Я увидела маму, лежащую на каталке. Она была мертва. Потом увидела папу, а затем – длинный шприц, которым усыпляли нашего пса Реда. Ещё я видела моего друга Роберта Шапизона, который сидел под картиной Энди Уорхола у себя дома и говорил об эмоциональных последствиях неоперабельного рака лёгких. Почему я не проводила с ним больше времени? Потом я увидела Ларри Салтана с его книгой «Улика» в руках. А потом вокруг стало темно, но я могу поклясться, что я слышала, как молит Ларри: дайте мне ещё три недели пожить, хотя бы ещё три недели. Три недели – это ведь так немного, да? Когда я очнулась, моё лицо пересекал десятисантиметровый шрам. Жизнь начала отщипывать от меня по кусочку. Странное дело – жизнь. Её и слишком много, и слишком мало. стакан вечно наполовину полон и наполовину пуст.

Л ЛЮБОВЬ

...В тот раз я встретила Аля (Аль Пачино – *Прим. ред.*) в киноцентре. Аль, как всегда, был неотразим, и между нами вновь вспыхнул огонь. Правда, на этот раз всё было иначе – мы оба заметно постарели. Аль, взъерошенный и неухоженный, был похож на очаровательную, любимую до дрожи дворняжку. Как-то в одно воскресенье он пригласил меня в гости, потом ещё раз и ещё раз... Для Аля я всегда была хорошим другом, с которым можно поговорить по душам. Но, как бы я ни любила слушать, мне хотелось куда большего. Я хотела, чтобы Аль хотел меня – так же сильно, как я его... Во время съёмки третьего «Крёстного отца» в Риме я поставила Алю ультиматум: или я уйду, или он женится на мне (ну, или хотя бы хранит верность). Бедный Аль, он ведь никогда не хотел жениться. Бедная я – я никак не переставала на этом настаивать. Сейчас мне даже сложно понять, почему я так отчаянно пыталась реализовать свои фантазии, не обращая внимания на достоинство реальности.

Аль ненавидел прощаться и предпочитал исчезать «по-английски». Иногда я просыпалась ночью и находила его на кухне, где он попивал чай с M&M's или ел попкорн. Он любил простую еду и когда всё просто. И мне это нравилось. Я любила его, но моя любовь не делала меня лучше. Жалко признавать, но я не была простой – меня для него всегда было слишком много. Наконец однажды, в тиши кабинета психоаналитика, Аль озвучил то, о чём я уже догадывалась: он не собирается на мне жениться. Напротив, хочет меня бросить. Так он и поступил – ушёл в калифорнийский рассвет, даже не оглянувшись назад, и в тот же день улетел в свой родной Нью-Йорк.

В 1990 году я потеряла отца и Аля. В каком-то смысле смерть отца подготовила меня к расставанию с Alem. Папа пять месяцев жил с опухолью мозга, и за это время я поняла, что любовь – любая – это тяжёлый, но очень благодарный труд. Я наконец поняла, что любовь – это не просто мечты о романтике. Как выяснилось, я была готова потерять Аля, но не была готова потерять отца. Его смерть изменила мою жизнь – кардинально. Помню, как он сказал перед смертью: «Я знаю, что весь мир на тот свет с собой не возьмёшь. Я не понимаю, где я и кто я, Дайан, но мне всё же лучше. Мы так поздно понимаем, как важны мелочи! Взять, например, твою мать – я очень люблю её, хоть и не знаю, что придёт ей в голову в следующую секунду».

М МАМА

Мама любила цитаты, поговорки и мудрые изречения. На кухонной стене у нас всегда красовались маленькие записочки. Например, одно время висела бумажка со словом «ДУМАЙ». Мама любила думать. Мама любила размышлять и писать о жизни, особенно о том, как-то приходится в нашем мире женщинам. О чём она писала? О том, каково это – начать учиться, когда тебе уже сорок. Каково вообще учиться чему-то новому. Писала обо всех бездомных кошках, которых приютила за свою жизнь. О своей сестре Марти, которая заболела раком кожи и лишилась большей части носа. О том, как ей страшно стареть. На страницах дневника за 1990 год, когда заболел раком мозга папа, она обрушивала потоки ярости на болезнь, пожиравшую её мужа. Мне показалось, что, заботясь об умирающем муже, она стала любить его немного иначе – так, как любила бы его женщина, которой мама всегда хотела быть. В конце мама ухаживала за папой, словно он был одним из

её детей – таким же, как Рэнди, Робин, Дорри или я. Но кто мог позаботиться о ней самой, когда она нетвёрдой рукой выводила страшные строки: «Июнь 1993. Сегодня узнала, что у меня Альцгеймер. Как страшно». С этих слов началась мамина борьба с потерей памяти, продолжавшаяся пятнадцать лет. Мама всегда была самым важным для меня человеком. Я такая, какая я есть, только потому что у меня была такая мама.

П ПОДДЕРЖКА

Как-то я призналась Уоррену Битти, что боюсь летать. И вот, прямо перед посадкой на рейс до Нью-Йорка, Уоррен взял меня за руку, поднялся со мной на борт и держал мою ладонь в своей, пока самолёт не приземлился. А потом, уже в аэропорту, поцеловал меня, развернулся и улетел обратно в Лос-Анджелес. Я любила Уоррена, особенно за широту его души.

П ПРОЗРЕНИЕ

Всё в жизни сводится к семье. Рано или поздно понимаешь, что вся твоя жизнь пройдёт вот с этими или этими людьми. До меня это уже дошло. У меня есть семья – даже две. Или три, если вдуматься. Есть мои сёстры и брат. Есть мои дети. И есть люди, которые всегда со мной. Которые стали мне больше чем просто друзьями. Люди, дома которых всегда для меня открыты.

Вот к чему всё свелось у меня. К людям, которые всегда открывают тебе дверь – даже когда не хотят.

П РИСК

Помню, как везла папу из больницы и за два квартала до нашего дома он вдруг выпалил: «Дайан, я хочу, чтобы ты знала. Я всегда ненавидел свою работу. Я так жалею, что не путешествовал толком, что не проводил больше времени с вами, не

рисковал». Именно это слово – «рисковал» – заставило меня задуматься. А чем рисковала в своей жизни я? Потом мне вспомнился разговор с Кэтрин Гроди, которая рассказала, что Эстель Парсонс в пятьдесят лет усыновила маленького мальчика. Разве она не слишком старая, чтобы заводить детей?.. Я поняла, что должна что-то поменять в своей жизни. Должна принять решение, которое может принести мне любовь – но не такую, как любовь к мужчине. Я понимала, что, если

«Мама никогда не поднимала вопрос моего незамужнего статуса. Наверное, боялась сболтнуть лишнего. Я не знаю, как она относилась к моим романам. Знаю, что она обожала Вуди. Когда же я спросила у папы, что он думает про отношения полов, он заявил: «Женщины любят крепкие зады»

я решусь на усыновление, мне придётся изменить образ своей жизни, взять на себя куда больше ответственности.

Декстер привезли ко мне домой в плетёной корзинке с двумя ручками. Всё в Декстере меня удивляло и казалось непривычным – и её крошечные ручки и ножки, и её большое круглое личико. Когда педиатр провозгласил, что рефлексы у Декстера в норме, я вздохнула с облегчением – первый тест пройден. Она была внимательной, шустрой и настроенной.

В этот момент я поняла, что справлюсь, погладила её по щеке и, глядя в её глаза, улыбнулась. Я смогу. Я вымела всю пыль из своего сердца.

Р РОДСТВО

С Вуди (Вуди Аллен. – *Прим. ред.*) мы были странной парой – один скрытнее другого. Мы избегали людей, зато любили мучить друг друга, тыкая лицом в наши неудачи. Вуди был острее на язык, так же как и я. Мы расцветали, изобретая друг для друга всё более невероятные эпитеты. Наша тесная связь и сегодня продолжает лежать в основе нашей дружбы и – с моей стороны – любви. Я скачу по Вуди. Его бы наверняка перекосило, если бы он только узнал, насколько мне не безразличен. Но я достаточно умна, чтобы не поднимать эту тему в наших разговорах. Я знаю, что моя привязанность к нему вызывает у него почти что отвращение. Ну а что уж тут подделывать? Я до сих пор его люблю.

С СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Доктору Ландау (психоаналитик, лечила Китон в молодости от булимии. – *Прим. ред.*) диагностировали болезнь Альцгеймера. Когда-то она пыталась убедить меня, что в мире не существует такого понятия, как «справедливость». Я возражала. В жизни у всего должны быть свои причины, она не может быть просто абсурдной смесью противоречий. И вот женщина, которая всю свою жизнь помогала другим справиться с хаосом в голове, вдруг стала жертвой болезни Альцгеймера... Фелиция Лидия Ландау была права – в жизни нет справедливости. ☺

Эти и другие истории из жизни Дайан Китон читайте в её автобиографии «Кое-что ещё», которая выходит в издательстве АСТ, Редакция Елены Шубиной

УЗНАЙ СЕКРЕТ БЕЗУПРЕЧНОЙ КОЖИ

КАРБОНОВЫЙ ПИЛИНГ

В начале 90-х молодая журналистка пришла работать в известную телепрограмму. В редакции царил культ ведущей – теледивы, чьё лицо, растиражированное многочисленными изданиями, было известно в каждом доме страны. Пока новенькая работала в вечернюю смену, всё шло гладко. Но вот случился первый утренний выпуск. На него барышня немного опоздала. На неё с порога набросилась с претензиями блёкля особа в летах. «А вы вообще кто?», - невежливо спросила журналистка, слегка встревоженная таким напором. А потом, окинув даму взглядом, добавила: «Не хватало ещё, чтобы каждый встречный меня воспитывал!» В тот же день её уволили, потому что теледив положено узнавать, даже когда им ещё не успели нанести слои грима... Пару десятилетий назад главным способом навести красоту считался обильный мейк-ап. Сегодня ситуация изменилась. Свежее, чистое лицо, которое хорошо смотрится даже спросонья, стало основным трендом бьюти-индустрии. Достичь такого результата можно с помощью разнообразных косметологических процедур, в которых используются новейшие технологии.

Сеть клиник GEN87 представляет один из самых востребованных и эффективных на сегодня методов глубокого очищения кожи - лазерный карбоновый пилинг. Он глубоко очищает поры и сужает их, устраняя воспалительные процессы. Даже один сеанс делает кожу лица сияющей, здоровой и отдохнувшей, с ровным тоном лица. На проблемный участок наносится карбоновая маска, представляющая собой смесь минеральных масел и мелкодисперсного угля. Маска проникает вглубь пор кожи, после чего воздействуют на эти зоны лазером. В результате воздействия лазера в порах происходит микровзрыв частиц введенного раствора, который буквально выбивает из кожи все загрязнения и ороговевшие клетки вместе с остатками маски. При этом процедура абсолютно безболезненна и очень комфортна для пациента. Карбоновый пилинг не требует длительного реабилитационного периода. Вы можете сразу вернуться к своему обычному ритму жизни. Покраснения проходят за 15-30 минут, а результатом является здоровая кожа. Результат заметен уже после первого сеанса. Однако для более выраженного и стойкого эффекта рекомендуется 4-5 сеансов.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТ КЛИНИКИ GEN87 НА НОЯБРЬ:

ЛАЗЕРНОЕ
 ОМОЛОЖЕНИЕ
 10000 ₺

ТЕСТ-ДРАЙВ
 ЛАЗЕРНОЙ ЭПИЛЯЦИИ
 БЕСПЛАТНО

БОТОКС
 1 ЕДИНИЦА
 290 ₺

РЕКЛАМА

м. Шаболовская, ул. Хавская, д.1, корп.1, тел: 8 (499) 652-87-87
WWW.GEN87.RU

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Миф о здоровом питании

Кто из нас не слышал, что нажираться на ночь плохо, а лучше вообще после шести не есть? Кому не известно, что мясо – вредно, а молоко взрослыми людьми не усваивается, приводя к разным желудочно-кишечным катастрофам? От жира – жиреют и сосуды забиваются, поэтому нужно на полках магазинов искать обезжиренные продукты... Но вы уверены, что это истина в последней инстанции, а не очередной пищевой миф?..

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Мой герой, врач Константин Заболотный, – не просто очередной доктор, разочаровавшийся в официальной медицине и нашедший свой путь лечения неизлечимого. Он попутно обрёл ещё и другую картину мира. И теперь хочет воздвигнуть рядом с казённым домом Минздрава храм параллельной медицины, стоящей на иных принципах.

К Заболотному поначалу я пришёл по мелкой проблеме. Вы знаете, что такое нервная орторексия? Википедия определяет это как «расстройство, характеризующееся навязчивым стремлением к здоровому и правильному питанию, что приводит к значительным ограничениям в выборе продуктов питания».

– Я понял вопрос, – кивнул головой Константин Борисович. – Все эти диеты и правила – вирусные коды, которые внедряют в наш мозговой компьютер. Есть чудесная книжечка Луи Броуэра «Фармацевтическая и продовольственная мафия». Несмотря на крикливое название, это первое серьёзное исследование директора Национального института здоровья и медицинских исследований Франции, коим являлся автор на момент написания. Он доктор медицинских наук, специалист по молекулярной биологии и материал для этой книги собирал тридцать лет. Книга расписывает все схемы управления продовольственным и фармацевтическим бизнесом в мире. А что нужно бизнесу? Малые затраты при относительно высокой продажной цене. Удобство упаковки,

логистики и хранения. Высокая технологичность производства. Отсюда сдвиг всей пищевой пирамиды в сторону углеводных продуктов.

❖ **А производство мяса или молока – разве не бизнес? Почему они объявлены вредными?**

– Мясо и молоко быстро портятся, с ними возни много – корову надо выращивать годами... Главные доходы пищевикам приносят простые в производстве и хранении углеводные продукты. Идеальный в этом смысле продукт – химически чистая кристаллическая сахароза. Все продукты на основе сахара – это лёгкие углеводы, которые вызывают у человека быстрое насыщение, а через час ему снова хочется есть. А если вы съедите добрый кусок мяса, не будете хотеть есть часов восемь. Невыгодно! Деньги делаются с оборота! Выгоднее продать много дешёвой мелочи, чем что-то одно дорогое, но редко. Поэтому кругом мы видим сладкий кофе или чай с выпечкой или пирожными, чипсы, сухарики, сникерсы всякие... И вот эта логика прибыли постепенно полностью дискредитировала традиционные принципы здорового питания, складывавшиеся тысячелетиями.

Кстати, подсадка на сладкое осуществляется прямо в роддоме, где только что родившемуся младенцу суют в рот сосочку с пятипроцентным раствором глюкозы. Это творится во всех роддомах всего мира, и это катастрофа, которую уже никак исправить нельзя. Потому что первое, что попадает в рот младенцу, калибрует вкусовые

рецепторы на всю оставшуюся жизнь. Это как импринтинг у утёнка – первое, что он увидит в своей жизни, запечатлется в мозгу и будет считаться мамой. Если курица, то курица, если сапог фермера, то потом цыплята так и будут бегать за сапогом, если кошка – будут считать её мамой и прямо на ней спать. Иными словами, ребёнка сразу программируют не на материнское молоко, то есть не на белок и жиры, а на углеводы. И это человека калечит на всю жизнь.

☉ **Это заговор!**

– А как ещё назвать, если работы диетологов середины XX века убедительно показали, что самыми вредными продуктами являются сахар и насыщенные жиры?! Но поскольку сахарное лобби было сильнее мясного, сахар вычеркнули, а несчастные жиры, в том числе и жиры полезные, стали бичом, поскольку мало кто разбирается в молекулярных цепочках.

☉ **Вот на цепочках давайте остановимся чуть подробнее, а то меня уже задолбал невкусный обезжиренный кефир в холодильнике, который жена покупает.**

– Жиры – фундаментальный фактор здорового питания человека, особенно живущего в холодном климате. Но даже если человек обитает в жарком климате и всё время потеет, в его питании всё равно должны быть лёгкие жиры, то есть ненасыщенные, у которых много не занятых водородом двойных и тройных связей между молекулами углерода. Именно они и защищают организм от свободных радикалов: двойная связь разворачивается и захватывает свободный радикал. Кстати, чем больше солнца, тем больше в организме образуется этих самых свободных радикалов. Поэтому в Средиземноморье так популярно оливковое масло. А в холодном климате нужно топливо. И это более тяжёлые жиры.

Дефицит жиров в организме – это проблемы в половой сфере, с гормональной системой, с кислородным обменом. Есть такое вещество – сурфактант, – которое обеспечивает процесс всасывания кислорода в лёгких, им покрыты альвеолы. Сурфактант постоянно тратится и на 99,9% состоит из жира. То есть жир критически важен для организма!.. Короче говоря, в результате промышленной революции вся пирамида питания оказалась перевернутой с ног на голову. Вы наверняка сто раз видели эти картинки – когда внизу, в основе пирамиды, лежат углеводы: хлеб, мука, макароны, картошка, рис. А мясо и молоко расположены сверху, их надо типа есть осторожно в связи с их крайней опасностью. Но должно быть всё наоборот! В основе питания обязаны лежать молоко, мясо, как и было тысячами лет...

☉ **Однако каша – это же углевод, но при этом основа традиционного крестьянского питания, как и было тысячи лет.**

– Все каши, кроме риса и манной крупы, – сложные углеводы, которые, в отличие от чистого сахара, медленно всасываются и не дают мгновенных пиков глюкозы в крови, что меняет обмен на диабетический. Современный тип питания вызывает помимо диабета кучу болезней, которые долго и безуспешно лечатся. И это хорошо: чем неизлечимее болезнь, тем выгоднее бизнес по её лечению! Болезнь не должна убивать клиента, потому что мёртвый не платит, но должна быть достаточно неприятной, чтобы клиент её упорно лечил (а фактически – убирал симптомы). Атеросклероз, гипертония, ожирение, диабет – всё это лечится, но не вылечивается. И здесь производители продуктов питания идут рука об руку с фармацевтами – первые поставляют клиентов вторым.

Они даже молоко умудрились обогатить! Специально была кампания по дискредитации молока, я сам это застал в 80-е годы прошлого века – как раз когда я учился профессии. Журнал «Здоровье» объяснял гражданам, как вредно молоко. Но молоко для млекопитающих, к коим мы относимся, идеальный продукт! В нём содержится всё, чтобы детёныш прекрасно себя чувствовал, ни в чём не нуждался да ещё и рос при этом, развивался. Как же оно может быть вредным? Я по основной специальности педиатр. И как знаток говорю вам: молочное питание – фактор долголетия.

Ещё раз повторяю: пирамиду нужно перевернуть! Основа здорового питания – жир, мясомолочные продукты, яйца и сложные углеводы – тёмные злаки. Чем больше тёмного в нём, тем полезнее злак. Поэтому из пшеницы или ржи выбирайте рожь. Из белой фасоли или красной – красную. Ешьте гречневую кашу, тёмный рис...

А что касаемо жира, здесь тоже надобно уметь выбирать. Самый вредный жир – коровий. Недаром в ведической традиции коров не едят. Есть надо низших животных – свиней, баранов. У них жир более правильный. Но самый полезный животный жир – молочный, то есть сливочное масло. Лучше топлёное. Это настоящая саттва, как в аюрведе написано, то есть чистая благодать, радость, счастье. Топлёное масло можно добавлять в любой продукт, даже в чай.

☉ **Должен вам заявить, что топлёное масло – дерьмо. Его кушать невозможно.**

– Мы просто не калиброваны на него. У современных людей под извращённую пирамиду питания изменились рецепторные калибровки, мы привыкли к тому, что вообще есть нельзя офисному горожанину. Сахар, например, можно употреблять только тяжело работающим людям. Если вы изнурительно вкалываете, вы имеете право на сахар. А если вы современный человек, который только и делает, что сидит – на работе, в машине, дома перед телевизором, вы должны исключить из своего рациона весь сахар, все изделия из пшенич-

ной муки, бананы, виноград, картошку, рис, манку. Это для вас табу! Хотите картошки? Будьте любезны отходить два часа быстрым шагом.

☉ **А на гарнир к бифштексу что?**

– Пшено, овёс, гречка, чечевица, ячмень, горох, фасоль. Это здоровая пища. А теперь посмотрите, чем кормят детей в школах и садиках! Рис, макароны, картошка, сладкий чай со сладкой булкой. Ну это же ужас! Целые поколения выращены на белой муке, картошке и сахаре, то есть на чистых углеводах! Откуда же быть здоровым людям? У меня уже тест есть для детей, которых ко мне приводят: начинаю загибать пальцы, и чем быстрее ребёнок поинтересуется, «а что я буду кушать», тем масштабнее катастрофа в его организме.

☉ **В смысле?**

– Ну, я начинаю перечислять, что ему отныне нельзя есть – рис, картошку, макароны, булки, виноград, бананы... И чем быстрее он спросит в недоумении, «а что же я буду есть», тем хуже ситуация в его организме. Он просто не знает никаких других продуктов! Если я загнул три пальца из пяти и уже следует этот вопрос, ситуация просто катастрофическая: у него вся пищевая пирамида замкнута на несколько продуктов, которые должны составлять не более 10% в питании.

☉ **Погодите-погодите-погодите... А вот две мои знакомые девушки перестали есть мясо, и их самочувствие резко улучшилось.**

– Потому что они в эндогенном токсикозе находились. Нездоровый образ питания приводит к двум вещам – токсикозу и гипоксии. Человек может находиться либо в одном состоянии, либо в другом, либо в обоих состояниях сразу. Кстати, любая онкология начинается с тканевой гипоксии... Так вот, все, кому становится легче после отказа от мяса, находятся в состоянии перманентного токсикоза – у них не выводятся токсины. Эти токсины – продукт распада белков. Белок как ценный пищевой фактор одновременно даёт наибольшее количество токсинов. С которыми системы выделения не справляются: у людей плохо работают почки, потому что люди пьют мало воды. Не растворов в виде супа, пепси-колы, чая, пива и так далее, а простой чистой воды. Но за почками надо ухаживать и употреблять продукты, стимулирующие деятельность почек. Зелёный чай, например. Да масса есть почечных травяных сборов! Тот же брусничный настой... Меня часто спрашивают: а сколько воды нужно выпивать в день? Потребность в воде рассчитывается в зависимости от возраста, веса, рода деятельности, индивидуальных факторов. Если прикидочно, то для взрослого офисного человека массой 70 кг это примерно 1,5–1,8 литра. Тёплой. За полчаса до еды.

☉ **Некоторые умники говорят: у меня и так почки не справляются, весь отекаю, не могу я так много воды пить!**

– Почки – тоже орган и точно так же нуждаются в промывке, как и прочие органы. Вода – универсальный растворитель, а орган не может работать без растворителя. Отсюда и мясной токсикоз. Люди просто делают неправильный вывод: если мне трудно дышать, значит, буду дышать меньше, а то лёгкие не справляются. Так помоги своим лёгким! Помоги своим почкам! А у нас половина всех людей с избыточным весом – это люди с отёком.

Вторая проблема помимо хронического токсикоза, как я уже сказал, – это тканевая гипоксия – невозможность организма полноценно получать кислород. Вы дышите полной грудью, а вашим клеткам не хватает кислорода. Беда токсикоза и гипоксии в том, что эти состояния никак не проявляются. Человек может пройтись, продышаться: «Ух, как мне хорошо!» Но, как только он сел и выключил стимулированный режим кровотока, всё вернулось на круги своя. А потому что в организме не хватает, например, жиров для производства сурфактанта. Или белков, потому что транспортом кислорода занимаются именно белки.

☉ **Так что у нас там ещё осталось реабилитировать из вредного? Яйца! Яйца, как известно, медицина кушать рекомендует поменьше – там убийца-холестерин сидит.**

– Ерунда полная! Яйца и молоко – наилучшее питание. Есть такое понятие – идеальный белок, то есть такой, который содержит только полезные вещества. Это белок зародышей – икры и яиц. Зародышевые клетки – это всё в себе: яйцу больше ничего не нужно, кроме того, что в нём содержится, чтобы вырастить живой организм. Поэтому две столовые ложки икры в день, яйцо – и вы в полном порядке: обеспечили минимальную суточную норму белка, а дальнейшим питанием уже говорите телу, чем вскоре намерены заниматься. Тело ведь настраивается на вид деятельности едой, ему нельзя сказать словами, что вы собрались делать, оно слов не понимает, оно понимает язык физиологии. То есть только в зависимости от съеденного вами тело поймёт, что оно будет делать через полчаса, и настроится на это. А если вы хлебнули сладкого чая, а через полчаса, когда глюкоза в крови пиково подскочила, не совершили физического рывка и сахар этот не сожгли, значит, вы тело эксплуатируете не в том режиме. То есть разрушаете его. Люди всё время ставят неправильные вопросы. Не надо спрашивать диетолога: а что мне есть? Это зависит от того, что ты собираешься сделать сегодня.

☉ **То же, что и вчера, – сидеть за рулём, за компьютером и на унитазе.**

– Тогда вам нужно немного белка – пару раз в неделю мяса поесть. Но дополнять это каким-то животным белком – рыбой, сыром, яйцами. Пить побольше, а перед сном – жиренького и горяченького.

Поймите, пища подбирается под задачу. Если я сегодня иду стенка на стенку биться, мне нужно моё физическое тело, дайте мне кусок кровавого мяса! Или, допустим, я иду к женщине размножаться, мне опять нужно тело... А если завтра я иду к брахману разговаривать о смысле жизни, тут нужно пищу полегче, чтобы душа поработала...

☉ **Кстати, о душе... Если мне вдруг понадобится идти к женщине размножаться, что перед этим нужно скушать?**

– Сахар в большом количестве. Набор размножающегося мужчины – это торт и шоколадные конфеты. Потому что если мы честно размножаемся, это физическая активность в режиме форсированного кровотока – давление 200 на 100, поддержание эрекции длительное время, а это примерно литр крови в малом тазу! То есть из пяти литров крови целый литр перемещается в малый таз и должен там устойчиво находиться. И сердечно-сосудистая система работает в авральном режиме – пульс 180 ударов в минуту. И мозг должен чётко работать – контролировать самку, чтобы не сбежала. Она же должна сбегать по технологии! И её нужно всё время догонять, напрыгивать на неё – посмотрите, как это происходит в животном мире... Короче, в процессе размножения нужно так трудиться, чтобы потом два дня отдыхать, в это время как раз созреют новые сперматозоиды. А самка все эти два дня отдыха будет находиться под впечатлением и в ожидании следующего праздника.

☉ **Вы чуть раньше велели мне перед сном скушать жирненького и горячего. А как же тезис о том, что после шести есть нельзя?**

– Это вообще тупизм! Есть нужно в последний раз за полчаса до сна. Когда вы ложитесь спать голодным, то время, в которое ваш организм должен получать питательные вещества, вы бездарно профукиваете. Сон нужен для переваривания! Для чего осуществляется кровоток днём? Для дела – движения, работы мышцами. А после еды кровь должна уйти от мышц к желудочно-кишечному тракту, чтобы обеспечить переваривание. Именно поэтому мышцы выключаются, человеку нужно полежать. Даже сознание отключается, поскольку мышление энергозатратно. Так что все эти присказки про «завтрак съешь сам, ужин отдай врагу» – чушь. Днём нужно питаться мелко и дробно, не отвлекая кровоток от дела, а весь основной массив пищи поглощать перед сном. Наше тело именно так и просит делать! Думаете, зря вашему организму хочется поспать после еды?

☉ **Вот вы диетолог. Но диетолог какой-то необычный. С какими проблемами к вам приходят? Ну, понятно, что хотят похудеть, а ещё?**

– Похудеть – это ещё одна тупизна. А тупых я уже давно не принимаю... Зачем худеть? Худеть не надо! Здоровое тело – тяжёлое тело, потому что

крепкие кости и мышцы – тяжелее жира. Нужно не худеть, а избавляться от объёма. Тело должно быть сухое, поджарое и тяжёлое. Его не ухватить, поскольку мышцы будут плотные, налитые. То есть запрос должен быть сформулирован так: доктор, я хочу потяжелеть и уменьшить объём. Это технологично. Такой запрос я понимаю.

А если одна приходит к другому худеть, а тот ей в этом помогает, это значит, два дурака встретились. Поэтому я и поставил на пути к себе несколько фильтров и сейчас принимаю только тех людей, которые прошли путь знаний. Которым не нужно объяснять, что такое сурфактант. Которые просмотрели в Интернете все мои вебинары, а курс там – 72 часа. Эти люди меня послушали, всё рекомендованное мною проделали, сменили тип питания, прошли курс очистки и настройки желудочно-кишечного тракта – тюбаж... И ко мне они обращаются только для индивидуальной коррекции, если что-то не получается. Кто-то не может никак справиться с гипоксией, например. То есть когда стандартный набор действий не срабатывает, идут на личную консультацию. Это всего один процент, остальные справляются сами.

☉ **Получается, не закончив медицинского института, а просто просмотрев ваши лекции, получив инструктаж, люди избавляются от тех болезней, которые современной медициной считаются неизлечимыми?**

– Да. Если человек не знает, как правильно ухаживать за своей пищеварительной системой, он рано или поздно попадает на последствия – камни, язвы, гепатиты, панкреатиты, колиты... А эти болезни достаточно легко корректируются правильным питанием, процедурой тюбажа и приёмом натуропатических средств.

☉ **А артрозы, артриты тоже из-за неправильного питания получаются?**

– Конечно. Артрозы и артриты – следствие токсикоза, когда в кости откладываются токсины. Организм жирорастворимые токсины, которые не может вывести, откладывает в жир, а водорастворимые – в суставные сумки, в кости.

☉ **Но ведь не все заболевания и не во всех стадиях можно вылечить именно диетой! Скажем, женский бич – эндометриозы. На одном из сайтов про это заболевание написано так: «Самое загадочное и актуальное заболевание в современной гинекологии...» Бедных женщины годами пичкают таблетками – безуспешно! Потому что заболевание это психосоматическое и возникает, как сказала одна моя знакомая психотерапевт, из-за «недоверия женщины к мужчинам». У её пациенток без всяких таблеток и диет эндометриоз проходит. А ведь что такое сеанс психотерапии – это же просто болтовня! И работает! А вся официальная медицина не справляется.**

Гранд-Мастер Сативавати

«Тысячи свечей можно зажечь от единственной свечи,
и жизнь ее не станет короче.

«Всчастья не становится меньше, когда им делишься.»

Будда. 566-483 гг. до н. э.

«Делитесь счастьем!»

«7 Красок», 2016 г. н.э.

год создания
2003

Подарки от «7 КРАСОК»

107 балийских и тайских SPA-программ • Восточный хаммам

Романтические встречи • SPA-курсы • Коррекция фигуры

Полезные, романтические, респектабельные

(495) 925-51-77 ☎ (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru

Патриаршие пруды **NEW!** | Арбат ☎ | Полянка | Остоженка | Рублевка | Знаменка | Красные Ворота
Пушкинская пл. ☎ | Минская | пр. Мира ☎ | Ленинградский пр. | Ленинский пр. | Новая Рига
Санкт-Петербург | Королев | Химки | Мытищи.

– Да, я тоже не со всеми заболеваниями справляюсь. У меня своя область, и, если что-то не удаётся, я перенаправляю к другим подобным несистемным одиночкам. А что касается эндометриозов и опухолей, то проблему бесплодия, если женщина следует моим рекомендациям, я решаю очень успешно – даже если у неё два выкидыша в анамнезе. Бывает, эта проблема решается в первый же месяц. Иногда через три-четыре месяца, у кого-то через год. В зависимости от запущенности случая. Но начинать перестраивать себя никогда не поздно. У меня есть «девушка», которая начала первую чистку организма в пятьдесят семь лет. И у неё из желчного пузыря вышел камень диаметром 2,8 см. А официальная медицина полагает, что, если камень больше сантиметра, надо резать.

Очень от многих проблем можно избавиться правильным питанием и перезагрузкой ЖКТ. Но кто об этом знает? Не знают и знать не хотят. И себя губят, и детей. Поработав педиатром и насмотревшись на родителей, которые часто являются причиной детских болезней, я переключился на семейную медицину. Второй диплом у меня – «семейный врач». Так что вижу всю картину целиком: невежественные и больные, неправильно питающиеся родители рожают и воспитывают больных невежественных детей. Ребёнка нужно правильно кормить и правильно учить, чтобы он реализовался в социальном плане. Но в основе здоровой жизни лежит кормовая база. Если вы его неправильно кормите, учить бесполезно: сначала сосуд лепится, потом он наполняется. А худой сосуд наполнять бесполезно.

☉ **К вам больше женщины приходят...**

– С женщиной всё и начинается. Единственное, на чём человеку можно выстроить сильную мотивацию, – иметь здоровых детей. А это прежде всего женская мотивация. Чтобы дети были нормальные, нужно заняться собой. Она начинает заниматься и вскоре понимает: без второй половины тут не обойтись. Поэтому захватывает в свою орбиту того диванного сидельца, который у неё в паспорт вписан и рядом пыхтит. А дальше следующий шаг – ответить на вопрос, как ты живёшь и зачем, помолиться, с Богом поговорить...

☉ **Давайте говорить в терминах западной культуры! Не помолиться, а заняться ауто-тренингом, не карма, а наследственность...**

– Давайте. Заняться ауто-тренингом, изменить образ жизни... Сделать то, чего мы не делали никогда – например, помочь кому-то. Если вы никогда никому бескорыстно не помогали, наконец помочь страждущему существу. Сделать что-то доброе, что душа просит, а не тело.

☉ **Вы говорите вещи, далёкие от диетологии.**

– А диетология для того и нужна, чтобы вы эти вещи поняли. Если вы к определённому возрасту этого не догнали, значит, какая-то система у вас

работает неправильно. Годам к пятидесяти человеку уже нужно входить в период ванапрастхи, как говорят индусы, и начинать думать о нематериальном.

☉ **Вы, как я понимаю, с такими взглядами нигде в официальных конторах не работаете?**

– Давно! Предпочитаю находиться вне существующего потока, поскольку того потока, который бы меня устраивал, я сейчас не вижу. Не существует структуры, которая бы имела целью получение здоровья и развитие человеческого сознания. Вот вы в ваших книгах сами же пишете о людях, работающих вне медицины, но они все по отдельности, в структуру не объединены.

☉ **У меня уже много лет ощущение, что рядом с официальной медициной начала развиваться некая параллельная медицина, основанная на других принципах. Ведь все эти волки-одиночки, нащупавшие свой путь, говорят одни и те же слова. Но пришли к ним независимо. Значит, за ними стоит некая объективная реальность, ускользнувшая от протокольной медицины Минздрава. И это реально работает! Они вылечивают то, что не вылечивает фармацевтический протокол!**

– Верно. Существует целое направление, которое не представлено в организационном виде. У нас есть министерство здравоохранения, читай – министерство медицины, а министерства здоровья и качества жизни у нас нет. А если нет отрасли, как её развивать? Грубо говоря, как вы выйдете в космос, если у вас нет космической отрасли? Сейчас все эти расстриги от медицины, включая меня, болтаются сами по себе, и к нам идут не те, кто хочет лечиться, а те, кто хочет вылечиться. Но отрасли как системы излечения нет. Ведь что есть отрасль? Должно быть, по классике жанра, отраслевое министерство, отраслевой НИИ, отраслевой вуз, который готовит специалистов, поскольку обычный врач для отрасли здоровья категорически не подходит, его нужно переучивать. И, наконец, должно быть опытное производство, которое позволяет обкатывать технологии отрасли и производит инструментарий для отрасли. Сейчас ничего из этого нет, есть лишь отдельные люди, которые ушли из официальной медицины и понимают, что всё нужно делать по-другому. Но они разрозненны и уносят свои знания и свой бесценный опыт с собой в могилу.

Так вот, я хочу организовать отрасль. Подтягиваю к этому людей. Тут ещё важно, чтобы мастер, достигший совершенства в своей области, мог и хотел взаимодействовать с коллегами. Тогда мы сможем решать коллективные задачи, обучать специалистов, писать методики для отрасли. Надеюсь, получится. Главное – быть сонастроенным со всей вселенной и идти своим путём. И я иду... ☉

Простой секрет вечной молодости

Вечная жизнь интересовала людей всегда. Любое средство, которое могло победить старость, вернуть здоровье и молодость, сразу вызывало интерес. Это понял Джузеппе Бальсамо, известный как граф Калиостро. Он рассказывал заинтересованным слушателям о своей тысячелетней жизни, о создании философского камня и эссенции, которая дарит вечную жизнь. Богатые кошельки раскрывались сразу, как только их владельцы слышали о возможности вновь стать молодыми и здоровыми. Но рецепты этих чудотворных средств не дошли до наших дней, хотя желающих узнать секрет вечной жизни по-прежнему много. Спустя сотни лет был изготовлен напиток, продлевающий молодость и укрепляющий здоровье – «Архыз + Антиоксидант = Живица» (далее по тексту – напиток «Живица»).

Особенность данного напитка в уникальном составе: горная природная вода «Архыз», антиоксидант и витамин С. Именно антиоксиданты помогают защищать клетки нашего организма от внешних и внутренних токсических воздействий. Эталонном всех антиоксидантов считается дигидрохверцетин, полученный из прикорневой части сибирской лиственницы. Однако долгое время

не удавалось найти формат, в котором дигидрохверцетин будет стабилен в растворе. В напитке «Живица» смогли стабилизировать дигидрохверцетин, благодаря чему увеличилась его биологическая активность.

Вода минеральная «Архыз», добываемая на высоте 1507 метров над уровнем моря вблизи территории Тебердинского государственного заповедника и являющаяся основой напитка, с растворённым в нём дигидрохверцетином делает его инновационным.

Результаты уникального воздействия напитка «Живица» на организм человека были многократно подтверждены медицинскими исследованиями.

Напиток «Живица» способствует улучшению памяти, устранению кислородного голодания, замедлению процесса старения клеток, нормализации давления.

Также исследования показали эффективность напитка «Живица» в нормализации состояния беременных женщин при осложнённом течении беременности ранним токсикозом.

Ещё одной особенностью этого инновационного напитка является устранение симптомов аллергии. В условиях современного мира это одно из важнейших свойств!

Выпивая не менее одной бутылочки напитка «Жи-

Юлия Ушакова,
пятикратная чемпионка
России и двукратная
чемпионка мира
по бодифитнесу

вица» в день, вы восполняете рекомендуемый уровень потребления антиоксидантной защиты и укрепляете своё здоровье.

Цель современного человека – не просто дольше жить, но и оставаться при этом здоровым, активным и жизнерадостным. И антиоксидантная терапия позволяет это. Она сделала реальной мечту человечества о продлении молодости, и благодаря напитку «Живица» эту мечту можно воплотить в жизнь.

Напиток «Живица» – это эффективный и лёгкий путь к улучшению качества жизни, обретению энергии и замедлению процесса старения.

Разные задачи

Виктория Токарева

«Умные люди
заранее готовят
своё будущее»

Я построила дом, который мне нравился за одним исключением. Я не предусмотрела спальню на первом этаже, а лестница на второй этаж оказалась крутовата. Расстояние между ступенями – семнадцать сантиметров, а надо пятнадцать. Два сантиметра решили дело. Иногда такая мелочь становится роковой.

Как это произошло? Как случилось, что я не предусмотрела нужный наклон своей лестницы? Рассказываю.

Мои рабочие (белорусы) уехали к себе в село сажать картошку. Я осталась одна, и ко мне во двор забрёл мужик. Представился: зовут Петрович, живёт в Архангельске, работает пожарным. Умеет складывать камин. Не нужен ли мне камин? Нужен.

Петрович сложил угловой камин за два дня. Вывел на крышу трубу. Продемонстрировал результат. Камин работал как зверь. Тяга такая, что вытянет кога. Я спросила: сколько? Петрович мялся. Ему неудобно было брать с меня деньги. Я его приютила, кормила. Он считал, что этого достаточно.

Наш посёлок кишел шабашниками. Все как стервятники. За рубль в церкви пёрнут. А мой Петрович сложил суперкамин и не решается взять честно заработанные деньги. Стоит, стесняется, как чеховский студент.

После перестройки нация испортилась, но не окончательно. Остались золотые острова в виде Петровича. Было понятно, что «я его никогда не увижу, я его никогда не забуду».

Он уехал и оставил на душе тихий праздник, как рассвет над Москвой-рекой.

Вернулась моя бригада.

Вошли в дом. Широкий камин сиял в углу. Угловой камин-красавец. Но... Он занял то место, где должна была стоять лестница.

– А где мы поставим лестницу? – спросил меня прораб Борька.

Я всё поняла. И зарыдала.

Мои белорусы не представляли себе, что я могу плакать. А я могу. Было непонятно: что же теперь делать? Разрушать камин? Рука не поднималась. Ставить лифт?

Пришёл хороший архитектор с чешской фамилией Лаучка, всё просчитал. Сварщики сварили жёсткую лестницу из швеллера. Покрыли металл деревом. Всё обошлось, единственно расстояние между ступенями составляло семнадцать сантиметров при норме пятнадцать. А ещё лучше – тринадцать.

Но хорошо хоть так.

Какой-то кусок жизни я бегаю по этой лестнице вверх-вниз,

потом ходила. А потом встал вопрос: надо создать дополнительную спальную комнату на первом этаже.

Время идёт вперёд и никогда назад. И моё время тоже будет идти вперёд, и об этом надо подумать сегодня. Умные люди заранее готовят своё будущее.

Встал вопрос: где расположить будущую комнату, позади дома или сбоку?

Позади дома росла вековая ель, которая простиралась до неба. Она закрывала солнце, была очень мощная и старая.

Близкая подруга посоветовала мне бригаду строителей из Украины. Она проверила их в работе и осталась довольна. Рекомендация – большое дело. Мало ли кто припрётся?

В 90-е годы ещё не было строительных фирм, орудовали шабашники – обычные рукастые мужики, а иногда и криворукие. У них даже не было инструментов, ни топора, ни гвоздя. Являлись с голыми руками. Приходилось бродить по посёлку, как бездомная собака, и кланчить то одно, то другое.

Моя бригада была сбита в стаю. У них оказался прораб Колька и всё, что надо для работы, включая машину «Лада». Если чего не хватает, можно махнуть на базар и купить.

Колька – сорокашестилетний, высокий, крепкий мужик в комбинезоне на американский манер. На голове – спортивная кепка с длинным козырьком. Всё вместе, с голубым, честным взором, внушало доверие. Рядом крутился двадцатилетний сынок – белобрысый, белозубый, нахальный, прикрытый отцовской любовью.

Позади Кольки, как греческий хор, стояла бригада. Примерно шесть человек. В тёмных рабочих одеждах, скромные, тихие. Я бы сказала: забытые. Колька смотрелся на их фоне как султан Сулейман. Его распоряжения не обсуждались и выполнялись беспрекословно.

Я видела, конечно, что Колька хитрован, клейма негде ставить, но они все такие. Приезжают на заработки, живут как рабы, мужественно сносят все тяготы и лишения. Их главная задача – заработать и уехать домой с деньгами. А моя главная задача – комната на первом этаже.

Колька назвал цену. Она меня не напугала. Я ещё не знала, что первая цена – это приманка. Сыр в мышеловке. В дальнейшем эта цена удваивается, утраивается и упятеряется.

Однако комната – главнее денег. У меня два сна – дневной и ночной. Я два раза в сутки должна карабкаться вверх и вниз, преодолевать маршрут. А время, как я уже говорила, идёт вперёд. К тому же я человек не спортивный. Не люблю трудности и преодоления.

Выбираем место для пристройки. Колька убеждён, что комнату надо пристраивать позади дома, как бы продолжить дом. Но ель... Один из рабочих по имени Васька надевает на ноги «когти» и лезет на дерево. Он взбирается ловко, как обезьяна. Добирается до верхушки и сидит там, обхватив ствол руками и ногами. Далее в его руках оказывается пила «болгарка». Васька начинает резать дерево по кускам. Сначала отделяется верхушка. Потом Васька опускается на метр и режет ствол ниже. Это похоже на фокусы Дэвида Копперфильда. Куски дерева падают отвесно и точно в цель, не задевая крыши моего дома. Через час от ели остаётся высокий пенёк.

Колька озвучивает цену за ель. Я даю в два раза больше. Вторая цена – это плата за страх. Есть

то, что дороже денег, а именно – глубокое удовлетворение результатом труда. Не просто сделано, а максимально хорошо.

Мопассан вообще считал, что смысл жизни – делать свою работу хорошо. Не важно, какую работу: написать книгу или свалить дерево.

Я плачу удвоенную цену за сброшенную ель и за смысл жизни. Колька быстро соображает, что я интеллигентка, восторженная дура, мною можно манипулировать.

Следующий этап: фундамент. Земляные работы – тяжёлая составляющая. Если не следить, могут вырыть наполовину. Ров будет мелким, зимой земля начнёт выталкивать фундамент, по стенам пойдут трещины. Это недопустимо. Я хожу вдоль рва, смотрю как ястреб, проверяю глубину двухметровой палкой.

Колька видит, с кем связался, и понимает: лучше не рисковать, иначе не заплатят. Я способна не только увеличивать цену, но и сокращать. Мы с Колькой понимаем друг друга без слов. Моя задача – комната, его задача – прибыль. Хочешь получить прибыль – работай добросовестно.

Через два дня ров предстал во всём величии – глубокий, ровный, как на чертеже. Теперь туда надо опустить арматурную сетку. Сварщик Андрей режет арматуру на ровные куски. Васька связывает куски тонкой проволокой. Сетка готова. Её опускают в ров. Я смотрю на это сооружение. Буквально Карл Фаберже, произведение искусства. Даже жалко заливать бетоном. Теперь вопрос: как заливать? Бетономешалка туда не пройдёт. Между домом и забором – полтора метра.

– Не переживайте, хозяйка, – успокаивает Колька. – Это моя проблема.

У него не может быть своих проблем отдельно от моих. Это наша общая проблема.

Я выхожу из дома в восемь утра и вижу перед собой толпу

работяг, человек тридцать. Они все одинаковые, как китайцы, одного мелкого роста, в одинаковых тёмных рабочих одеждах.

Я догадалась, что это Колькин отряд, который он привёз из своего села. Они распрямлены по разным объектам, а сейчас Колька собрал их воедино.

Колька, как оказалось, мощный менеджер, предприниматель. Без него вся эта команда – нищий сброд, тяготеющий к бутылке. А с ним – созидательная сила. Они работают тёплый сезон (полгода) и уезжают домой, и после них вырастают дома, а в домах рождаются дети. Жизнь.

Отряд ждёт бетономешалку. Они вооружены носилками для переноса цемента. Стоят молчаливые, сосредоточенные, как перед атакой. Непосредственно для бетона сбито огромное корыто – ёмкость из досок. Доски взяли в моём сарае.

Подошла бетономешалка, вывалила из своего чрева десять кубов бетона, а может, и двадцать. Наступает напряжённый и ответственный момент. Бетон твердеет очень быстро, и задача отряда – моментально перетаскать его по назначению. Каждая секунда на учёте.

Не было ни суматохи, ни толчеи. Все пятнадцать пар с полными носилками потекли цепочкой, как муравьи. Туда – обратно. Туда – обратно. Опрокидывали в траншею полные носилки, возвращались за следующей порцией. Молча, слаженно, как кордебалет. Колька – главный хореограф.

Через час корыто было пусто. Фундамент залит.

На другой день фундамент застыл намертво, стоял прочно, как скала, и отсвечивал сизым блеском, как голубиное крыло. Это значило, что цемент нужной марки, нужной крепости. Он будет стоять сто лет, и двести, и не подвергнется энтропии.

Колька назвал цену на тридцать процентов дороже, чем договаривались. Но я смолчала.

Я уважаю хорошую работу. Деньги – это бумага. А фундамент – это основание дома. Деньги можно заработать, а фундамент повторить нельзя.

В середине рабочего дня – перерыв на обед. Готовила жена Кольки Люся, добная, как калорийная булочка. Продукты закупал Колька. Ели рабочие одно и то же: суп из куриных окорочков. В тарелку выдавливали майонез. Так каждый день. Мяса Колька не давал. Экономия средств. Я видела, что его жадность не имеет границ, но не вмешивалась. Это не моя территория. Однако, чтобы оживить трапезу, я выдавала каждый день бутылку водки. Рабочие ждали молча. Не благодарили. Принимали как должное. Но я и не ждала благодарности. Это я была им благодарна за то, что они улучшают мою жизнь.

У бригады довольно часто случались церковные праздники, и тогда они не выходили на работу. Я уважаю людей, которые уважают свою веру. И даже сверхжадный Колька допускал паузы в своей тотальной эксплуатации человека человеком.

Однажды случился праздник и у меня. День рождения. Всё-таки это праздник. Могла ведь и не родиться или родиться другой. Я купила мяса для шашлыков. Рабочие сделали всё остальное: замариновали, зажарили. Потом окружили меня и спели «Многая лета». Пели хорошо. Стояли радостные, как дети. Не зашуганные рабы, а сильные люди с ясными лицами, чистыми душами, жаждой счастья. Солнце для всех одно и небо одно. И многая лета.

Стены выросли быстро, буквально за неделю. Подошла очередь отопления. Это очень серьёзная позиция. Отопление и освещение – главные составляющие. Надо, чтобы в доме было тепло и светло.

У меня были свои водопроводчики, которые обслуживали

посёлок, – Кеша и Паша. Молодые, довольно красивые и цивилизованные люди, которых не надо перепроверять. Они не забыли, что есть такое понятие: рабочая гордость.

Я их уважала. Они это чувствовали. Приятно ведь приходиться в дом, где тобой восхищаются. Я решила пригласить Пашу и Кешу, но Колька обиделся.

– Не доверяешь, хозяйка? – спросил он.

– У меня есть проверенные, – объяснила я.

– У нас Андрей – сварщик высшего разряда.

– А сделает?

– А чего там делать? Там и делать особенно нечего.

Я подумала: может быть, действительно работа не сложная...

Андрей явился в назначенный день. Отопление основного дома размещалось в котельной. Там стоял котёл с трубами, и от этих труб надо было взять тепло в пристройку. Я подошла к котельной. Мне навстречу качнулся Андрей. Его лицо было смущённым.

– Хозяйка, я тут у тебя ящик водки нашёл, – поделился он.

– И чего?

– Я взял две бутылки.

– А куда ты их дел? – не поняла я.

– Так выпил.

– А как же ты теперь будешь работать? – испугалась я.

Водки мне было не жаль. Пей, хоть залейся. Но отопление... Я никуда не ушла от котельной. Стала наблюдать. Андрей сел на трубу верхом. Приставил к ней сварочную дрель. Включил. Дрель затарахтела и соскочила.

– Фу, твою мать, – отреагировал Андрей.

Снова поставил дрель на трубу. Включил. Она затарахтела и соскочила в другую сторону.

– Фу, мать твою... – буркнул Андрей.

Я видела, что он сейчас продырявит трубу и случится потоп.

– Так, слезай с трубы, – велела я. – Иди отсюда. Я снимаю тебя с работы.

Андрей послушно слез, вышел из котельной. Солнце ласково светило ему в лицо.

Андрей был вполне симпатичный, артистичный мужик. Любил показывать Брежнева. Хотел нравиться.

Сейчас, в данную минуту, ему было благостно и хорошо. Кровь, сдобренная большой порцией алкоголя, бодрила и весело бежала по его внутренним трубам.

– Работать не смей! – приказала я.

Но Андрей и не собирался. Он хотел прилечь и отдохнуть.

Ко мне подошёл Колька.

– Надо купить эмульсионку, – обозначил он.

Мы сели в его машину и отправились на базар.

Я любила покупать сама, поскольку Колька предпочитал самый дешёвый товар, а деньги брал как за самый дорогой. Имело место несоответствие цены и качества. Колька хотел обвести меня вокруг пальца.

Я видела эти уловки и прыжки и не давала Кольке обвести себя вокруг его кургузого хохлацкого пальца. Просто садилась в машину, ехала на базар, сама выбирала, сама платила.

Мы двигались молча. За рулём сидел Колькин сын – продолжатель кулацкой династии. Я – рядом. Колька – сзади. Он был недоволен моим присутствием. Я тормозила его устремления к наживе. Но ничего. Потерпит.

– Я сняла Андрея с работы, – сообщила я Кольке. – Он с утра нажрался. Я ему не доверяю. Я позову своих водопроводчиков.

Колька не ответил. Молчал всю дорогу.

Подъехали к строительному рынку. Вышли из машины. Колька остался сидеть. У него был такой вид, как будто ему сообщили о смерти родной матери. Он буквально не мог подняться.

Я даже удивилась: неужели отставка Андрея такое большое несчастье? Или у Кольки есть какая-то другая причина?

Я решила не задавать вопросы, не лезть в душу. Захочет – скажет сам.

На другой день явились Паша и Кеша, посмотрели на результат труда Андрея. Он уже успел внести свой трудовой вклад.

– Что будем делать: сопли за ними подбирать или всё заново? – спросил Паша.

– Всё заново, – сказала я.

Паша и Кеша подобрали с пола китайские шланги и отнесли их к мусорному баку. На выброс. Китайская продукция не надёжная.

Мои специалисты купили новые немецкие шланги, все необходимые переходники и напосы, тоже немецкие, высшего качества.

Работали с утра до вечера. Закончили за один день.

Не люди – боги. В моей душе пели фанфары. Ода к радости.

Водоснабжение было не только надёжным, но и красивым. Всё-таки красота имеет смысл во всём, даже в разводе труб. Даже тогда, когда трубы скрыты и их не видно. Всё равно я знаю, что под досками пола или под кафельной плиткой проходит грамотная, красивая разводка.

Паша и Кеша закончили работу и ушли. Я заплатила им две тысячи долларов. Колька хотел столько же.

На родине Кольки две тысячи долларов – это состояние. Клад Али-Бабы. На эти деньги можно жить год. Но деньги проплыли мимо Колькиного рта, в непосредственной близости.

На другой день я не сразу увидела Андрея, а когда увидела – не узнала. Он был смят и сломан, как машина после аварии, не подлежащая восстановлению.

Васька сообщил мне по секрету, что вчера Колька избил Андрея. Он бил его сначала руками, а потом ногами. Рабочие едва оттащили Кольку от Андрея, боялись смертоубийства.

Оказывается, Андрей – алкоголик. Колька не хотел брать его в бригаду, но пришла жена Андрея и просила-умоляла. Андрей тоже клялся-божился, что не развяжет. Колька пошёл на риск. Риск себя не оправдал. Колька взбесился не оттого, что Андрей не сдержал слова. Моральный облик Андрея его не волновал. Колька потерпел материальный ущерб, и весьма существенный. За такие деньги он готов был убить Андрея и не сделал этого только потому, что боялся тюрьмы. В тюрьме хуже, чем у себя дома.

Впереди предстояла внутренняя отделка. Колька ходил злой и напряжённый, как бык. Густо матерился. Благостность с него сошла.

Андрея поставили на тяжёлую работу: вручную делать бетон.

Он сыпал в корыто цемент, песок, лил воду и тяжело размешивал лопатой, создавая нужную консистенцию. На меня он не глядел. Обиделся. А может, презирал.

В сущности, что произошло? Он мог бы скрыть две бутылки водки, никто бы и не узнал. Но Андрей, как честный, порядочный человек, сознался мне в своём поступке. А я его заложила. Выдала.

Кто я после этого? Законченная сволочь. Стукачка. А ещё притворяюсь культурной.

Как говорил алкоголик Федул в фильме «Афоня», «от не люблю я таких людей». Андрей был с ним солидарен. Не любит он интеллигентов, которые равнодушны ко всему, кроме своих интересов.

У меня есть подруга молодости Инночка. До перестройки она служила в научно-исследовательском институте, а потом перешла работать в еврейский благотворительный фонд. Там неплохо платили, лучше, чем на прежней работе.

Задача фонда – помогать старым и одиноким евреям, оставшимся без всякой поддержки.

На религиозный праздник под названием Ханука выносили ханукию – подсвечник для девяти свечей. Устанавливали перед зданием. Это было довольно высокое сооружение – в человеческий рост, сделанное из дерева или из меди.

Каждый день положено зажигать по свече. Сначала горела одна, потом две. До третьей свечи дело не доходило, потому что являлись ребята из общества «Память» и ломали ханукию. И раскидывали в разные стороны.

На следующий день выходили евреи и всё ставили на прежнее место и снова зажигали свечи.

К вечеру появлялись ребята из «Памяти» и ломали ханукию. И запатывали свечи.

Наутро евреи восстанавливали всё, как было.

К вечеру являлись ребята из общества «Память» – и так далее, по схеме.

Раввин предложил перенести ханукию в другое место и укрепить основание.

Инночка подошла к раввину и сказала:

– Какой смысл делать то, что будет разрушено?

Раввин погладил свою бороду, она у него жидкая и всегда чисто, до блеска промывая. И произнёс:

– Деточка, дело в том, что у нас разные задачи. Наша задача – поставить ханукию. А их задача – сломать. Каждый должен заниматься своим делом...

Я стала осмысливать слова раввина. В самом деле, в моём случае у всех были разные задачи.

Моя задача – комната.

Задача Кольки – прибыль.

Задача Андрея – выпить. В его случае это не распущенность. Это зависимость, которая управляет человеком.

Задача Андрея вошла в противоречие с моей задачей. И с Колькиной.

Базовые вопросы бытия «кто виноват?» и «что делать?» по-прежнему висают без ответа.

Кто виноват? Никто.

Что делать? Ничего. ☉

У зеркала

Вера Павлова

«Вся в обновках.
В каждой витрине —
моё отраженье»

и поправляется, окончательно всё портя: «Как у совсем молодой».

*И только в гостиничном
зеркале
увидишь, что — постарела.
Дома зеркало не замечает
маленьких изменений,
дома зеркало привыкло
заискивать, угождать,
унижаться,
ослеплённое любовью.
А в гостинице зеркало
равнодушно
и надменно. Его не подкупишь
жалкими чаевыми.*

Но зачем нужны зеркала, если есть мужчины? Сокровище моей коллекции: «Вы прекрасны, как Баба-яга в молодости!» Впрочем, всегда есть вероятность, что мужчину называет тебя самой красивой женщиной на земле, потому что забыл, как тебя зовут. Хотя какая разница, как меня зовут! «Вы похожи на мою маму. Она была самой красивой в деревне». Есть комплименты, вспоминая которые хорошеешь...

Да и с зеркалом всегда можно договориться.

*Зеркало по природе правдиво,
поэтому оно легковерно,
поэтому ничего не стоит
вести его в заблужденье:
поворот головы, пары прядок
размещенье, прищур и улыбка,
и уже верещит, простофиля:
— Всех милее, румяней, белее!..*

А если это не срабатывает, возьмём айфон и спросим у Сири по-английски: «Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?» И она ответит: «Конечно, ты, мой друг!» Правда, нельзя доверять тому, кто прячет за спиной яблочко. В чём я и убедилась, десятый раз задав Сири этот вопрос и услышав в ответ ехидное: «Белоснежка, это опять ты?»

*Не скрою: сорок девять.
Утешусь прибауткой:
была Царевной Лебедь,
а стану Гадкой Уткой.
Но — осторожней, старость,
ври, да не завирайся! —
я всё равно останусь
самой красивой в классе.*

Ленясь печатать, искала этот стишок в Сети. Нашла — на сайте «Косметология и пластическая хирургия». Стишок устарел: мне пятьдесят три.

Шкагулочка моя наполняется потихоньку. Заглядывать в неё приятно. Пока. Потом она, наверное, не понадобится. Что я с ней сделаю? Завещаю моим красавицам-дочкам.

*Попую и попляшу,
тело белое сношу
и состарюсь в свой черёд.
А потом и смерть придёт —
выпьет зеркало до дна,
и сделается видна
тонколица, хороша
красна девица душа.* ☉

В письменном столе моей памяти — не на самом видном месте, но всегда под рукой — хранится заветная шкатулка. Небольшая, изящная, старинная. Я складываю в неё комплименты. Я начала собирать эту коллекцию ещё в школе. Учительница погладит по волосам: «Какие шёлковые!» — и бежишь к зеркалу, любишь: зеркало, как мы с тобой раньше этого не замечали? Учитель скажет: «Сияют, как звёзды», — и смотришь в глаза зеркалу, не можешь оторваться. Сосед возьмёт за руку: «Какая тоненькая!» — и, куколка-балетница, танцуешь перед зеркалом часами. Эй, вы, дразнившие меня Буратино! Не такой уж длинный у меня нос. Сказала же одна моя сокурсница другой: «Хочу нос как у Верки». И ноги — слышишь, урод Штеренгарц из 3-го «В»? — не кривые. Знаешь, что сказал о них пианист с параллельного курса? «Лучшие ножки Франции». А Демьян Кудрявцев знаешь что сказал? «Ноги Веры Павловой — главное достижение русской поэзии конца XX века».

*У меня сногшибательные ноги,
и головокружительная шея,
и лёгкое, удобное в носке,
не сковывающее движенья
тело, и вольный, проточный
голос, и Золушкина ножка,
и кажется достаточно
прочной
эта одежда.*

Отдельно, в непрозрачном пакете, хранятся женские комплименты. Вот жена писателя говорит: «Так вы красавица — зачем вы это скрываете?» Вот подруга восклицает, увидев меня после долгой разлуки: «А тело как у молодой», —

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*В которой певица Варвара Визбор
рассказывает, каково быть
аутсайдером **с.32***

.....
*а Николай Цискаридзе в роли ректора
академии – в чём московские балетные
круче питерских **с.38***

—❖— ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ ❖—

Аутсайдер

О певице Варваре Визбор, внучке знаменитого барда Юрия Визбора, все узнали и заговорили после её участия в проекте «Голос». Хотя точнее было бы сказать – неучастия. После первого прослушивания в «Голос» её не взяли, о чём потом наставники, особенно Градский, не скрывая, жалели. Но это тот случай, когда провал предопределил успех

СВЕТЛАНА ИВАНОВА

⊙ *Ситуация действительно была уникальная. Явный неуспех. Но реакция публики была и до сих пор остаётся – будто проект вы выиграли. Варвара, признавайтесь, вы умеете заговаривать неудачи?*

– Никакого мошенничества! (Смётся.) Дело в том, что я и раньше часто оказывалась аутсайдером. Помню, как провалилась во ВГИК. Курс тогда набирал Алексей Баталов. После первых прослушиваний он собрал абитуриентов, которые не прошли на следующий тур, а их было очень много, и с таким уважением поговорил со всеми нами. Он сказал, что эта неудача не означает, что у нас нет шансов поступить в другой вуз, что у нас нет таланта. Просто именно к нему на курс мы не попадаем... Меня дико удивило такое человеческое отношение к аутсайдерам. Человек нашёл время и слова, чтобы мы не повесили нос. Этот случай меня потряс. Научил не расклеиваться от трудностей: погоревала немного, пошла дальше, вперёд...

В детстве я была гадким утёнком. Такая вся... страшенькая, с очень короткой стрижкой. Да ещё зажатая, не со всеми могла наладить отношения, не умела всем понравиться. Очень переживала. К тому же в школе у меня никак не получалось читать наравне со сверстниками. Все уже читали по слогам, а у меня это просто катастрофически не получалось – жуткий был комплекс. Домой вызывали логопедов. Мы читали с ними книжки, а я всё путала буквы, переставляла их местами. У меня и сейчас это осталось, немного, но осталось. И я чувствовала, что для родителей я... какое-то сплошное разочарование, не оправдываю надежд. Из-за этого путалась ещё больше. Когда мама открывала мою тетрадь с сочинением, она хваталась за сердце, слово «молоко» я писала через «а». И только моя бабушка Ада (Ада Якушева, знаменитый в 60-е бард. – Прим. авт.) всегда меня защищала: «Ну что пристаёте к ребёнку! У неё литовские и белорусские корни, а там молоко пишется через «а». Так что она всё правильно написала». Меня хотели даже оставить на второй год за неуспеваемость, но сжалились: потому что я «светлый» ребёнок. Сказали, что есть надежда, просто пока её не видно. Мама перед родительскими собраниями пила валерьянку, потому что для неё это был стресс. Всем было тяжело, и мне, и родителям.

⊙ *Считается, что имя и фамилия влияют на судьбу. Сначала вы носили папину фамилию Лобикова, но потом поменяли на дедушкину – Визбор. Изменилось что-то после этого?*

– Это мама предложила: тем самым я буду продолжать род по маминной линии, а мой брат – по отцовской. Я с радостью согласилась! Для меня вообще почему-то всегда важно, как звучит имя человека. А в моём случае раскатистые «р»

явно придали мне уверенности, это правда. Но главное, что я фамилию деда продолжила.

⊙ *А вы знаете её значение?*

– К сожалению, нет. Мы с дедушкой разминулись на один год. Он умер рано, в пятьдесят лет. От мамы знаю, что фамилия Визбор нам досталась от прадедушки-литовца Юзефа Визбораса. При переезде в Россию, после революции, окончание «ас» убрали, а в 1938 году по сфабрикованному обвинению прадедушку расстреляли. Его сыну, Юрию Визбору, было тогда три года. С моей бабушкой Адой Якушевой они познакомились на первом курсе педагогического института. В результате появилась песня «Солнышко лесное», которую Визбор посвятил моей бабушке. А бабушка в долгу не осталась и тоже сочинила – мою любимую песню «Ты моё дыхание», которую я пою на концертах. А потом родилась мама.

Мама мне рассказывала, как однажды дедушка преподавал ей урок «журналистского мастерства». Она готовила материал о нём для Центрального телевидения, и вся съёмочная группа приехала к ним домой, в однокомнатную квартиру. Мама должна была задавать деду вопросы и особо не готовилась, думала, он сам всё прекрасно расскажет. И вот она его спрашивает, а он односложно отвечает: «Да», «Нет». И молчит. И улыбается. Съёмочная группа – операторы, режиссёры, руководители группы – смотрят на них и ничего не понимают. Мама тащит дедушку в ванную: «Ты чего меня позоришь?» А он смеётся, говорит: «Какой вопрос – такой ответ. Готовиться надо было, дорогая».

⊙ *Оборотную сторону известности на себе уже почувствовали? У нас любят говорить, что природа на детях отдыхает. А вы к тому же присягнули на святое – очень по-своему исполняете песни дедушки и бабушки, которые все знают буквально наизусть.*

– Об этом, наверное, лучше спросить у моей мамы. Вот её после института не взяли работать на Гостелерадио, потому что тогда боролись с династиями. Ей сказали, что она не может там работать даже уборщицей. Знаете, как среагировал дедушка? Он сказал: «Хочешь, я уйду из штата?» А он тогда был штатным сценаристом творческого объединения «Экран».

Сейчас всё изменилось. На мою фамилию никто так не реагирует. Если только кто-то из старшего поколения. Когда я училась в Щукинском театральном училище, наша преподавательница по зарубежной литературе однажды сказала: «У тебя такие талантливые дед с бабушкой, почему же ты не пишешь стихи?» Это был упрёк.

⊙ *Ваша мама рассказывала, что в доме родителей всегда было много гостей. Кто-то постоянно оставался ночевать и спал под столом на раскладушке, потому что комната была*

маленькая и места всем не хватало. Утром она перешагивала через чьи-то ноги и шла в школу. Бывали никому не известные бородатые дядьки, с которыми дедушка познакомился в очередном походе. Но были известные актёры, поэты, космонавты. Вы кого-нибудь помните из них?

– Я почему-то никогда не любила гостей. Очень ревновала, когда кто-то приходил. До сих пор это всё осталось. Я не люблю лишних людей в своём доме. Всегда была очень замкнутой. Своё пространство оберегаю, как пёс. Двери нараспашку и разговоры до утра – это не для меня.

В этом смысле я полный антипод бабушки и мамы. Я как папа. Он у меня очень сдержанный и практичный.

☉ Вы никогда не видели своего дедушку в жизни. О чём бы вам хотелось с ним поговорить или спросить, если бы появилась возможность?

– А я с ним и так всё время на связи. Только не думайте, что я сумасшедшая. Я смотрю фильмы, где он играл, читаю его стихи. Там все ответы на мои вопросы. Он мне очень близок по духу.

☉ Интересно, что вы со своей замкнутостью и нелюдимостью выбрали публичную профессию и решили поступать в театральный институт. Решили таким образом избавляться от комплексов?

– Если честно, пошла на поводу, это был жест отчаяния – у меня была тройка по математике... Но несколько не жалею. Только не смейтесь, но именно в театральном я научилась наконец-то читать! Нам давали безумные объёмы литературы, читать нужно было очень быстро. Это был нужный опыт. Я стала намного увереннее в себе. И институт закончила с отличием.

☉ Проект «Голос» – это была первая проба голоса на такую большую аудиторию?

– Нет. Сколько себя помню, дома с братом мы всегда слушали музыку. И с удовольствием музицировали. Притом что музыкальной школой нас не мучили, потому что в своё время так мучили мою маму, и она сделала вывод, что сама уж точно не будет издеваться над своими детьми. Сейчас мы с братом профессионально занимаемся музыкой, но музыкального образования у нас нет. Юра – композитор, пишет музыку для кино, театра, песни сочиняет, играет на многих инструментах. Он самоучка. И я тоже. Мне кажется, если бы мы учились в музыкальной школе, преподаватели отбили бы у нас охоту заниматься музыкой. Некоторые ребята из нашей джазовой группы признают, что им мешает музыкальное образование – мешает мыслить нестандартно. В мире масса примеров, когда интересная музыка создавалась любителями, как мы.

Ещё в школе мы с братом выпустили самопальный диск. Потом с этими песнями выступали – в «Гнезде глухаря», в «Альма-матер». В 2010

году на творческом вечере, посвящённом нашему дедушке, мы познакомились с джазовым музыкантом Сергеем Хутасом и создали проект «Визбор V.S. Хутас», играли в этом составе до 2015 года – не академический джаз и не авангард, а такую... приджазованную музыку. Конечно, и песни бабушки и дедушки – просто в своей аранжировке.

☉ После «Голоса» у вас появилась масса предложений от продюсеров, о которых даже победителю не снилось. Мечта артиста! Но вы от всех отказались, объяснив так: «Не готова продавать душу дьяволу». А дьявол – это кто? Продюсер?

– Жесткие правила этой индустрии... Например, звонил Иосиф Пригожин, мы замечательно поговорили. Но к тому времени мы успели пообщаться и с другими, не менее известными продюсерами, которых я не буду называть, и поняли, что за красивыми обещаниями стоит многолетняя кабала. Отечественный шоу-бизнес не предусматривает никаких компромиссов для начинающего музыканта, ты становишься рабом лампы. Больше всего меня удивило, что до подписания контракта ты даже не знаешь, какой репертуар тебе могут навязать, и никаким образом не сможешь на это повлиять. Я слишком долго, по крупицам собирала свои песни и многое отсеивала, чтобы в один момент отказаться от этого и играть по чужим правилам. Я свой материал выстрадала. Поэтому мы с ребятами всё обсудили и решили, что плывём сами.

☉ Сами не пробовали писать стихи или музыку, как брат или дедушка?

– Хороший артист – не всегда хороший композитор. Есть, конечно, исключения – Цой, Земфира, но их мало. У дедушки потрясающие стихи, но он не был певцом. А я именно вокалист, проводник – хорошо могу пропускать через себя чужие мысли и чувства и доносить это до своих слушателей.

☉ А вы считаете себя красивой?

– Нет, мне достаточно того, что мой муж так считает. Он говорит, что в обычной жизни я незаметная и скромная. Но на сцене превращаюсь в красавицу. Ему, конечно, виднее. Но я-то думаю, что я не то и не другое. Я – пёс. Я умею служить – любимому делу, любимому мужчине.

☉ Можете назвать работу кого-то из своих коллег, которая вас потрясла?

– Последний альбом Земфиры. Она отважилась выпустить такой ранним альбом. Абсолютно не коммерческий альбом, но в первую же неделю он был скачен миллионами. Она маг.

☉ А как вы себя чувствуете в музыкальной тусовке? Стали «своей»?

– Мне кажется, что тусовки-то как таковой давно нет. У каждого график, расписание. У всех есть директор. Эпоха тусовок, которая была

NEWBY

LONDON

Возрождая искусство чаепития

Бутик эксклюзивных чаев и тизанов Newby – это уникальное пространство, чей изысканный интерьер и располагающая атмосфера помогут погрузиться в мир, где чай – это больше, чем просто любимый напиток, это – настоящее искусство. В бутике Вы сможете познакомиться и профессионально продегустировать уникальные сорта, собранные в лучших чайных регионах мира, и, несомненно, подобрать из более чем 150 эксклюзивных сортов уникальные вкусы как для себя, так и в подарок.

Ждем Вас ежедневно в центральном атриуме ТЦ «Афимолл» на втором этаже с 10:00 до 22:00.

раньше, мне кажется, осталась в прошлом, когда я была маленькая и не знала, как пахнет водка.

☉ **Вас уже узнают на улице?**

– Слава богу, что очень редко. Это не весело на самом деле. Я бы хотела жить за городом, в своём маленьком домике с лужайкой. А в город выбираться только по необходимости. А что, бывают артисты, которым нравится, когда их узнают в продуктовом магазине? Это же ненормально. Узнавать должны песни.

☉ **А в чём для вас измеряется успех? Деньги? Концерты в Кремле? Миллионные скачивания, как у Земфиры?**

– Это независимость. Чтобы иметь возможность записывать песни, которые мы придумали, снимать клипы, покупать платья и красивые туфли для сцены. И при этом не думать о том, что твоя семья будет есть завтра. А пока все деньги, которые мы зарабатываем, тратим на создание музыки: студию, звукозапись, клипы.

☉ **А у вас были такие моменты, когда не было денег – элементарно на еду?**

– Я помню момент, когда в институте мы с подружкой пошли выбирать ей босоножки. Она снималась в сериале и получала хорошие деньги, а меня никуда не брали. Мы с мужем как раз стали жить самостоятельно и были по уши в долгах. И вот мы с подружкой приходим в магазин, это был 2009 год, как раз после кризиса. И она говорит: «Как же так? Я покупаю босоножки, а ты нет». Я говорю: «Ничего страшного, мне не надо». Но она упёрлась, спрашивает продавца: «А у вас есть ещё одни такого размера?» И купила две пары – себе и мне. Обалденные босоножки были, бирюзовые. Я не хотела брать, но она сказала: «Бери, деньги вернёшь потом». Я-то взяла, но всей кожей чувствовала, что на мне ещё один долг в пять тысяч рублей, а дома на завтрак остатки каши, и всё. Прихожу домой. И раздаётся звонок: «А вы не хотите подработать – один день на выставке?» – «Хочу, а что делать?» – «Надо в костюме Спанч Боба раздавать приглашения в магазин». Я решила позвонить однокурснику, очень талантливому парню. «Поехали, – говорю, – на выставку, ходим там Спанч Бобами, а то мне одной страшно». За семь часов работы Спанч Бобом платили полторы тысячи. И он согласился.

Помню, этот Спанч Боб был только-только склеен и внутри вонял клеем, а на улице лето, жара тридцать градусов. Но я весь день честно отработала – на голову нахлобучила квадратную конструкцию из поролона, а внизу торчали голые ноги в новых босоножках на каблучках. Они мне тогда страшно натёрли, я пришла домой в кровавых мозолях. Но зато было на что купить кашу, масло, мы пировали. Весёлое было время. Я расширяла свой кругозор и оттачивала актёрское мастерство на выставках. Однажды посчастли-

вилось попасть на выставку сварочного оборудования. Мне платили целых две тысячи рублей в день. Вот где тогда пригодился мой талант!

☉ **Вы были сварочным аппаратом?**

– Нет, там был дресс-код: белая рубашка, каблучки, юбочка. Я должна была зазывать посетителей в павильон, где рассказывали про электроды. К концу вечера я была уже настолько подкована, что ко мне подходили с вопросами, а я бегло объясняла всё про сварочное оборудование и чем одни электроды отличаются от других. А ещё я вела свадьбы, юбилеи, была клоуном на детских праздниках, работала в детском саду на Рублёвке. Эту работу ещё надо было выцарапать...

Я никогда не каталась как сыр в масле. У нашей семьи никаких привилегий не было, мы жили как все. У дедушки были «жигули», долгое время они с бабушкой жили в коммуналке. Вот и всё богатство. Деньги, которые он получал за концерты, съёмки в кино, тратил на экспедиции, на друзей.

Бабушка рассказывала, что, когда родилась мама, она выгуливала её на руках, потому что на коляску денег не было. Дед был не тем человеком, который умел копить. Мама рассказывала – был период, когда ввели негласный запрет печатать Визбора: худсовет запретил его сборник стихов, выпуск пластинки отложили. Но в семье никто не страдал из-за отсутствия денег, умели радоваться самым простым вещам.

☉ **Ваша мама рассказывала, что после развода родителей она периодически жила то с маминной семьёй, то с папиной и все её пыталась воспитывать. Когда она выходила замуж за вашего папу, ему намекали родственники: «Следи за Танечкой, у неё плохая наследственность». Имели в виду, что у вашего дедушки было четыре жены и он был известным сердцем. Таня вышла замуж и родила вас с братом. До сих пор ваши родители живут дружно. А у вас, Варвара, какая наследственность?**

– Думаю, дело не в наследственности, она ни при чём. Я однолюб. Как лучшие звери в нашей жизни – собаки. У них один хозяин, и других они просто не признают.

У меня была собака питбультерьер, все их считают собаками-убийцами, но на самом деле это не так. Это была самая добрая собака, которую только можно себе представить. Собака не предаст, она всей душой с тобой. Вот я считаю, что любви и преданности надо учиться у собак.

☉ **А какое качество в своём муже вы цените больше всего?**

– Мой муж – добрый. Это качество в людях, и в мужчине, и в женщине, я ценю больше всего. Он надёжный и терпеливый. Всё стерпит, всё простит и примет все мои недостатки. Муж – это моя вторая половина и моя поддержка во всех делах. ☉

19
НОЯБРЯ
НАЧАЛО В 19:00

Реклама

ВАРВАРА ВИЗБОР

• В А Р Е Ж К А •

VARVARAVIZBOR.COM

#vegascityhall

БИЛЕТЫ: +7 (499) 55 000 55

www.vegas-hall.ru

—❖— ОТПЕЧАТКИ —❖—

Николай Цискаридзе

ФОТО: МИХАИЛ ЛОБВИНОВЛИЧНЫЙ АРХИВ Н. ЦИСКАРИДЗЕ

► Николай в своей
альма-матер –
Большом театре.
За учеником наблюдают
Галина Уланова
и Владимир Васильев

► «В детстве на вопрос, кем хочу стать, я ответил – воспитателем детского сада. Что и осуществил, став педагогом. А ещё однажды нарисовал балерину и подписал: «Болет». Наверное, от слова «боль»

ФОТО: МИХАИЛ ЛОГВИНОВ/ЛИЧНЫЙ АРХИВ Н. ЦИСКАРИДЗЕ

► В Академии русского балета имени Вагановой. Учебный класс. Цискаридзе в новой роли – ректора. 2014 год

Принц в королевстве менеджеров

*Умение создать свой собственный миф, сотворить
из себя легенду – талант редкий, владеют им единицы.
Например, Николай Цискаридзе*

АННА СЕВЕР

В мире балета были великие танцовщики, чьи имена теперь помнят лишь историки балета, да и во времена их славы хорошо знали лишь балетоманы. И только единицы становятся известными абсолютно всем, даже тем, кто в жизни не был в театре. О них говорят, о них помнят, о них мечтают, грезят и сплетничают, их имена становятся символом времени, олицетворением эпохи.

И дело не в том, что они умеют блистать на сцене и виртуозно крутить тридцать два фуэте. Главное, что они умеют гениально жить, создавая вокруг себя зону постоянного высочайшего напряжения. О них помнят, даже когда они уходят со сцены. Потому что дело не только в танце. Дело в энергетике, которую они источают вокруг, что бы ни делали – танцуют или участвуют в благотворительных концертах, любят или ненавидят, отдыхают или работают. Про них интересно всё.

Николай Цискаридзе, несомненно, принадлежит к этой породе. Он по-прежнему в центре внимания и сейчас, когда покинул сцену Большого

театра и сел в кресло ректора Академии русского балета имени Вагановой.

Он заразительно хохочет, щурит пронизательные ироничные глаза, артистично откидывает назад свои густые волосы и легко и безошибочно цитирует классиков русской литературы – он умеет очаровывать, этот бывший Принц. Он легкий и красиво двигается, жестикулирует словно танцует, он гипнотизирует и умеет быть жёстким и точным – и в своих движениях, и в своих оценках, и в своих решениях.

☉ **Как вы справляетесь с новой для вас ролью ректора?**

– Вы знаете, мне противно в жизни любое актёрство. Не на сцене, а в жизни... Как правило, мне это не интересно. Мне когда-то мама не то что жёстко, а очень чётко объяснила, что театр заканчивается на Театральной площади. И она очень сильно настраивала меня именно на такое отношение. Надо выходить из театра. Нельзя жить в роли! А многие театральные люди не выходят из ролей, актёрствуют всегда и везде. И Булгаков об этом точно, очень точно и правдиво написал в «Театральном романе», да и в «Жизни господина де Мольера». Об этом, о театральных интригах.

Вы знаете, я вообще не люблю играть какую-либо роль. Когда я для себя понял внутри, что скоро я закончу танцевать, мне стало очень просто. Вот мало кто понимает, что такое для меня танцевать. Для меня это – быть классическим Принцем в белом трико и выполнять определённые элементы. Понимаете? Потому что всё остальное, что я делаю на сцене – играю характерные роли, участвую в каких-то спектаклях, – это не есть моя профессия. Моя профессия – это Принц! Когда я понял, что это амплуа в моей жизни заканчивается, я стал думать, где найти себе применение. И, кстати, я сам себе поставил срок окончания танцевальной карьеры! Сам!

☉ **А когда вы его поставили?**

– 5 июня 1992 года! Да-да! В этот день я получал диплом. И именно тогда я дал слово своему педагогу, что я протанцую двадцать один год, не больше! Но тогда, когда я это обещал, мне было семнадцать лет, и это всё казалось так далеко, это казалось фантастикой! Я не мог себе представить, что в сорок я прекращу танцевать, уйду со сцены. Тем более, знаете, на тот момент все танцовщики танцевали и в пятьдесят, и за пятьдесят! И плохо танцевали. Я понимал, что мой педагог прав, предостерегая меня от того, чтобы не перетанцевать, но перед глазами-то была совсем иная картина! Все тянут эту лямку, не уходят со сцены, все танцуют. И только когда я сам стал подходить к этому возрасту, я понял, о чём он говорил. Моя ситуация отличалась от всех тех, кто танцевал до меня на этой сцене. Мне всё было дано от природы. И всё,

что я делал, я делал безумно легко. Конечно, я прикладывал дикие усилия, но мне, наверное, было легче, чем многим, потому что Господь Бог так распорядился – это выглядело очень легко.

Становясь старше и понимая, чувствуя, что силы уходят, я научился эту лёгкость имитировать. Но в какой-то момент я стал понимать, что уходят уже и силы имитировать лёгкость, и скоро я превращусь во всех тех, над кем я сам в детстве смеялся. Вот мой обожаемый Булгаков об этом гениально сказал в «Театральном романе». Он же высмеивал там, как известно, МХАТ. Но то, что было трагедией МХАТа при Булгакове, превратилось в трагедию любого театра. Они тогда просто не дожили ещё до этого состояния! Старые руководители должны уходить. Дело не в отношении лично Булгакова к ним или в его злобе. Нет, просто время приходит! Вот это вот «телом в Калькутте, душой с вами» – этого не может быть в театре, это полная ерунда, театр – организм живой.

Так вот, когда я подошёл к этому возрасту, я сказал себе – стоп! Надо добавить, что тут случилась ещё одна удивительная вещь (а в моей жизни очень много этих совпадений и удивительных вещей). Я свой последний классический спектакль станцевал 5 июня 2013 года. День в день! Когда я сам увидел, что эти даты совпали, я и сам изумился, потому что это было случайностью. И в тот момент, когда закончилась «Жизель», которую я танцевал в Большом театре, я сел в гримёрной и сказал – это всё! – мне никто не поверил! Никто.

☉ **А вы сами себе поверили?**

– Конечно! Я же в тот момент знал, что иду сюда, ректором. Более того, я уже дал согласие. И вот 5 июня я станцевал последний спектакль, а 7 июня Большой театр вручил мне бумажку, в которой говорилось о том, что они не продляют со мной договор. Но это была полная ерунда, меня любой суд бы восстановил. Но я знал, что уйду в академию. Ровно двадцать один год! Просто мистика!

**«Я НА СЦЕНУ
ПОШЁЛ, ПОТОМУ
ЧТО ХОТЕЛ
В СКАЗКУ!
ОКАЗАЛОСЬ –
АДСКИЙ ТРУД»**

НИКОЛАЙ ЦИСКАРИДЗЕ

Теперь отвечаю на ваш вопрос. Когда я оказался в Санкт-Петербурге, один хорошо расположенный ко мне человек сказал мне: «Коля, ты пойми, ты теперь не артист. Ты теперь каждое утро должен просыпаться и говорить себе: я – ректор! У тебя теперь другая роль». И я после встречи с ним пошёл домой и думаю – ну вот роль я играть не люблю! Не хочу играть роль ректора! Я буду ректором. И я сам себе объяснил, что теперь я обязан совсем иначе реагировать на любую ситуацию, на любое оскорбление, на любой комплимент! Я обязан теперь реагировать и вести себя не как артист! Теперь я ректор, и моя неточность роняет тень на учебное заведение, которое я возглавляю. Знаете, как по протоколу английская королева имеет очень ограниченный спектр ситуаций, которые она может публично комментировать. Но она ограничена законодательством. А я – моралью, этикой. Когда я был премьером, артистом, я имел право на выражение своего мнения, любого, но теперь всё изменилось кардинально.

☉ **И с чего же вы начали в академии?**

– Я ведь много работал в Мариинке, приезжал в Петербург постоянно. Восемнадцать сезонов! И зимой, и летом, и осенью, и на гастролы они меня брали. Это было не только желание Мариинского театра, но и моё. Я люблю этот город, у меня своя история с ним. Мотался сюда, в общем, много. И всегда, когда приезжал, старался побывать на спектаклях, и на балете, и на опере... окульгуриться, так сказать. И спектакли Академии имени Вагановой я всегда смотрел, потому что во время «Белых ночей», фестиваля, где я выступал, я видел их концерт или репетицию. Мне всегда многое не нравилось. Я не мог понять, как в главной цитадели классического балета может быть такое безразличие к традициям классического балета! Меня удивляло отсутствие дисциплины, расхлябанность внешняя, в одежде, в поведении, в быту, на сцене, то, как они причёсаны. В то время, когда я учился в Москве, с этим было очень строго. Мы ведь каждый год все собирались, на всякие смотры, со всей страны, ещё в СССР (я ведь учился ещё при Советском Союзе, выпустился уже в России), так вот москвичи отличались от всех! И дисциплина у нас была строже, чем в любом провинциальном училище. И на сцене, и в быту. С нами всегда ходили воспитатели, и мы пошалить совсем не могли. Вот представить, чтобы у нас в сценическом костюме кто-то зашёл в буфет или сел на пол, – это невозможно! Он был бы очень сильно наказан! И вот вопрос дисциплины и внешнего вида – это первое, что я стал решать. Я тут же ввёл балетную школьную форму. Это было через сопротивление, многие не хотели, протестовали, конечно. А я учу детей, что балетная обувь – это что-то священное. Это для профессии, это не та вещь, которую можно бро-

сильно как-то, без почтения. А сейчас уже привыкли и представить себе по-другому уже не могут.

⊙ *Не обиденная.*

– Да, необиденная. В ней нельзя заходить в столовую...

⊙ *В этой обуви не живут.*

– Да, именно, в ней работают, а работа для нас – это священное понятие, как и сцена... И вот это я сразу стал менять... Для меня ещё большим плюсом было именно то, что я в Петербурге, несмотря на давние связи, в гостях. Ведь в своей академии в Москве, где я учился и где получил две профессии, я всех знаю с детства, абсолютно всех. И у меня с ними есть история взаимоотношений, которая влияла и влияет на моё отношение к ним как к профессионалам. Здесь же было прекрасно то, что я знал буквально двух-трёх человек. Я со всеми знакомился с нуля, и личное не давило на профессиональное. И я с самого начала стал ходить в классы и увидел, что педагоги одно и то же движение показывают по-разному. Ну, это как если бы вы учили писать слово «молоко» через два «о», а я бы учил писать «молоко», а кто-то ещё «малако».

⊙ *Как это возможно?*

– А вот я тоже стал интересоваться, как это возможно – в главном оплоте классического танца? И оказывается, что после смерти Константина Михайловича Сергеева, одного из самых выдающихся деятелей балета не только в Ленинграде, но в мире, одного из самых лучших руководителей этой школы, за эти двадцать три года ни один человек не удосужился здесь провести методическое совещание. Для меня это был шок! И я всех собрал. Потом ко мне подошли старейшие методисты, те, которые уже не ведут классы, а учат учителей, и поблагодарили. Они сказали, что они давно уже добивались этого, но им отказывали! Более того, их не приглашали в экзаменационную комиссию. Я говорю – как это можно, ведь вы же главные! Это методисты, которые ещё ученицы самой Вагановой, представляете? В великолепной форме! Настоящие профессионалы! Это пришлось мне всё исправлять. Да множество было моментов, которые меня как профессионала просто удивляли и даже шокировали, от которых мне было неуютно, но это тоже не истина. И опять Булгаков: «Только через страдание приходит истина... Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт».

⊙ *И как в академии принимали ваши эти нововведения?*

– Я не могу сказать, что был какой-то «соляной бунт». Было такое вялотекущее недовольство, которое быстро прошло и появился результат. Но я вот что хочу сказать. Наши ученики ведь постоянно участвуют в спектаклях Мариинского театра. И вот мне позвонила заведующая труппой Мариинского театра и сказала: «Колечка, мы се-

«ХОЧЕТСЯ БЫТЬ ТОЛСТОКОЖИМ КРОКОДИЛОМ. НЕ РЕАГИРОВАТЬ НА ХАМСТВО И ПОДЛОСТЬ»

НИКОЛАЙ ЦИСКАРИДЗЕ

годня сидели на прогоне, и, когда приехали дети, мы все тебе сказали просто браво, потому что сразу видно, что это учащиеся профессионального учебного заведения. Все воспитанники одинаково одетые, чётко и быстро отработали, собрались и уехали. Просто на фоне артистов, которые одеты как хотят, это было так непривычно, красиво и мило, что мы не могли не заметить». И мне это было очень приятно услышать. Значит, моя работа заметна.

Или вот вещь, которая меня всегда изумляла. Я никак не мог понять, как в Петербурге, где так хранят традиции, могут быть неправильно завязаны ленточки! Дело в том, что есть закон, как завязывать ленточки балетных туфель. И этому педагог должен научить в первом классе! За этим должны следить – за обувью, за её чистотой. Честно вам скажу, мы в Большом театре всегда подтрунивали над нынешними «ленинградцами» – мы их всегда узнавали по грязной обуви и по неопрятным ленточкам. В том Большом театре этого просто не могло быть. Вас бы больше после такого не выпустили на сцену ни-ко-гда! Второго шанса у вас бы не было. Вам после первого раза сказали бы – спасибо, до свидания, и навсегда посадили бы в «дамы». За двадцать один год службы в Большом театре я никогда не танцевал в старой обуви.

Вот мы здесь смотрим записи, и я всегда говорю – смотрите, вот кордебалет Большого театра! Он вам может нравиться, может не нравиться, вы можете считать, что они делают что-то на сцене не по-ленинградски, не по-петербургски, но посмотрите, как они выглядят! Как все одеты, как все причёсаны, как у них завязаны ленточки, какой чистоты у них туфли. Вот это и есть столица. Провинция – это не расстояние, а мировоззрение. Вот опять же, мой любимый Булгаков: если я, Дарья Петровна и Зина будем мочиться мимо унитаза, то и у нас в клозете наступит разлука! И этот момент я пытался всем объяснить, что по-другому – нельзя. Сейчас уже все привыкли, слава богу.

☉ **А что вы скажете о современном балете?**

– Что касается артистов... Артист – это продукт, который вырастает. В особых условиях, на чём-то особом. И кто-то должен за этим следить. Очень много одарённых людей приходит в театр. Этот момент их прихода – фортуна. К сожалению, наши русские театры превращаются из репертуарных в блоквые. Они превращаются в заводы. И спектакли штампуются. А жизнь стала другая, очень быстрая. И качества, высокого качества в таких условиях добиться просто невозможно. И ребята ломаются и получают травмы ужасно быстро,

► Готовится к роли Фавна

и ужасно рано из-за неправильной нагрузки. А это всё происходит из-за некомпетентности руководителей. Почему советский балет был всегда лучшим? Потому что для того, чтобы тебя назначили руководить балетом в Большой или Мариинский театр, ты должен был прогреметь как большой артист либо как большой балетмейстер. Но ни в коем случае не как исполнитель персонажей в заштатных ролях. Сейчас же ситуация иная. Что касается балетмейстеров... За последние пятнадцать лет было очень много «громких» премьер, которые

получили все «Маски», «Гвозди хрустальные», «Софиты» золотые и не золотые... Но эти спектакли исчезали из репертуаров моментально. Вот ему дали все премии, назначили этого человека гением, а завтра – ни спектакля, ни человека. Отписались наверх, что мы создали нечто новое...

☉ **Эти дутые фигуры – это что? Злой умысел? Или от скудости?**

– От скудости. Вот я приведу пример. Для того чтобы Григоровичу дали поставить первый спектакль в Мариинском театре, ему пришлось сперва поставить в ДК имени Горького в самостоятельной студии балет «Аистёнок», который прогремел тогда сразу. Сейчас же человек, нигде ничего не поставивший, запросто ставит в Большом или Мариинском. Ему дают поставить большой спектакль, а он сам ещё не сформировался, какие там постановки! И я потом сижу на спектакле и думаю – сколько же государственных и спонсорских денег спущено в пустоту! Очень жалко...

У нас был ещё один путь, но мы его уже израсходовали – станцевать все великие балеты, поставленные на Западе за прошедший век. Мы уже всё станцевали. В таких репертуарных театрах, как Большой и Мариинка, должны идти мировые шедевры, потому что это красиво, и это очень важно и для артистов, и для зрителей. Но должно быть и новое искусство, конечно. Но с новым... Смотреть, как артисты мучаются, танцуя в однодневке, – это горько!

☉ **Что же, вы считаете, что всё так плохо? Искусство балета уходит?**

– Конечно, есть в мире талантливые артисты! В каждом театре есть свой лидер, который что-то пытается сделать. Но в последнее время мысль стала так скудна, что стало модно расшифровывать балеты Петипа. По принципу «своё поставить не можем, но сейчас мы по-новому и правильно прочтём балеты Петипа». Словно вот здесь, в Петербурге, они неправильно хранились и всё делали последние сто пятьдесят лет неправильно. Но вот сейчас этот дядя Вася, который никогда не работал в труппе, где больше двадцати человек, сейчас он выйдет и научит нас исконному и правильному Петипа! Вот это вот – важная тенденция в балете.

И вообще, в современном театре происходит размывание многих стандартов. Не во всех областях. Например, в западной киноиндустрии у них идёт феноменальная селекция и отбор ампула, и они никогда не позволяют никакой знаменитости ту или иную роль, если она ему не подходит, по одной простой причине – огромные деньги, вложенные в производство, в фильм. А вот в театре у них иначе. За последние годы во всём театральном мире практически уничтожен институт звёзд! Они его убили, институт звёзд остался только в Голливуде, больше его нигде не существует! Ни в одном театре в мире его нет!

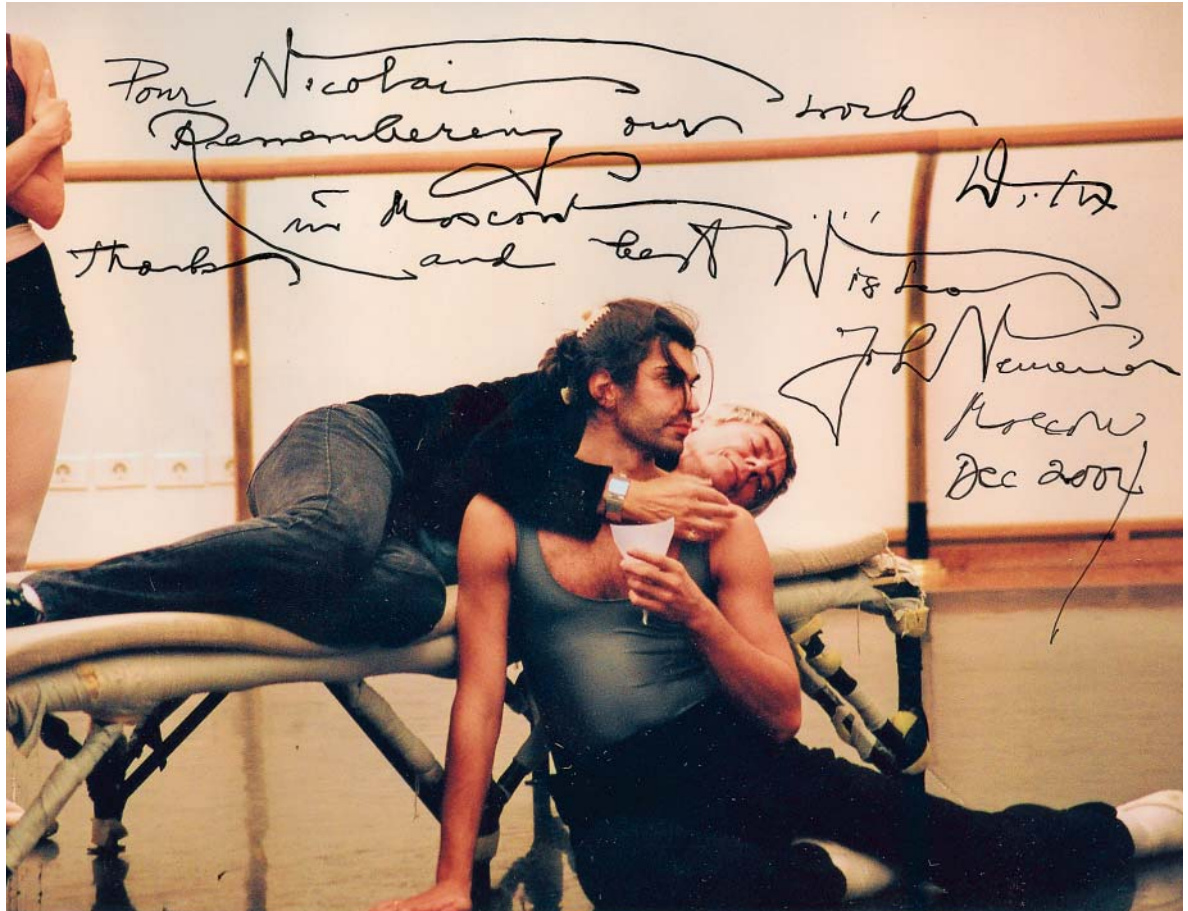
⊙ **Ну, в опере-балете разве нет звёзд?**

– Не существует! На сегодняшний день всеми театрами мира руководят люди, ненавидящие звёзд. Со звёздами надо считаться, их надо выращивать. Лелеять. С ними надо возиться! А в той системе, которую они создали и внедрили, любой человек заменяем. Менеджеры средней руки стали руководить большим искусством! Они выписывают себе огромные деньги, а артисты поют и танцуют за сравнительно скромные по старым меркам гонорары. И этим они убили амплу и понятие элитарности. Потому что на Лебедь нужна

существует! Я говорю о балете, об опере. Потому что наши театры попали в управление менеджеров средней руки, не имеющих никакого образования – ни музыкального, ни сценического, ни режиссёрского, это просто люди, зарабатывающие деньги и пиар себе.

⊙ **И вот, воспитывая сейчас мальчиков и девочек, вы выпускаете потом их в этот страшный мир?**

– Понимаете, задача школы – научить. А дальше – не наша задача. И для меня как для не последнего в этом мире артиста балета это трагедия. А как для

▶ Репетирует с живым классиком современного балета хореографом Джоном Ноймайером. 2004 год

высокая, красивая, талантливая женщина определённых пропорций. А сейчас у них каждая дуська выходит лебедем – кривоногая, косолапая, короткорукая.

⊙ **Ну как же так получается?**

– Очень просто: а она согласная на всё! Она согласна проголосовать за всё. Поддержать, сказать хорошие слова о любом директоре, вот об этом вот менеджере. И это постепенно, потихонечку пришло в Россию... Вот посмотрите, на сегодняшний день имён поколения младше сорока лет – не

чиновника – это счастье. Я их готовлю к профессии, в которой они должны быть абсолютно научены своему ремеслу. По-настоящему научены. А дальше – сколько у них хватит дарования, сколько они могут унести. Это уже их обязанность, их право. Их судьба. Все великие мастера в любой области – это большие бойцы. Любой человек – Джордано Бруно, Королёв, изобретатель телевидения Зворыкин, Шостакович или Прокофьев – любой из них – боец. Потому что эти люди создавали своё, новое, необычное, непривычное всем.

☉ **Но вы их готовите психологически к этому миру, в котором им придётся жить и работать? Или учите только ремеслу?**

– Я стараюсь дать им ремесло и научить понимать, что такое хорошо и что такое плохо в профессии. В нашей профессии. Что такое хорошо и что такое плохо в жизни – это забота родителей, и, в общем, они уже это либо усвоили, либо нет. А профессии я научить могу, есть опыт. Я вырос- тил, если говорить сегодняшним языком, двух премьеров и приму: трёх артистов, трёх человек, человек абсолютно разных. С разными характера- ми, с разными природными данными. И каждый воспользовался жизненной ситуацией абсолютно по-своему, сообразно своей генетике, своему пси- хотипу.

☉ **Кто это?**

– Овчаренко, Воронцова и Родькин. Анжелина Воронцова на данный момент прима-балерина Ми- хайловского театра, юноши остались в Большом. Я с ними стартовал с нуля. Я их брал, когда они никому были не нужны и не интересны, доводил их до премьерских ролей, и дальше они уже шли своей дорогой. И сейчас, когда я слежу за их твор- чеством, независимо от того, общаюсь я с ними или нет, нужны они мне или нужен ли я им, я общаюсь с ними исключительно как с мастерами.

Я что хотел сказать? Что вы можете научить дви- жению, но психологии вы не научите. Об этом Бул- гаков написал очень хорошо в «Собачьем сердце».

☉ **Вы сегодня постоянно цитируете Булгакова...**

– Булгакова я очень люблю. Но Булгаков, он оказался настолько пророческим... Он настолько предвосхитил и описал в своих произведениях трагедию актёрской жизни... И вообще – жизни творца. Он ведь и сам очень болезненно относился к критике бездарностей. У него очень много про- изведений, которые затрагивают эту тему. Это и «Жизнь господина де Мольера», и «Театральный роман», и, естественно, «Мастер и Маргарита». Эта тема возникает и в «Собачьем сердце», во вза- имоотношениях профессора Преображенского и Швондера. Столкновение личности и чиновни- ка, представителя власти. Этот крик его – дайте мне бумажку, окончательную бумажку, фактиче- скую бумажку, не бумажку – броню! Это крик че- ловека, который хочет признания. Не всемирного, не славы, а чтобы ему дали место для работы и от- стали от него. Я его понимаю!

Но вот я не знаю, было бы это для самого Бул- гакова успокоением. Для Мастера он придумал не свет, он дал ему покой. И этого покоя хотел сам Михаил Афанасьевич. Но я не знаю, что для види- мого покоя хотел Булгаков и был ли рад, получив его. Наверное, он о нём мечтал. Я не знаю, возмо- жен ли покой для творческой личности. Потому что покой для творца, художника, артиста – это смерть, это путь в никуда.

Я часто привожу цитаты из Булгакова, и в разго- воре, да и для себя самого часто отмечаю – ну, это абсолютно булгаковское – ситуация или типаж... Вот каждый раз, когда я лечу в самолёте, жду по- садки, прихожу в театр, на вокзал, куда угодно, я вижу какого-то булгаковского персонажа.

☉ **Классический балет выживет?**

– Мне кажется, что классический балет – это субстанция вечная. Потому что это разговор с красотой. Игорь Стравинский сказал когда-то, что классический балет – это торжество порядка над произволом. Я с ним не то что согласен, а со- гласен обеими руками! И это мне очень импони- рует – идея порядка. Я сам по себе очень органи- зованный человек. И я думаю, что кризис пройдёт, когда творческую жизнь в театре и вообще любую жизнь вернут творцам, которые всегда были на первых ролях, не на вторых... Потому что те, кто был на вторых ролях, всегда ненавидят тех, кто был на первых. Всегда. Я вам могу привести такой вот пример из личной жизни. У меня была травма тяжёлая, после которой я долго восстанавливался. Мне долго нельзя было танцевать свои партии, мне нельзя было прыгать, и я решил станцевать характерную роль – роль Феи Карабос в бале- те «Спящая красавица». Это игровая роль без прыжков. Я с трудом, но выбил себе эту роль и её исполнил. Я не буду говорить, хорошо это было или плохо, это не мне судить. Но то, что это было событие в театральной Москве, – это я вам могу сказать точно. Потому что театр осаждали настоя- щие театралы. Основная сцена Феи Карабос в про- логе, вот в прологе она уехала – большая часть зала исчезла. И дальше «Спящая красавица» шла как простой, рядовой спектакль. На тот момент заведующим балетной труппой Большого театра был гротесковый артист, который сам исполнял эту роль вопреки всем традициям Большого теа- тра: роль Карабос исполняли только артисты высокого роста. А он был невысоким и исполнял роль, просто пользуясь служебным положением. В глаза он мне, конечно, улыбнулся, за глаза на- говорил что умел, это всё мелочи. Но когда его кто-то спросил – что, больше не дашь эту роль Коле? Смотри, успех-то какой! (А мы, как понима- ете, оплачиваемся по-разному. Я – премьер театра, он нет. Поэтому я за выход получал больше.) Он сказал – чтобы я позволил ему за такие деньги де- лать мою работу? Нет! То есть его не интересовал ни я как человек, ни как творческая личность, ни успех спектакля, ни интерес зрителя, а только то, что я получу за эту роль больше.

К сожалению, в театре это было, есть и будет всегда. И как тут не вспомнить Булгакова и его бессмертных персонажей! Прав Булгаков... Мы – люди, потому у нас много страстей, а звёзды – на небе! «Звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле»... ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*Из которой становится ясно,
почему Татьяна Друбич легко ладит
с «михалычами» **с.52***

*.....
а легендарные «семидесятники»
совсем не повинны в развале
Советского Союза **с.58***

ДОВЛАТОВ

*Татьяна Друбич рассказывает о том,
как благодаря прозе Сергея Довлатова поняла,
чем прекрасны «никчёмные» люди*

ИРИНА КРАВЧЕНКО

– *Довлатов – это взгляд на жизнь*, с которой ничего поделать невозможно. Только принять её, ощутить её абсурд, идиотизм и какую-никакую прелесть. Он много понимает про человека, не питает на его счёт иллюзий, но со многими вещами, существующими в нашей реальности, без прозы Довлатова трудно примириться.

⊙ *С какими?*

– Журналисты любят спрашивать про смысл жизни, и я обычно отвечаю, что смысл в том, что она была и есть. И в её конечности тоже смысл. Только он постоянно меняется: каждый день встаёшь, и то один смысл, то другой. Недоумеваешь по поводу происходящего вокруг, думаешь, как тебя сюда занесло. А потом собираешься и находишь новые смыслы, что-то для этих смыслов делаешь или не делаешь. Я и к людям стараюсь относиться по-довлатовски, не навязывая себя, без претензий и здраво. О нём говорят, что он невероятный стилист, что верно, но стилистов много, а тех, кто про смыслы, – меньше.

⊙ *Наверное, Довлатов так любил обычного человека, потому что противопоставлял его тогдашнему официозу. А вы помните, какой были в советские годы?*

– Я была человеком двойных или даже тройных стандартов: думаешь одно, говоришь другое, делаешь третье. Почти все так жили. Ну, вступали в комсомол, но слушали «Голос Америки» и «Битлз», рвались съездить за границу, купить

джинсы. Это и была советская жизнь. Изворачивались, но про необходимость говорить неправду Довлатов гениально сказал: «Бескорыстное враньё – это не ложь, это поэзия». Точнее не выразишься.

⊙ *Что касается человека незамысловатого, то в советские времена такую «натуральность» не очень жаловали и носились с тем, чтобы гражданин, как сказано в известном фильме, «рос над собой».*

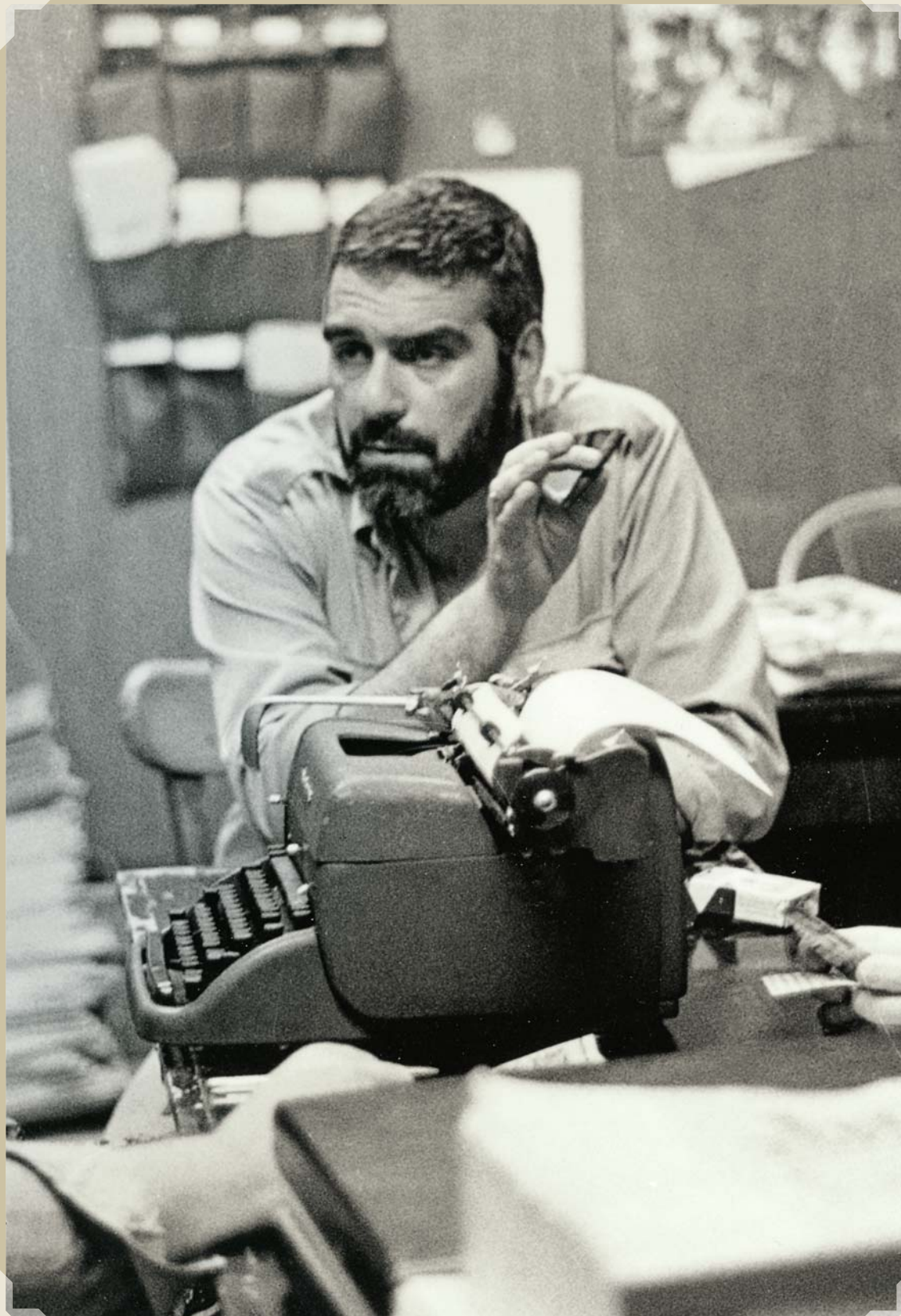
– Какое может быть стремление у Михалыча из «Заповедника» стать лучше, когда у него первая потребность – найти трёшку на бутылку? При этом Михалыч рядом с любым руководителем горкома живёт в тысячу раз осмысленнее и уж точно говорит меньше глупостей.

⊙ *Вам такие люди, как Михалыч, симпатичны?*

– В них и есть поэзия, то есть бескорыстное враньё. Они терзают друг друга, страдают, но любят, как могут. Понять это прагматику невозможно. Я по этим бестолковым людям скучаю. Может, с ними не построишь эффективной экономики, рынка или даже государства. У них другие ценности, они живут как дышат. В их распоряжении просто-напросто жизнь, и это самое сложное.

⊙ *Но представьте, что ваш сосед пьянствует, пишет мимо унитаза...*

– А что, у меня таких соседей не было? И «никакого антагонизма – только полярность», как написал Довлатов. Он рассказывает о наших со-

► Цвет ленинградской богемы 70-х. Довлатов со Львом Лосевым и Григорием Поляком
Вверху: В Нью-Йорке, о котором Довлатов писал: «Город создан для жизни, развлечений и гибели»

► Редакция «Нового света»: рядом с Довлатовым (второй слева) – дочь Катя.

седах, об обыденности, о безумии, которым мы все заражены. Делать нечего, и опять хочется нащупать какой-то утренний смысл – например, не убить соседа, которого мысленно уже замочил много раз... Довлатов открывал почтовый ящик и говорил: «Вот так всегда, как мне – так повестка, как соседям – так перевод». Я помню эту фразу, как строчку пушкинского стихотворения.

☉ *И этот поэтический пьяница может сделать что-то гораздо худшее, чем рациональный человек. Например, квартиру подожжёт или обокрадёт кого-нибудь. И после этого его любить?*

– Любить его не обязательно, но Довлатов его отправляет в бессмертие, это и есть награда. Все совершают плохие поступки, но одни из них делаются с выгодой для себя, другие – без.

☉ *Каждый из нас в чём-то бывает тем самым Михалычем. Получается, человек может в самом себе оправдать что угодно: вот я такой, слабый, ленивый, инфантильный, ничего не поделаешь. Вы склонны себя оправдывать?*

– Я, к сожалению, склонна себя обвинять. Может, другим-то я адвокат, а себе нет.

☉ *Честный подход к жизни.*

– Не знаю... Скорее глупый. А что касается отношения Довлатова к человеческой природе, то он ведь не писал «Как закалялась сталь».

Вот я живу рядом с памятником Александру Блоку. И много лет, проходя мимо, вижу одну и ту же картину: кто-нибудь стоит и справляет малую нужду на памятник. Можно возмущаться, отчитывать, звонить в полицию. Не знаю, но я смотрю и улыбаюсь: во даёт! Конечно, нехорошо мочиться

на монумент, но что-то же довело человека до такого состояния. Может, Блока не любит, может, у него недержание мочи, может, его из дому выгнали... за то, что любит Блока. Нет, я в полицию не звоню. К тому же есть компенсация – часто молодёжь собирается и стихи у памятника читает, цветы свежее лежат. Думаю, без довлатовского взгляда прожить в России невозможно: изведётся.

☉ **Желания восстанавливать справедливость у вас нет?**

– Есть, конечно. Хотя с годами становлюсь терпеливей и сдержанней. Ужас, но почти всех можно понять. Недавно встретила одного замечательного и очень известного человека. Попросила подписать обращение к президенту по поводу НКО, чтобы не включали медицинские благотворительные организации в список иностранных агентов. «Знаешь, Тань, – сказал он, – я не буду ничего под-

«ИСТИННОЕ
МУЖЕСТВО
СОСТОИТ В ТОМ,
ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ
ЖИЗНЬ, ЗНАЯ
О НЕЙ ВСЮ
ПРАВДУ»

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

писывать, потому что я занимаюсь своим делом». Меня кольнуло, почувствовала себя активной дурочкой. Наверное, он по-своему прав: блестяще делает своё дело и толку от этого больше. Так что нет у меня ответа на многие вопросы, надо или не надо с чем-то мириться. Где конец несправедливости и начало справедливости – это же понятия перетекаемые, для кого как.

☉ **Негодование вам не свойственно?**

– Если бы оно мне не было свойственно, я бы не занималась хосписами. Это моё движение сопротивления. Но негодовать можно по-разному. Сейчас, когда мир «вышел из-под контроля» и мало кто понимает, что вообще происходит, позиция Довлатова кажется слишком философской. Но Довлатова-то читают не для того, чтобы себя изменить, а для того, чтобы не изменить себе. Я себя менять совсем не хочу. Мне важно сохранить в себе то, что мне дорого.

☉ **Да, если на всё раздражаться, то становишься не человеком, а оголённым проводом.**

А Довлатова считаешь – и жить можно. И тут же думаешь: но, может, я так свою леньность оправдываю, желание разлечься в жизни?

– Столько людей «разлечься» в жизни и без Довлатова... Сейчас множество смыслов, реальностей, и кто ленится и прожигает жизнь, а кто нет – понять трудно. Довлатов писал в другое время – когда у людей было больше общего. В поздние советские годы мы жили практически по солнечным часам, а сегодня – по секундной стрелке. У персонажей Довлатова по-другому устроены душа, нервы, у них другие цели. Всё меньше и меньше таких людей, поэтому наша жизнь вытесняет писателя, интересовавшегося ими. Если кто-то в литературе остался близок Довлатову, то те безумцы бескорыстные, которые пишут стихи.

☉ **Герои Довлатова тоже часто бывают безумцами. В одном из его рассказов интеллигентный юноша, проходящий срочную службу в качестве охранника на зоне, решает вслед за сослуживцами переспать с проституткой где-то на грязных ватниках – и ему становится легче, психологически. Почему, как вы думаете?**

– Врач, который лечит инфекционных больных, он же заходит в чумной барак, где может заразиться. А как писатель написал бы рассказ, если бы его персонаж не пошёл к проститутке? Рассказа бы не было.

☉ **Брезгливость писателю и врачу вредит?**

– По поводу писателя: дело даже не в брезгливости. Есть целесообразность, целеполагание. У нормальных людей, у чеховского Лопухина, например, – спилить сад, заработать денег. А другой не может вырубить сад, потому что он ему необходим, и не ради материальной выгоды. Это два мира. Кто победит? Думаю, не тот, кто пилит. Он вроде одержит верх сначала, а потом людям, и ему в том числе, нечем будет дышать. Кислорода не будет. Довлатов – тот же кислород. Без всяких целей, это просто подача кислорода.

Вот цветок. Ботаник расскажет вам о нём с точки зрения вида, флорист – о том, как он будет выглядеть в букете, фармацевт – о его лекарственных свойствах. Они смотрят с разных сторон. А Довлатов понимает про этот цветочек всё.

☉ **Наверное, герою Довлатова, переспавшему с проституткой, стало спокойнее, поскольку он почувствовал, что может принять мир со всем, что в нём есть? Это парадоксальное утверждение добра.**

– Не парадоксальное. Довлатов видел жизнь как она есть, но главное – всегда на дистанции. Завидная позиция и сильная. Неуязвимая. Я читаю его книжки постоянно, они у меня всегда под рукой. Могу открыть – и начать с любого места. Если меня спросить, каким писателем я хотела бы быть, отвечу: не Толстым, не Чеховым, не Тургеневым, а Довлатовым. Он мне очень подходит. ☉

НОВЫЙ Volkswagen Polo GT #ополоумел

Спортивный стиль каждой детали

Мощный двигатель и инновационные коробки передач*

16-дюймовые легкосплавные диски

Эксклюзивные элементы интерьера

Сдвоенная выхлопная труба, спойлер и спортивный задний бампер

Он заводится — и его не остановить. Он рычит. Он рвет. Он готов помериться силами с любым. Он мощный. Он неуправляемый. Атлетически сложенный. Спортивный. Дерзкий. Агрессивный. И не скрывает этого. Он такой.
Он — НОВЫЙ Volkswagen Polo GT.

*6-ступенчатая механическая или 7-ступенчатая автоматическая коробка передач. Изображенный в рекламе автомобиль оснащен дополнительным оборудованием, которое устанавливается за отдельную плату. Реклама

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen «Автоцентр Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

—❖ КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ ❖—

Портвейновый век

Удалая компания поэтов и писателей 70-х, в отличие от «шестидесятников», активных диссидентов и борцов с режимом, вроде бы ни с кем не боролась. В основном все дико пили и куролесили. Но не только. Они имели силу и отчаянную решимость выбрать свой путь и бесшабашно пройти его, несмотря ни на что и не боясь гибели...

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Называя свою статью «Портвейновый век», я вовсе не призываю всех снова пережить то время 70-х и начала 80-х, когда пьянство было делом серьёзным, судьбоносным, когда порой, проходя по Невскому в день получки, перешагивал многочисленные тела. Не дай бог! Сейчас о тех лежаках лишь отдалённо напоминают «лежачие полицейские» на комфортабельных наших дорогах, по которым мы уверенно мчимся на дорогих автомобилях. Капитализм победил, а с ним – здравый смысл, и это правильно, что, когда мы приходим в бар, нам наливают «на доньшке». Какие ж тут споры? Я просто вспоминаю то время, когда был молод и горяч.

Пили тогда много и зачастую что в руки попадёт, но всё же именно огнедышащий портвейн сделался символом той эпохи. Видимо, как сейчас выражаются, «из-за лучшего соотношения цены и качества». Боюсь, что под «качеством» понималась в основном сила его воздействия на организм, то есть сначала дикое возбуждение, потом отруб. Помню, я сам написал горестные строки, точнее одну: «Пил – и упал со стропил». Но нашу скучную жизнь той поры он расцвечивал и согревал...

Люди простые ласково называли портвейн «портвешком», люди творческие придумывали имена, делающие напиток более экзотическим, иностранным, – произносили, к примеру, «портвайн» или, помню, «портваген». Несомненно, он пробуждал в нас фантазию, небывалые ощущения. В тёмно-красной его глубине виделись жаркие закаты в южных морях, кровь корриды, ноздри волновал чувственный аромат каких-то недосыгаемых губ. Фантазировать, вкушая его, было легко, и, что греха таить, в талантливых душах наших современников он породил много дивных картин и упоительных строф. Опасность его поначалу не ощущалась, и многие не смогли вовремя остановиться. И что значит «вовремя», если с какого-то момента он становится единственным «горючим», на котором можно «достичь недостижимого», а для творческого человека именно в этом смысл жизни. Портвейн (особенно в тогдашней модификации) – это, несомненно, допинг, но в отличие от нынешних времён те высокие достижения, которые были достигнуты в паре с ним, не отменяются. Да и как можно отменить искусство, а тем более жизнь? И когда я вспоминаю те времена, почему-то приходят на ум эпизоды всё больше радостные, или глубоко поучительные, философские, или даже пусть и трагические, но со светлой слезой. Нет, не зря мы, не зря мы жили и пили! Мы же сражались с зелёным змием, с главным врагом человечества, и порой одерживали неслабые победы! Не один вред нёс напиток – были и взлёты. И дело, конечно, не столько в нём, сколько в тех людях, о которых мы сейчас вспоминаем.

Помню заседание суда, выпустившего своим решением на свободу гениального поэта Олега Григорьева... после вполне заслуженной им отсидки в камере предварительного заключения, где Олег находился за то, что сбил фуражку с милиционера, посетившего его дома в неурочный час. Сразу после выхода Олега из-за барьера, отделявшего его от нас, мы, ухватив его, бежали по длинному коридору с редактором Ольгой Тимофеевной Ковалевской, держа за обе руки освобождённого узника, а следом неслись, размахивая бутылками портвейна, тогда ещё пьющие митьки... План наш был оторваться от преследователей, сесть в уже ожидающее такси и умчаться. И план удался! Придумал план побега сам Олег ещё находясь в застенке, подробности мы проработали посредством шифрованной переписки. Идея была отвезти Олега в место, где никто не пьёт, и продержат там недельку-другую, а там, глядишь, он уже и сам не захочет. Много было обожателей Григорьева, но найти обожателя-трезвенника было непросто. Но – удалось. Трезвенник-драматург встретил Олега чаем, и мы, увидев, как Олег весел с чашкой в руках, радостные уехали.

Дальше рассказывает драматург: он был счастлив видеть вблизи Олега Григорьева, стихи которого он обожал и знал наизусть, как и многие тогда, тем более что дорогой гость всё более оживлялся, прихлёбывая чай, и гениальные стихи и экспромты всё чаще слетали с его уст. Такого восторга, рассказывает драматург-трезвенник, он не испытывал больше никогда! В какой-то момент он насторожился: восторг его явно зашкаливал, обычно сдержанный драматург с изумлением не узнавал сам себя... Как портвейн попадал в чай и как хозяин этого не заметил – останется загадкой для будущих биографов. Ведь Олег оказался

сильно закосел. Жена, решив к ним тактично зайти и спросить, не нужно ли чего-нибудь ещё, с изумлением увидела совершенно пьяного мужа-трезвенника, который вроде бы собирался спасти поэта от этого самого, чему неожиданно подвергся сам. Олег же, напротив, был собран, приветлив и фактически трезв. После драматург утверждал (и жена это подтверждала), что именно с этого дня произошёл решительный перелом его творчества в лучшую сторону – и Григорьев окончательно стал их кумиром. А вы говорите – «портвейн»! В том поколении, «загубленном портвейном», оказалось необъяснимо много ярчайших звёзд...

▶ Валерий Попов с той самой удалой компанией, сотворившей неповторимый «портвейновый век»

за столом непосредственно после КПЗ и суда, никуда больше не заезжая, будучи большую часть времени отгороженным от других... И потом, интересно – как подливал? Талантливый человек талантлив во всём! Драматург долго ломал голову над этой загадкой: как горячительный напиток оказался в его крови? Может быть, портвейн находился в заварке? Может быть. Драматург решил разгадать секрет, и они пили душистый чай чашку за чашкой, и в результате драматург

Многих творческих людей той поры, не имеющих времени, а порой даже и желания пробиваться в официоз, злобные завистники называли туняядцами, включая в этот ряд и нашего нобелиата, но на самом деле людей более деятельных, чем они, не существовало.

Вспоминаю лучезарного поэта Володю Уфлянда, обожаемого столь разными людьми, как Довлатов и Бродский. Бродский современных поэтов не очень любил, особенно тех, кто работал «на его

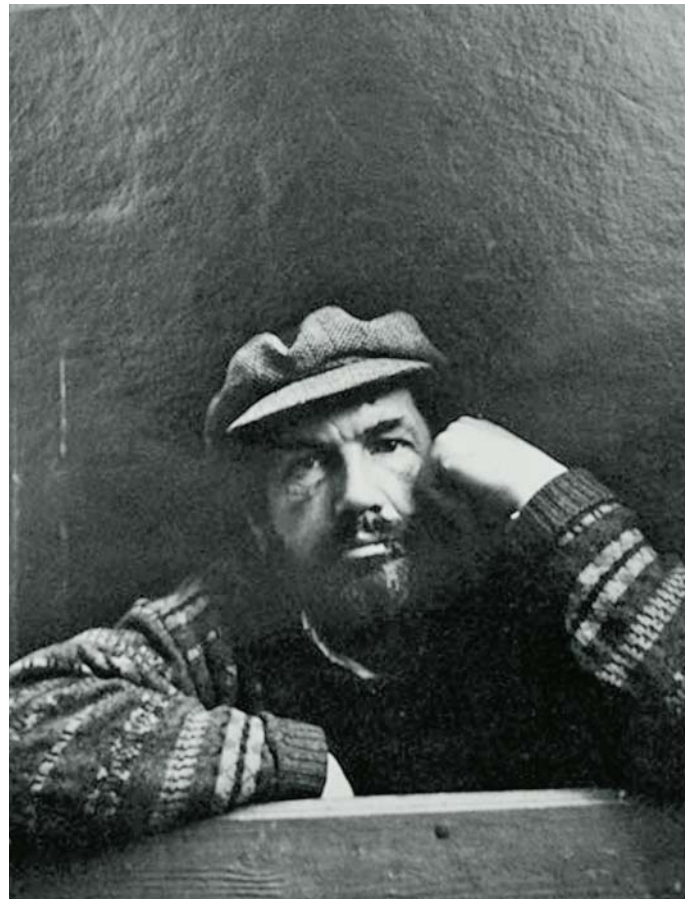
поле», а с Уфляндом им делить было абсолютно нечего, и Волосика, как называл его Бродский, он обожал всегда – «толкаться» им не приходилось, у каждого был свой отдельный огород, у Уфлянда огород пёстрый, весёлый и бесшабашный, какого не было – и не будет! – больше ни у кого. Пожалуй, он единственный талантливый поэт, абсолютно искренний в своём оптимизме. Редчайший в России, не нагнетающий искусственной скорби, как это делают многие, чтобы казаться значительней... Поэтому Бродский одного только Уфлянда – не по делам, а по душе – любил. А трагедий с головой хватало Иосифу и в своих собственных стихах. А Уфлянд – весёлый. И вот уж тунейдцем его назвать – значит обидеть. Он прекрасно шил, пилил, строгал – вся квартира была разукрашена его изделиями, висела его потешная графика, на грани гениальности, при том он честно работал на общество – сперва разнорабочим в Государственном Эрмитаже, а потом писал на «Ленфильме» замечательные диалоги и зонги для наших фильмов и дубляжа, либретто для опер. Даже и выпить ему порой было некогда – столько ждало его любимой работы. Кудрявый, улыбчивый, он и в стихах своих излучал оптимизм. Вот самый любимый мой – «Рассказ женщины»:

*Помню, в бытность мою девицею,
Мной увлёкся начальник милиции –
Смел. На каждом боку по нагану.
Но меня увлекли хулиганы.
А потом полюбил прокурор –
Приглашал с собой на курорт.
Я была до тех пор домработницей –
Обещал, что сделает модницей.
Подарил уже туфли чёрные.
Но меня увлекли заключённые.
А потом я жила в провинции,
Населённой сплошь украинцами,
И меня, увидав возле дома,
Полюбил секретарь райкома.
Подарил уже туфли спортивные.
Но меня увлекли беспартийные.*

Стихи Уфлянда оставляют тихую улыбку на лице. Есть плёнка, где Бродский радостно и легко читает своё любимое стихотворение Уфлянда – «Мир человеческий изменчив», – и Иосифа, обычно надменного, не узнать. Великие не только упивались стихами Уфлянда (он помогал им жить), но и сами, в минуту отдохновения, посвящали ему лёгкие, радостные стихи. Довлатов – Уфлянду:

*Приехал в город Таллин
Не Тито и не Сталин,
Поэт Володя Уфлянд (Ленинград).
Он загорать мог в Хосте,
Но вот приехал в гости,
К Далметову, который очень рад.
Той ночью мы с ним в паре
Нажрались в Мюнди-баре,*

*Мы выпили там джина литров пять.
Наутро пили пиво,
Вели себя игриво
И в результате напились опять.
На следующее утро
Мы рассудили мудро,
Что больше пить нельзя, что это – «фэ!».
Но всё же (что за блядство!)
Пошли опохмеляться,
И в результате снова подшофе.
Мой стих однообразен,
А мир разнообразен.
Он в нас самих. И это суций ад.
Мы живы (это важно).*

► «Гениальный и ужасный» поэт Олег Григорьев

*И мы живём отважно.
Будь счастлив. Я дружу с тобой. Vivat!*

А ещё говорят, что мы развалили Советский Союз! Да мы обожали то время, когда можно было поехать в Таллин без каких-либо политических, юридических и экономических проблем, – и мы немало внесли средств как в экономику России, так и других республик, разъезжая туда-сюда. А тот же Довлатов писал о людях многонациональной нашей страны – например, широко

известный сценарий «Гиви едет в поезде. Билета нет!» А у того же Уфлянда могила отца была в Таллине, и он часто туда приезжал, а я, помню, с восторгом жил в жарком Ташкенте, занимаясь довольно необычным делом: писал сценарий – уже снятого фильма! Как-то режиссёр перепутал порядок действий – и я дружески его выручал. Что говорить, славное было время. Правда, стихов Уфлянда не напечатано было ни строчки, а при этом его ещё вызывали и расспрашивали. «В вашем стихотворении упоминается Председатель Верховного Совета СССР Ворошилов Климент Ефремович. Вы пишете: «...мне нравится товарищ Ворошилов – седой, в дипломатическом костюме...» Что вы имеете в виду?» «То самое и имею в виду, что написал!» – как всегда добродушно улыбаясь, отвечал Уфлянд. «Вы лжёте!» «Когда же именно?» – удивлённо спрашивал Володя. Надо было быть неповторимым Уфляндром, чтобы даже при таких делах продолжать улыбаться и любить всех.

Однажды Уфлянд шёл в гости ко мне – радоваться вместе: я как раз переехал в новую квартиру на углу Невского и Большой Морской, где до меня жила Ирина Одоевцева, прелестная поэтесса Серебряного века, переселённая из Парижа сюда по причине преклонного возраста и нищеты. После её смерти туда въехал я и ждал Уфлянда. Раздался звонок. Володя стоял, согнувшись, держась за голову, и между пальцами проступала кровь. Какие-то сволочи, видимо, проследили его от магазина и под аркой ударили кастетом и отняли сумку. Мы вызвали «скорую», и Володю увезли. И через какие-нибудь час-полтора прозвенел звонок и вошёл Уфлянд, скинув руки с двумя портвейнами: «Это я!» «Слышь, Володя, может, отложим?» – «Никогда! Чтобы какие-то гады испортили нашу встречу?!» На голове его, в выбранной «тонзуре», заодно торчали «усики» операционного шва. «Вшили-таки тебе антенну!» «Аллё, аллё! Переходим на вторую бутылку! Как слышно?» – духарились мы. Потом я шёл Володю провожать. И дошёл с ним до угла Большой Морской с Невским. Здесь юркий Володя выскользнул из-под моей руки и заявил гордо, что дойдёт один. И прекрасно дошёл бы, но, к несчастью, какой-то очередной бенкендорф в порыве служебного рвения зачем-то отменил привычный всем нам и любимый наш переход и стёр полосатую «зебру» с лица асфальта. И где?! Как раз напротив знаменитого кафе «Вольф и Беранже», где Пушкин выпил стакан лимонада перед дуэлью и куда с тех пор стремится народ. Володя, естественно, ничего не знал об отмене перехода (за всеми глупостями не уследишь), и его сбила машина. Кстати, в этом опасном месте, у «Вольфа и Беранже», переход через бурный Невский по-прежнему отсутствует...

Утром, когда мы с Андреем Арьевым, редактором журнала «Звезда», пришли к Уфлянду в боль-

ницу, он, с загипсованной ногой, светло улыбался и никого не обвинял, даже наехавшего: «Торопился мужик». Когда это он с ним познакомился? Рассказал нам: «Сначала я ничего не соображал, потом вдруг увидел, что Серёга Довлатов, большой и красивый, в белом халате, взял меня на руки и несёт. И говорит мне: «Ничего, ничего! Терпи». Я и терпел. Утром он зашёл в палату, гляжу – вылитый Серёга. Спрашиваю его: «А как ваша фамилия?» Он улыбается: «Довлатян». Уфлянд уютно устраивался везде. Мир его был таким же уютным и светлым, как его стихи. «Век такой, какой напишешь!» – это я про Уфлянда сказал, всем злобным занудам, препарирующим Уфлянда и с ножом к горлу требующим от него «правды-матки» и «глубины». А нам она ни к чему!

Я всегда слышал голоса: «Какой-то это не наш поэт!» Русский поэт, по мнению большинства, обязан быть трагичным, активно делиться горем... Может, из-за этого и столько горя у нас? А Уфлянд – солнышко. Услышав о столкновении Уфлянда возле кафе «Вольф и Беранже» с машиной, величественный Бродский отбросил свои лауреатские дела и написал Волосику:

*Пока срастаются твои бесшумно косточки –
Не грех задуматься, Волосенька, о тросточке.*

*В минувшем веке без неё из дому гении
Не выходили прогуляться даже в Кениш.
И даже тот, кто справедливый мир
планировал,*

*Порой без Энгельса, но с тросточкой
фланировал.*

*...Но вот теперь, случайно выбравшись,
с полочками,
Из-под колёс почти истории с подонками,
...чтоб поддержать чуть-чуть своё
телосложение,*

*Ты мог бы тросточку взять на вооружение.
В конце столетия в столице нашей северной
Представим щёголя с улыбкою рассеянной,
С лицом, изборождённым русским опытом,
Сопровождаемого восхищённым ропотом,
Когда прокладывает он сквозь часть Литейную
Изящной тросточкою путь в толпе
в питейную.*

*Тут даже гангстеры, одеты в кожу финскую,
Вмиг расступаются, поблёскивая фиксою,
И, точно вывернутый брюк карман на деньги,
Взирают тучки на блистательного денди.
Кто это? Это ты, Волосик, с тросточкой,
Интеллектуалов окружённый храброй
горсточкой,*

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Экстренная профилактика
и лечение **ОРВИ и ГРИППА**
даже для
будущих мам и малышей
с первых дней жизни

Реклама

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firnm.ru

Reg. P. 000089/01 Рег. ЛП-001503

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

*Вступаешь, холодно играя набалдашником,
В то будущее, где жлобы с бумажником
Царить хотели бы и шуровать кастетами, –
Но там все столики уж стоики с эстетамы
Позанимали, и Волосик там – за главного,
Поэт, которому в будущем нет равного!*

Своё будущее Волосик, конечно, создал и даже жил в нём. Но, наверное, он не чувствовал бы себя столь превосходно, если бы не великолепное окружение, неповторимая творческая среда той эпохи. По тем же улицам ходил, сопя вечно простуженным носом и подтягивая великоватые, кем-то подаренные штаны, гениальный и ужасный Олежка Григорьев, бормоча что-нибудь вроде: «Да, я ходил в Химснабсбыт. Но был там жестоко избит...» Похоже на его жизнь. И тем не менее он был поэтом состоявшимся, любимым всеми, кому это позволяла должность, а порой даже и теми, кому не позволяла... Сам Сергей Михалков ругал его! Но потом, говорят, пытался помочь.

Помню, как Олежка явился ко мне через месяц после выхода из «Крестов» и рассказывал мне о тюрьме так увлекательно и, главное, бодро, что я вполне искренне (и даже учитывая советское время) посоветовал ему написать о тюрьме детскую книжку. Полезная бы книжка была – о взгляде, меняющем привычное, – годилась бы и не только в тюрьме. Кстати (замечу для нытиков-профессионалов), Григорьев выполнил там норму кандидата в мастера по гимнастике... Может, и выдумал. Но – какая разница?

Отметился он и у меня на новоселье – даже раньше, но, к счастью, не так трагически, как Уфлянд. Сгрузив мебель в кучу, грузчики уехали, и я с отчаянием думал, как же мне её расставлять. И вдруг я увидел в окне приближающегося, сильно раскачивающегося Олежку Григорьева, да ещё с двумя соратниками, размахивающими бутылками портвейна, вовсе уже не полными – видно изда-лека. Сразу вспомнился его стих, замечательно нарисованный митьком Флоренским (который и Довлатова иллюстрировал): «С наперсниками разврата он торопился куда-то». «Всё! – понял я. – Планы рушатся! Одно дело – стихи, а другое – реальность!» И в корне ошибся. Оставил всё на жену, которая в безалаберности своей не уступала гостю и восторгалась им, – вот пусть и разбираются, «близнецы-братья»! А сам малодушно сбежал. Домой я возвращался часа через полтора, заранее с ужасом представляя, во что превратилась квартира, – и был морально наказан. Я увидел квартиру чистой, убранную и с педантично расставленной мебелью. «Кто это сделал?» – изумился я. «А Олежка! – сияя, сообщила жена. – И друзья его. Такие милые! Я попросила их мебель расставить – и они сделали, мгновенно!» – «Но у нас же денег нет!» – «Но он не обиделся. Олежка ведь любит нас!» Вспоминаю то время – и слёзы на глазах!

А ещё в то же время жил блистательный и неутомный Виктор Голявкин, бегал, подпрыгивая, как мяч, и писал такие же упругие, звонкие и совершенные, как мяч, рассказы. Потом эти рассказы упрыгали куда-то. Валяю по памяти (да простят меня его почитатели):

«Мой отец пил водку, повторяя при этом, что дело не в этом. Когда мне было пять лет, он выгнал меня из дома. Но я не пал духом. Я стал подметать пристани. Сперва я едва успевал подметать за день одну пристань, потом уже подметал две, три, потом четыре. Потом я уже успевал подметать все пристани нашего города. Потом – пристани всей страны. Через год я подметал уже и те пристани, которые только собирались построить, потом я подметал и те пристани, которые никто строить не собирался. Отец мой, узнав об этом, сказал: «Молодец, выбился в люди!»

И таких рассказов было много, и все они были такими же оптимистично-победными, как и этот. При этом печатать их никто не хотел. Привычная тяготица и даже расцарапывания болячек до крови почему-то никого не пугали, а непривычная гениальность, причём бодрая, вызывала непонятную панику. Про Хармса тогда ещё и слыхом не слыхивали, а Голявкин, похоже, и вообще книг не читал, да и разговоров не любил, сразу куда-то ускакивал. Никаких чувств, а уж тем более негативных, он не проявлял. Без каких-либо раздумий и мучительных пауз он скакнул в детскую литературу и вскоре стал самым любимым детским писателем. Школьники, слушая его рассказы, падали от хохота со скамеек. Хохотать они начинали, только услышав фамилию – Голявкин. Им даже его фамилия казалась замечательной шуткой. Вот детский его рассказ, вернее часть рассказа:

«Солнце льётся на голову мне! Эх, хорошо моей голове! Дождь льётся на голову мне! Эх, хорошо моей голове! Ничего не льётся на голову мне! Эх, хорошо моей голове!»

Казалось, Голявкина ничем не пробьёшь! Почему же он начал пить, что, в конце концов, и сгубило его, далеко ещё не в старческом возрасте? Помню, как на своём шестидесятилетии он всё время подпихивал мне свою кружку левой рукой (правую сторону его парализовало) и бормотал, как всегда не очень разборчиво: «Полную! Полную лей!» Что так подстёгивало его, почему пил всё стремительней? Думаю, жизнь рядом с его творчеством выглядела слишком скучно, пресно, текла медленно и неинтересно: квартира в скучнейшем новом районе, ничего вокруг радостного, никакого праздника, даже на юбилей! Я сказал ему, что радио весь день передаёт его рассказы и город хохочет: «Ты слышал?» – «Чего слушать, что я сам написал?» Он был максималист, не терпел того, что пихали и навязывали, пусть даже собственные рассказы. Да, гению

трудно подобрать жизнь по таланту, за краем его таланта – банальщина, порядки, тоска! Жена его Люда, преданная и старательная, раздражала его и, по слухам, в последние годы писала за него. Это его изводило, талант его распирал, а рука уже не писала... Можно сказать, он взорвался изнутри, как глубоководная рыба в пустом воздухе. Не было вокруг ничего, даже близко похожего на гениальность! Висели по стенам его бурные, яркие картины, по образованию он был художник, закончил академию... но картины, в отличие от его прозы, гениальными не были, и он это понимал. А по его чувствам – так всё гениально должно быть, тупое-то зачем? Зачем так много?

80-е годы были просто чудовищными по скуке, особенно на окраине города. Я, помню, тоже оказался в Купчино рядом с Голявкиным... смотреть там было нечего. Впрочем, он и красот Петербурга, казалось, не воспринимал и такую банальщину, как красоты Петербурга, естественно, не терпел. Чем любоваться-то? Во что его изводило! А в 80-е всё скрылось в каком-то сыром болотном тумане.

Вроде бы ожидалась перемена после краха прежнего строя, взлёт яркой жизни – вместо этого было лишь долгое ожидание автобуса на

остановке. Читатели, на которых всегда тайно надеешься, оказались поголовно бездарны. Уныло сдавали макулатуру и считали самым главным успехом достать исторические книги Пикуля, который в томительной, долгой пустоте между двумя эпохами вдруг сделался самым главным, самым дефицитным. Вместе с прежней эпохой, которую мы сносили и даже порой с ней боролись, исчез вдруг – хотя бы какой-то – литературный вкус. Свобода оказалась вакуумом. Для чего же мы жили, кипели, сверкали? И Виктор Голявкин умер. Сын вырос похожим на него как две капли воды – в этом было что-то от чисто голявкинского абсурда, но при этом унаследовал от папы лишь пьянство и через несколько лет после смерти отца лёг рядом с ним. Жена Виктора Люда приезжает к нему на кладбище регулярно, часто вижу её с тележкой на длинной дороге от станции Комарово до кладбища. «Мне бы такую вдову!» – говорю я ей дежурный свой комплимент, она устало улыбается и катит тележку дальше. Она понимает: время Голявкина не вернётся. Читатель словно оглох...

Может, предчувствуя то, что они не понадобятся в будущем, и пили «проклятые поэты эпохи портвейна»? Конечно, проклятье было на них,

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2 и противоаллергические компоненты

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

и оно действовало. Вспоминаю последнюю встречу с Олегом Григорьевым на моём юбилейном дне рождения – он явился когда попало и выглядел кое-как. Навалившись на стол, пускал сопли и раз за разом, раз двадцать подряд, выкрикивал один и тот же стих, не то чтобы так уж подходивший к праздничному столу: «Сперва я шёл на зов! Потом бежал на вопли! В кустах лежал Сизов! И кровь текла, как сопли!» И через минуту – опять. Публике это не нравилось, всем тоже хотелось повыступить – ведь не один же он выпил! Но он с тем же самым стихотворением перебивал всех. Было предложение выставить его за дверь охладиться, но я воспротивился... Бедный Олежа! Конец Григорьева был неказист.

Уфлянд после столкновения с автомобилем как-то сник, ходил заторможенный и рано умер. А ведь сколько в нём было радости! Так и не дождался настоящего признания.

Пережил всех и, слава богу, жив до сих дней буйный Глеб Горбовский, той же закваски, что и остальные герои этих воспоминаний.

Горбовский, видимо, один выжил из них всех, потому что несколько раз отказывался от прежнего имиджа, несколько десятилетий не пил, писал прозу, и вдруг опять вернулся в прежнее своё «грозное состояние». И в теперешних его стихах больше всего «торкает» неповторимая его «хриплость», бесшабашность, порой злость, которую другие поэты боятся в себе, – в общем, всё то, что можно поиметь, лишь сильно рискуя.

Понятие «проклятых поэтов» появилось во Франции, и они сказали всем то, на что до них никто не решался, – и к ним пришла слава. Мы же таких же своих почему-то не ценим так высоко, побаиваемся, вспоминаем не часто, предпочитаем «гладких», чтобы не расстрожили. Пора выткнуть затychки из ушей, снова услышать те вольные голоса и поднять наш «портвейновый век» на нужную высоту, на отдельную высокую полку, снять с этого времени и авторов флёр неудачи, провала. Всем бы такой «провал»!

«Эх, если бы не портвейн!» – говорят те, которые никогда в жизни не рисковали – и поэтому не создали ничего существенного. Что понимают они? «А Париж был бы без шампанского и, более того, без горчайшего абсента?» Это все как раз понимают. А вот про портвейн говорят как-то упадочно. Мол, не вышло у наших горьких пьяниц ничего! (Как всегда, принижая своё.) Такое уж время жестокое было, раздавило. Да и сами они погубили себя...

Да они столько сделали, что можно и умирать! Не жалеете их – бесперспективное дело, зря только надорвётесь. Лучше позавидуйте им. Как и другие гении, жертвуя здоровьем и жизнью, они создали свой, неповторимый, пусть не Серебряный, но другой, гораздо более близкий нам «портвейновый

век». Они имели силу и отчаянную решимость выбрать свой путь и бесшабашно пройти его, несмотря ни на что и не боясь гибели... Впрочем, если делать помпезный их юбилей, обязательно случится какое-то безобразие: «всеобщее одобрение» с ними несоединимо. И слава богу! Лучше всех сказал про них Блок – сам из той же компании:

*Ты будешь доволен женой и собой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой.
И мало ему конституций!
Пусть я умру под забором, как пёс,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,
Я верю – то Бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала!*

Кстати, это любимое стихотворение Горбовского, и однажды он, в расцвете застоя, прочёл его в телестудии с присущей ему яростью. Правда, без предупреждения, что считалось тогда недопустимым. Ну и что? Казалось бы, что такого? Блок. Классик. Школьники ленятся его учить. Всё как надо. Только что издан миллионным тиражом в двух солидных тёмно-синих томах. И вдруг – услышали! И сразу – шквал паники: «Кто это написал? Как пропустили?» Настоящая поэзия опасна всегда. И наш «портвейновый век» – в этом высоком ряду, всё там сияет ярким портвейновым цветом – и имена, и строки. Есть чем гордиться.

А сейчас что? Я веду объединение молодых писателей... Помню, как один из них, самый талантливый в тот год, сказал мне: «Счастливые вы, ваше поколение! Всё успели сделать!» – «А тебе что мешает?» – «Да времени не остаётся писать! Часов по двенадцать в день приходится на работе проводить». – «А ты проводи так времени меньше, а пиши больше!» – «Но тогда меня не назначат заместителем начальника обувного отдела. А если буду стараться – назначат». – «Ну ты уж гляди, выбирай».

С другим получилось ещё наглядней.

«Вы говорите, что у меня слишком скучная, правильная проза. А что вы мне посоветуете?» Я вспомнил, как в его годы «выдавливал из себя по капле раба», и начал – наверное, глупо – с того, что заставлял себя иногда – не ночевать дома: «Ничего не боюсь!» Порой был повод для этого, но чаще – просто так! Сказать это ему? «Знаешь, Алексей... Ну, не заночуй хотя бы раз дома! Рискни!» На следующем занятии он сидел на том же месте в тех же аккуратных очёчках. Поднял руку, как в школе. «А я ваше задание выполнил!» «Какое это?» – я уже не помнил. «Не ночевал дома!» – «А-а... Ну, молодец». Он продолжал смотреть на меня. «А какое будет следующее задание?» – Он поднёс ручку к блокноту. «...Больше у меня для тебя заданий нет».

Мастерство не пропьёшь, талант не купишь. ©

Relax ^{РАДИО} fm

ВЫКЛЮЧИ СТРЕСС
ВКЛЮЧИ РЕЛАКС

0+
РЕКЛАМА

Другая форма наивности

Этот рассказ – о гении. Он долго был с нами, среди нас, мимо нас, но многие даже имени его не слышали. Имя его – Олег Николаевич Каравайчук. Если вы слышите это имя впервые, не поленитесь, зайдите в ютуб и прослушайте хотя бы его «Вальс княжон». Послушаете и возвращайтесь

АННА СЕВЕР

– Знаешь, я была на прошлой неделе на концерте Каравайчука, – похвасталась я как-то знакомому.

– А Каравайчук на нём был? – спросил он молниеносно.

(Из личных воспоминаний)

О его частной жизни последних тридцати лет никто не может сказать ничего внятного. Жил затворником, чудил, ходил легко и быстро, дома складывал написанное в огромные стопы, ел, говорят, если никто не покормит, одни бананы и хлеб (весь дом был в буханках хлеба, из которых он своей птичьей лапкой выковырял всю мякоть, оставив корку) и писал музыку. Музыка, которой он, видимо, только и жил. О которой только и говорил. Она и составляет главное в нём и о нём, а не разгадка того, был он сумасшедшим или только сделал это кажущееся сумасшествие своим фирменным знаком, не копание в его личной жизни, не исследование того, сидел он на коленях у Сталина или не сидел. Он так старательно создал миф о себе, странном музыканте, медиуме и проводнике волшебных звуков, что грехом было бы этот миф разрушать.

Сергей Астахов, кинооператор: *«Кажется, девять лет ему было, и он на даче у Сталина играл с ним «в нотки». Выглядело это так – на столе стояли фужеры, наполненные по-разному водой, и карандашиком они стукали и угадывали нотки. И Сталин однажды ударил и сказал, что это ля. А потом сказал, нет, я ошибся, это не ля, а ля-бемоль. И тогда маленький Каравайчук сказал ему: товарищ Сталин, вы не сейчас ошиблись,*

а тогда, когда посадили моего папу. Сталин ничего не прокомментировал, но скоро его папу выпустили. Вот то, что он мне сам рассказывал лично».

А изданной музыки у него мало, почти нет. В последние годы появился Фонд Каравайчука, который занимается в том числе и записями и оцифровкой его написанной не для кино музыки. Сейчас, после его смерти, они работают с его архивом, и, возможно, нас ждут великолепные открытия. Хочется верить, что так. Потому что может случиться и обратное волшебство, о котором говорил сам композитор. «Вместе со мной всё равно моя музыка умрёт – записывай её, не записывай. Исполнители – антимир, это хуже убийства». Знаете, как морские камушки – вытащишь их из воды и они тускнеют, теряют всю красоту.

Он был одним из символов города, одним из его персонажей, которого узнавали, не зная о нём толком – а, это тот сумасшедший из Питера, который играет на рояле в наволочке на голове. Стать знаком, легендой, приметой городской среды – это тоже надо уметь. Жаль, что для многих он и остался именно городским юродивым, бестелесным человечком, который что-то такое странное делает. Которым положено восхититься и чьему знаменитому берегу – умилиться.

Сергей Астахов: *«Он вечный. Я его увидел в первый раз в 80-м году на «Ленфильме», и он с того времени в общем почти не изменился».*

Главное же, что было в нём, что составляло его суть и тайну, лежащую на поверхности, – это главное может, заслонённое антуражем фрика, улететь, пролететь мимо, прошмыгнуть мышью

или воробьём куда-то в боковой потайной коридор, из которого и выглядывал иногда Олег Николаевич Каравайчук к нам сюда, в этот грубый, конкретный мир. В многочисленных рассказах о нём людей, близко его знавших, сквозит недоумение – кто он был? Сложно сказать. Каков? Мы так и не поняли. Одно ясно – он был уникален. Помнится, давно-давно собрались как-то поэты и стали говорить о себе. Один сказал: «Таких, как я, в стране пять!» Маяковский: «Таких, как я, один!» А Хлебников вздохнул и тихо произнёс: «А таких, как я, вообще нет!» Вот его если и сравнивать – нам же всегда надо сравнивать! – то как раз с Хлебниковым, с Хармсом, с Курёхиным – с этими не укладывающимися ни в какие ворота и не встающими ни в какие рамки странными персонажами, тоже петербургскими, кстати, в основном. Некий налёт шутейности, игры, вызова общественному (и антиобщественному) вкусу, странности, сдвига – это роднит Каравайчука с ними. И так же непонятно – это они всерьёз или придираются?

Наталья Замахина, художник по костюмам:

«Курёхин. Они должны были играть вместе на концерте – «Октябрьский», они порепетировали, с ними должен был быть хор военного округа. На одном конце сцены – рояль Курёхина, на другом – рояль Каравайчука. И вот они порепетировали, скоро концерт... И тут Курёхин как-то отвлёкся, а Каравайчука нет. Выяснилось, что он там кому-то сказал после репетиции, что он поедет домой переоденется во фрак. Да какой там у Каравайчука фрак, говорит Курёхин, а время идёт, пять, шесть, полседьмого, скоро начинать. Тогда он хватает такси, мчится к нему домой на Пятнадцатую линию, стучит в дверь.

– Кто там? – спрашивает тенорком своим.

– Олег Николаевич, это я, Серёжа Курёхин.

Молчание. Он опять стучит.

– Кто там?

– Это Серёжа Курёхин, откройте, у нас концерт начинается.

А Каравайчук из-за двери отвечает:

– Не мешайте мне, я покрываюсь изнутри перламутром.

Так и не открыл. И на концерт не явился».

Самое главное, что о нём нужно сказать, минуя наволочки на голове, сорванные концерты, беретик и экстравагантные изречения, – это то, что он музыкант. Композитор.

Без музыки Олега Каравайчука, всегда узнаваемой, ироничной, всегда словно пограничной, задыхающейся, захлёбывающейся, чуть дребезжащей или срывающейся, но всегда чистой, обладающей какой-то хрустальностью, – без его музыки эти фильмы («Долгие проводы» и «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Монолог», «Чужие письма» Ильи Авербаха, «Мама вышла замуж»,

«Ксения, любимая жена Фёдора», «Женитьба» Виталия Мельникова, всего фильмов и спектаклей около двухсот) потеряли бы не только огромную часть своего очарования, своей силы и глубины. Возможно, в них не было бы главного – удивительного ощущения второго и третьего плана, многомерности мира. Его музыка в фильмах – полноценное и немаловажное высказывание, которое обогащает любую простую историю, наполняет её подчас обыденные реалии мощью почти космической, вневременной, вечной. Вот идут по советской окраинной улице неюные герои – малярша и водитель, любящий выпить, но играет музыка Каравайчука – и это уже не история поздней встречи двух немолодых людей из рабочего класса, а песнь вечной любви, но не торжествующей, нет, а словно неуверенной в самой себе и при этом чистой, робкой, стесняющейся самой себя, но настоящей. Музыка щемящая, и ты видишь не только окраинные пейзажи, но и их влюблённые лица, их счастливые глаза, и небо над городом, и птиц в нём... и веришь и надеешься, что у этой пары всё будет хорошо. Ну пусть будет, а? А фильм «Монолог», там музыка такая, что наворачиваются слёзы, это музыка несбывшихся надежд, музыка вальса, который сыгран для тебя, но ты отчего-то его не услышал. И не протанцевал. Пропустил свой главный вальс. Потому что в этот момент выполнял свой долг. А счастье прошло мимо.

Кроме как в кино, его музыку долгое время нигде было не услышать. Потому что концертов он не давал, пластинок не записывал. Не то чтобы не хотел – не разрешали. Говорят, было даже какое-то высочайшее постановление, запрещающее появление Каравайчука на сцене. Солидные, серьёзные классические музыканты смотрели на него как на хулигана, на экстравагантного выросшего вундеркинда, не умеющего и не желающего играть по правилам. А ему было утомительно скучно, кажется, выполнять все правила.

Он и не выполнял. Кажется, он был одним из самых свободных в Советском Союзе людей, и маска городского сумасшедшего, капризного гения, чем дальше, тем больше становилась его визитной карточкой. Его защитной бронёй. Может, конечно, дело и не в этом. Может, он совершенно искренен был, когда говорил, что он является проводником музыки композиторов прошлого, тех, что уже умерли и стали тенями, страдающими оттого, что нет в мире нот, нет инструментов, которые бы смогли выразить ту музыку, которую они слышали. И вот Каравайчук помогает освободиться этой музыке, выразиться ей в звуках, перевести небесное на язык земного, воплотиться возможностям материального мира, не ангельского мира. И если для того, чтобы правильно зазвучала музыка, нужно лечь, или надеть на голову наволочку, или положить в рояль вале-

нок (было и такое), или же шлёпать ладонью по парной говядине, или порвать рояльную струну, или налить в хрустальный бокал воды – значит, так Каравайчук и будет делать. И плевать ему, что это выглядит странно и смешно или нелепо.

«Настоящей ноты и настоящего звука вообще на земле не бывает, как ни химичь, как ни хитри!.. Только условно ты можешь на столе простучать свою мелодию, достигая полной адекватности, потому что прели пальцы, в них есть что-то между суставами. Парапсихология ни при чём. Это проникает в человека, и он, не слыша реального, того, что реализовано как бы, всё равно улавливает прямо из пальца – мимо уха, из пальца – в свои кости некие доли».

Несколько лет назад испанский режиссёр Андрес Дюке снял о нём фильм, и в этом году, в феврале, Олег Каравайчук ездил туда на премьеру. (Да, он там должен был выступить с концертом перед испанской королевой, но выглянул из-за кулис и решил, что играть не будет, и сорвал в который раз концерт.) В Памплоне, где у него были репетиции с танцором Хавьером Мартином, он провёл несколько дней, и там журналисты просто не давали ему проходу – ну ещё бы, экстравагантность в цене, грех упустить такое явление!

И только в последний день он смог спокойно пройти по городу, где его тоже не оставили без внимания (он, правда, любил работать на камеру, любил сниматься, фотографироваться, умел себя подавать). И Светлана Прокодина, выпускница школы докино и театра, сняла эту прогулку.

Каравайчук, маленький, сухонький, как веточка, идёт под ручку со звукорежиссёром и говорит, комментируя всё, что видит. А потом он вдруг замечает один дом и говорит, что это прекрасный дом (дом на самом деле вполне обычный, ничего выдающегося, на наш человеческий взгляд), и останавливается перед этим памплонским домом, а дальше... Дальше он начинает домом... дирижировать! Он этот дом начинает петь! Не о доме – дом! Он что-то напевает своим высоким детским голоском, он говорит, что слышит этот дом – у-у-у, и-и-и, а-а-а, – и между его пением-мычанием начинается импровизация, такая игра в бисер, когда он переходит от Девятой симфонии к Вагнеру, от него к тишине и обратно.

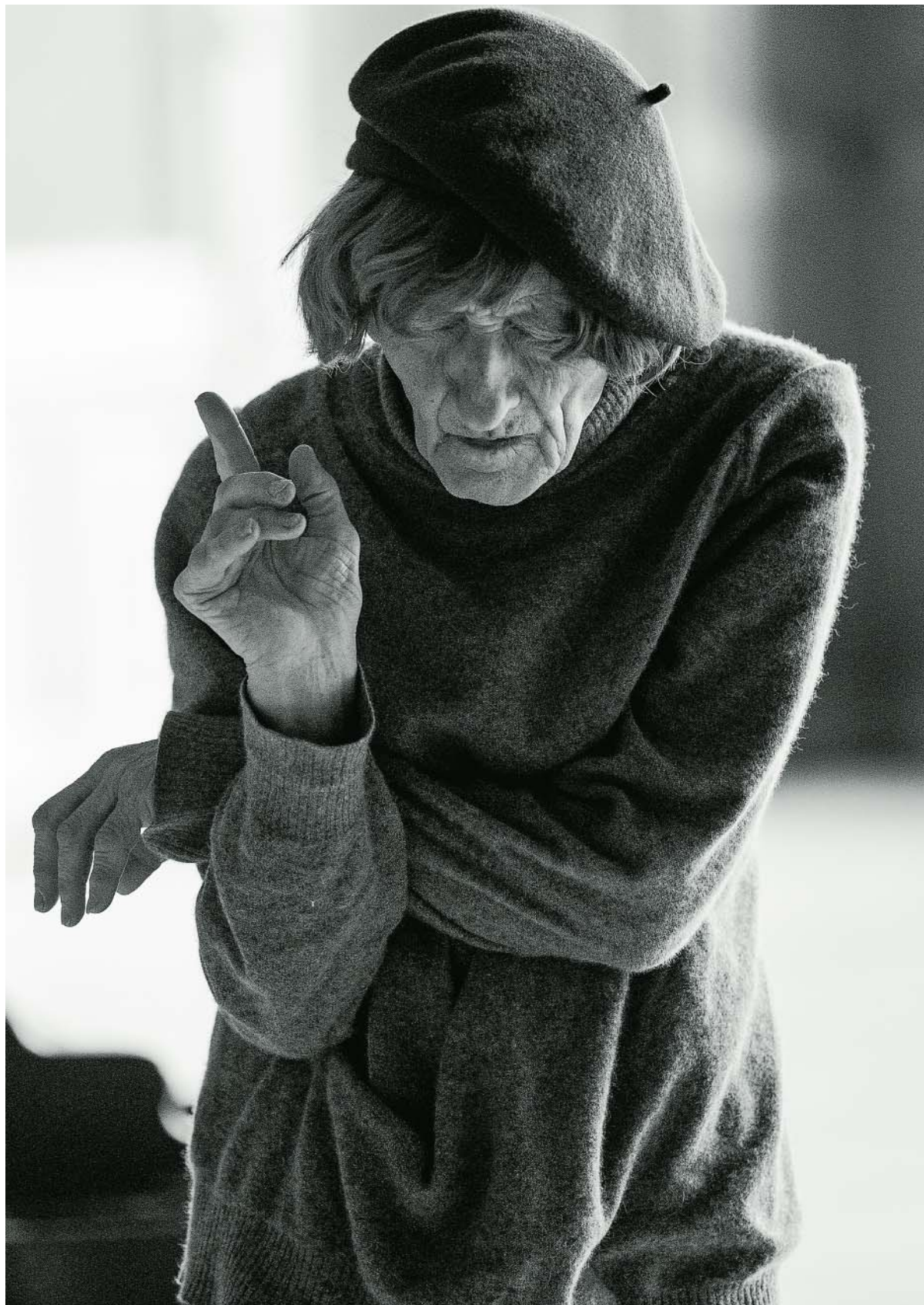
Вы видели, как иногда кошка лежит, а потом вдруг вскакивает и подбегает к абсолютно пустой и обычной стене, вглядывается в неё, вслушивается, иногда ощеривается или мяукает, а потом, словно то, что её интересовало, исчезает, разворачивается и уходит? Вот так и Каравайчук – он смотрит куда-то в наш обыденный мир и вдруг видит и слышит что-то такое, что недоступно безухим и безглазым нам, вслушивается в мир, через который гудит и поёт музыка, и только пальцы у него шевелятся, перебирая невидимые клавиши,

только руки взлетают, дирижируя небесным оркестром. Вот на что это похоже.

Его концерты, которых много было начиная с 90-х, – это уже даже не про музыку. Это действия, представления (то, что сейчас принято называть перформансом), главная интрига которых была, придёт ли он вообще на свой концерт, а если придёт, то сядет ли за рояль, будет ли играть. Возможно, он закапризничает и будет говорить о том, что ему в данный момент интересно, сплетая венки ассоциаций или жалуясь на плохое качество матрасов в гостиницах. Или станцует вальс со шваброй, или вдруг неожиданно потрогает клавиши, родит звук и потом увлечённо будет молотить по ним, грубо, пугающе, потом всё нежнее, нежнее, и не угадаешь, где тут Вагнер, где Шопен, где Чайковский, где Каравайчук и его фантазии. А публика в восторге и почтении и рада всему, даже танцу со шваброй. Но когда он был в ударе или настроении, можно было услышать волшебную импровизацию – неповторимую абсолютно, он и сам их не мог повторить, таково свойство его музыки, – сиюминутная игра, которая рождается и начнётся внезапно и так же неожиданно обрывается.

Его публичные выступления последних лет – это чистое шаманство и ворожба. Он играет свою странную музыку (играет совсем не так, как требует консерваторская выучка), а потом вдруг прерывается и начинает говорить, иногда аккомпанируя себе, иногда просто сложив руки на коленях. Причём говорит такое, что ты сперва думаешь – бред! Ну вот, например, из его выступления «Рука Гоголя»: «Что такое Гоголь? Это рюмка. Что такое рюмка? Это подымающийся лист, не знающий увядания. Потому когда рука прикасается к рюмке, то она невольно делает оду или тост. Она делается абсолютно искренней. Вот чистая гамма – это тост. Настоящая гамма – это выше религии, выше Бога. Она даёт покой». И дальше начинает играть и петь (ну, как петь – сопровождать свою игру голосом), и этот странный текст, положенный на музыку, вдруг перестаёт казаться бредом, и ты понимаешь его логику и глубину, и вдруг его образы складываются, и ты понимаешь, что по силе выразительности они не уступают образам, например, Андрея Белого. Шаманство, говорю же. Это в написанном виде кажется чепухой, а вместе с его дребезжащим, высоким голосом и его расстроенным роялем вдруг обретает ясность истины.

Пиотровский приглашал его в Эрмитаж по понедельникам, когда музей закрыт для публики, и разрешал играть на рояле Николая II, ему единственному. Сохранились записи этих его импровизаций. Это совершенно что-то шаманское. Сквозь знакомые классические мелодии вдруг прорывается разухабистый дребезжащий

«Смотрю я сейчас на женщин – однообразие какое-то. Иду на пляж, у них талии нет вообще. Смесь солитёра с лапшой. А это ведь на музыку сильно влияет»

Олег Каравайчук

вальсок, страшенький, жутенький, от которого мурашки на теле, и чувствуешь петербургскую метель, и старческую тоску Екатерины Великой, и видится игра в «фараон», и пудренные высокие парики, и полозья скрипят, а потом он напеваёт своим высоким голосом, похожим на крик механического павлина, всё в том же Эрмитаже, и становится почти невыносимо, и тут мелодия снова возвращается к игривой фривольности восемнадцатого века, и расстроенность рояля словно исчезает... А потом снова сгущаются краски, и музыка становится пугающе-страстной, а Каравайчук ещё крикает и лает и словно чихает, молотя по клавишам не изящной длиннопалой рукой пианиста, а какими-то крючками вместо рук, а тебе почему-то хочется плакать и прижать к груди младенца, чтобы защитить. Какого младенца? От чего защитить?... Нет, ну как передать музыку словами?... И как рассказать о человеке, у которого вместо биографии – одни мифы и легенды?

Он родился в Киеве, в музыкальной семье, в 1927 году, это известно точно. Его отец был скрипач, много работал в кино и театре. Мать давала уроки фортепианной игры на дому. Дед, отец матери, был влиятельным адвокатом. Отца посадили первый раз, когда Олегу было два года. Потом семья переехала в Ленинград, там же началась учёба Олега музыке, хотя музыку он чувствовал, как он говорил, с раннего детства, причём чувствовал, воспринимал её всем телом. В интервью он говорил, что помнит, как совсем маленький шёл по Киеву с матерью и говорил ей, что нельзя продавать фисгармонию, потому что наш папа музыкант, и он шёл и плакал и топал ногой по тротуару, а тротуар топал по нему, и это была настоящая музыка, истинная. «Я чувствовал, что моё сердце соединено с ногами и через них во мне звучит музыка».

Сергей Астахов: *«Я хорошо помню, как мы с ним познакомились. В 1991 году приехала Марина Влади, мы с ней уже были хорошо и давно знакомы. Я пришёл к ней в номер в гостиницу «Астория». Она привезла мне в подарок камеру, и вот мы сидим с ней пьём чай, разговариваем, и внезапно зашёл Каравайчук. Она нас познакомила и говорит: а вот, Серёжа, кстати, сними про него фильм. И я сразу тут же и начал снимать. А он сразу начал рассказывать, играть, работать на камеру... Он вообще любил работать на камеру. Это была вся его жизнь! Он всегда играл на публику, да. В компании он часто играл, показывал какие-то свои импровизации... Я ни разу концерт его не видел. Мне кажется, эта часть его жизни, особенно в конце, носила уже подчёркнуто эпатажный характер... Я вообще думаю, что как композитор он умер давно. Вот, например, тот фильм, который я снял с ним, – «Письма для Петербурга», где и он снялся и в котором разрешил использовать его музыку... Они все там пришли в дикий восторг и пред-*

ложили ему исполнить там что-то новое. И он молниеносно, сразу же отказался. Думаю, он просто не мог уже тогда сочинить новое. Он гений, безусловно. Но гений, который жил слишком долго. Дольше своего дара. Я ведь знал его двадцать пять лет, и за эти годы я не услышал ничего нового».

Он с детства видел великих музыкантов и артистов, помнил, как влюбился в арфу и испугался «Сказки о царе Салтане», как сидел на коленях у оперной певицы Валерии Барсовой, помнил на сцене и вне её великих Уланову, Лепешинскую, Дудинскую... Потом его первые успехи, выступления, в газетах зовут его юным Моцартом, и его вместе с другими детьми возят на правительственные концерты вундеркиндов – выступать перед вождями. Вот откуда то ли легенда, то ли быль про то, что он сидел на коленях у Сталина и что тот то ли выпустил его арестованного отца, то ли подарил рояль.

Что потом? Потом Ленинградская консерватория, которую то ли окончил блестяще, то ли так и не получил диплома, ибо якобы на выпускном экзамене так и не стал играть для комиссии, по их правилам. Он рассказывал в разные годы обе версии, и какая из них правдива – неизвестно. Он сам говорил позже: «А там, где гениальность и ясность, незачем вспоминать о профессии и мастерстве. Да, постигаем какие-то способы работы, но это нечто совершенно другое. Пятую симфонию Бетховен не сочинил бы, задумайся он о правилах. Или ещё пример: Мравинский репетировал, репетировал, а Вилли Ферреро вышел, чуть-чуть вздрогнул спиной, поднял руку, и весь оркестр как один человек вознёсся в небо. И всё! Никакой профессии. Он с детства дирижировал, потому что Богом был отмечен – вот и всё!..»

Затем шлейф гениальности и невозможность работать нигде, кроме как в кино. Кино меня спасло, говорил он, больше мне работать нигде не разрешали.

Сергей Астахов: *«Его же долго не принимали в Союз композиторов. Он мне рассказывал, как было какое-то заседание Союза композиторов. И там на повестке дня первый вопрос – распределение дачных участков в Грузино, а второй – рассмотрение кандидатуры Каравайчука на приём его в союз. И его вызвали. И вот он ходит там по коридору, войти не может, он же не член ещё. Долго ходит, потому что всё распределяют участки, несколько часов. И, наконец, он устал, открыл дверь и пропел своим голоском: «У-ро-дь!» И всё! А при этом была в нём какая-то наивность. Какое-то простодушие. Помните шутку Курёхина про то, что Ленин – гриб? Вот при мне это было. Он слушал, слушал, потом замолчал надолго и сказал так задумчиво и растерянно: «Надо же, а я никогда не мог подумать, что Ленин – гриб». И я поверил, что он действительно сказал это*

ФОТО: СТАНИСЛАВ ЛЕВИЦКИЙ

всерьёз. Наивность и беспомощность в нём была. Я неоднократно это наблюдал у него».

Надо сказать, что в кино у него была репутация безумно талантливого, но безумно неудобного автора. Бесконечные срывы записей, невозможность нормально договориться, капризы, невероятные требования... В фильме Авербаха «Голос» (а Авербах любил его как композитора, старался приглашать его на свои картины) рассказывается вполне биографическая история. Это фильм про фильм, про съёмки. И там есть персонаж – композитор Ромашкин, странный, нервный, тощий, в нелепом свитере, сыгранный актёром Бехтеревым. «С композитором у нас беда: как надо записывать музыку – его нет!» Это о Каравайчуке времён его безусловной славы и расцвета – на «Ленфильме» 70-х. Ускользающий, непонятный, почти безумный, тревожно исчезающий или неприходящий – кажется, Авербах, при всей любви к Каравайчуку, дал в фильме волю чувствам.

С ним было сложно, иногда невыносимо, порой просто невозможно работать, иметь дела, планировать, договариваться – он мог передумать, перехотеть, быть не в настроении. Кто-то рассказывал, как они долго согласовывали выступление и запись, всё было договорено и, наконец, решено, а когда ему позвонили, Олег Николаевич сказал в трубку: «Сегодня небо слишком низко и день слишком серый. Совсем не хочется встречаться». Это многих злило, даже тех, кто был ему если не другом (дружить с ним, говорят, было невозможно), но близким человеком, не говоря уж про начальство любых мастей. Но он мог себе это позволить – не вписываясь, не встраиваясь ни в какую реальность, подчёркивая (чем дальше, тем больше) свою инаковость, свою нездешность, словно бросая этот свой беретик и растянутый зелёный или оранжевый свитер в лицо – нате! – он отстаивал своё право на свободу, которую позволить себе мало кто мог, а многие и не хотели. Этим можно восхищаться, за это можно уважать. Пока, конечно, планы не сорвут тебе, не начнут нарушать договоренности с тобой лично. Тогда это проявление чужой свободы и обижает, и оскорбляет. Но ему многие и многое прощали. Более того, говорят, что он умел вызывать во взрослых занятых и в общем-то тоже талантливых людях желание ему помогать и его опекать, возиться с ним.

Сложно представить Олега Каравайчука, который стоит в очереди, чтобы оплатить счёт за квартиру, или чинит развалившуюся розетку. Зато я знаю, что были люди, которые это за него делали. Он на самом деле не производил впечатления беспомощного и слабого. Наоборот, и его тщедушное тело, и этот странный вид, и эта лёгкость, и высокий, то ли детский, то ли старушечий, то ли птичий голосок – всё это, казалось, сделано не из ветхого, а из самого крепчайшего материала, на

века. Его же одежда тоже не говорит о его равнодушии – о нет! Эти странные свитера... Да вы пойдёте найдёте ещё такие свитера – таких расцветок! А эти береттики – говорят, у него дома на рояле стояло всегда несколько тарелок, на которые были натянуты разноцветные беретки, чтобы не теряли форму! А эти косматые парички, говорят, для него тайно много лет изготавливали на «Ленфильме»! Это ненаплеватьство на свой внешний вид – это вызов, продуманный, как жёлтая блуза Маяковского, это такой особый дендизм Оскара Уайльда, это старательное прорезание дырок на джинсах современных модниц и модников, это наряд для выхода в мир, это броня и артистический грим и костюм, вот что это такое.

Наталья Замахина: «... Он же ведь часто бывал у меня дома. Приходил без звонка, без предупреждения. Без объяснения. И сразу начинал говорить. Любил, кстати, поест, и ел много и с удовольствием. Однажды – я запомнила это, потому что это, кажется, было единственным... человеческое, не инопланетное, что он мне сказал за столько лет общения, – «Я горячее ем только у вас». И всё. Я обалдела и запомнила. И эту его фразу, для него такую нетипичную, и это слово – «горячее»... Так же люди не говорят, да? А сказать, какой он был... Ну вот он сидит за столом, ест «горячее» и что-то говорит, говорит... А я сижу и слушаю, и думаю: нет, ну правда, ну сумасшедший же. Что-то такое... Импровизация такая. Про музыку и Бога, и небо, и чашку, и Вагнера, и что-то такое, ни понять, ни запомнить невозможно, но при этом удивительно завораживающее. И сидишь и думаешь: сумасшедший. Или издевается. Сидишь, киваешь ему, ну а что ещё сделаешь? И вдруг он так глянет поверх очков (он же так вот и сидел – в берете своём, в паричке этом косматом своём, в очках) – глянет поверх очков, а глаза такие умные-умные, серьёзные совершенно, абсолютно не безумные, внимательные и даже чуть насмешливые глаза, – и думаешь: ну господи, да какое там сумасшествие! Он же нормальный! Он же то ли смеётся, то ли валяет дурака, то ли проверяет...»

Говорят, одно время был даже приказ по Госкино, который запрещал после нескольких его выходов приглашать его работать на «Ленфильм». В 1959–1960-м он должен был написать музыку к фильму «Поднятая целина». И в день записи оркестра узнали, что введён новый порядок оплаты музыкантам. Раньше им платили за время, потраченное на запись, и записывали с чувством, с толком, с расстановкой, не спеша. Теперь же стали оплачивать количество сделанных записей, что, естественно, привело к спешке и халтуре. Олег Каравайчук был взбешён отношением музыкантов, бросил музыкантам деньги из своего кармана на попитры и гордо ушёл, забрав партитуру.

**РУССКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

**ДЛЯ ТЕХ,
КТО ВЫБИРАЕТ
ЛУЧШЕЕ**

16+

РЕКЛАМА

СПРАШИВАЙТЕ У ВАШЕГО ОПЕРАТОРА КАБЕЛЬНОГО И СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

ЦТ

Сергей Астахов: *«Его кредо – это такая условная абсолютная свобода, которой можно позавидовать. Я, например, для себя такой свободы не хочу. Он мог прийти по-английски и уйти так же, без звонка, без предупреждения, без здравствуйте, без до свидания. Мог позвонить среди ночи и начать говорить. А потом так же бросить трубку».*

Вот за это он и был предан на «Ленфильме» анафеме, и на работу туда его какое-то время звать было запрещено. Зато стали приглашать работать на «Мосфильм». На «Мосфильме» без скандалов тоже не обошлось, один из самых известных вообще отдаёт абсурдом.

Кинорежиссёр Виталий Мельников: *«Однажды, накануне его приезда в столицу, на Красной площади произошла попытка саможжения. Весь последующий день площадь была под особым вниманием агентов ГБ. И вот на главной площади столицы появился длинноволосый странный человек в легкомысленном берете и пальто-балахоне. Его попросили предъявить документы. В ответ человек пропел фальцетом «ку-ку!» – было у Олега такое шутовское приветствие, а паспорта он с собой никогда не носил. Каравайчука взяли под локотки и повели в особое помещение под ГУМом. Там неизвестного обыскали и нашли у него скотканый телеграфный бланк. В телеграмме было написано: «Просим срочно прибыть переговоры. Комитет девятнадцати». У Каравайчука стали сразу же спрашивать про этот комитет, но Каравайчук заявил, что он свободный человек и не желает ни перед кем отчитываться. Тогда его повезли в другой комитет, по слухам – на Лубянку. Ещё бы! Накануне было саможжение, а теперь вот объявился ещё и таинственный комитет. Только к вечеру выяснилось, что Каравайчука пригласили писать музыку для фильма под названием «Комитет девятнадцати» и просили явиться на переговоры».*

Перед записью оркестра у Каравайчука иногда возникали экстравагантные требования. Однажды, записывая музыку к моей картине «Ксения, любимая жена Фёдора», в перечень ударных инструментов композитор включил два килограмма парной говядины. Каравайчука повезли на рынок, и он лично выбирал эту самую говядину. Оркестранты уже привыкли к его странностям, и ударник, заглядывая в ноты, деловито шлёпал куском говядины по деревянной доске. Всем было интересно – Каравайчук добивался неожиданных звучаний и звуковых эффектов самыми необычными способами».

Как он жил? Мало кто знает. Никогда не был женат, прожил почти всю свою жизнь вместе с мамой в квартире на Пятнадцатой линии Васильевского острова, а после её смерти переехал на старую дачу в легендарный посёлок Комарово. Но не был женофобом. В начале 50-х, напри-

мер, отбил у Владимира Этуша красавицу-жену, актрису Нинель Мышкову, которая так в него влюбилась, что бросила мужа. А позже, говорят, у него была какая-то история с советской гимнасткой, звездой Олимпиады-68 в Мексике, олимпийской чемпионкой Натальей Кучинской. Какой-то то ли удачный, то ли неудачный роман, после которого начались какие-то преследования КГБ. Нам, привыкшим к его облику то ли внезапно постаревшего мальчика, то ли законсервированной старушки, сложно представить это. А ведь тогда, в 50–60-х, он был молод, победительно талантлив, моден, знаменит и успешен. Так что всё может быть.

Сергей Астахов: *«Он был одинок, с ним никто не мог ужиться, с ним было тяжело... Я к нему очень нежно относился до поры до времени, пока он меня здорово не подвёл... Многие его не брали, хотя очень хотели, потому что с ним было очень трудно. Ну вот на «Ленфильме» есть легенда не легенда про камень. Он сказал, что для записи ему необходимо принести в тон-студию камень, большой такой валун с залива. Для особого звука. Ну, если Каравайчук сказал – нужно камень, значит, нужно камень. И вот организовали доставку этого валуна с залива, нанимали кран, специальный грузовик, бригаду, привезли его на «Ленфильм». А он пришёл, ударил, послушал и говорит – нет, здесь не звучит. Тащите его обратно».*

Или вот для какой-то картины Авербаха он должен был написать музыку, уже сроки подходят, на него наседают – когда же будет музыка, когда... И вот осталось совсем немного времени, и Каравайчук попросил съёмочную группу принести из дома хрусталь, какой есть. И вот все принесли, он его отобрал, проверил, расставил в студии, где-то налил водички, где-то нет. И карандашиком сыграл музыку для фильма. Сразу. Всю. Гениальную музыку... Знаете, он прожил удивительно насыщенную жизнь, очень долгую и яркую... Мне кажется, это интересная история. Я бы с удовольствием посмотрел фильм про такую личность, сидевшую в детстве на коленях у Сталина, прошедшую через все эти превращения...»

Олег Каравайчук умер 13 июля 2016 года, на восемьдесят девятом году жизни. Он, который вечно срывал договоренности и собственные концерты, который вечно убегал и отказывался, не являлся даже на собственные похороны. В Каменноостровском театре было прощание с телом. Но тела там не было. Только портрет, венки и музыка. Говорят, так случилось из-за каких-то бюрократических проволочек и организационных накладок.

Но вышло абсолютно в духе Каравайчука. Не явиться туда, куда пришли сотни людей ради него, отказаться от встречи, убежать, не ответить – это его фирменный жест. Думаю, Олегу Николаевичу бы это понравилось. ☺

100,5 FM

BEST

**ЛУЧШЕЕ
РАДИО**

НОВЫЙ ЗВУК!

НОВЫЙ ФОРМАТ!

НОВЫЕ АРТИСТЫ!

12+

www.bestfm.ru

Реклама.

—❖— ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ —❖—

Хлеб наш насущенный

*Максим Кантор – о живописце Якобе Рейсдале и его пейзажах,
объясняющих, почему роль собора у голландцев
играет мельница*

ФОТО: BRIDGEMAN/ФОТОДОМ

► Якоб Рейсдал.
«Мельница у реки»

Пейзажи – вещь легковесная. Даже если они изображают ураганы, перед нами всего лишь атмосферные явления, это лишь состояния природы, и рассказывают они о настроениях художника, только и всего. Сентиментальные (любовь зарождается в этих рощах), драматические (и в моей душе тоже буря), туристические (здесь я тоже бывал) – это всего лишь пейзажи.

Леонардо говорил, что если губку обмакнуть в краску и бросить об стену, то на стене останется изображение пейзажа. Эдгар Дега, когда его застали за рисованием пейзажа, смутился (он ведь презирал импрессионизм) и на вопрос, не отвлекли ли его, ответил: «Что вы, это всего-навсего пейзаж».

Было в истории несколько авторов, которые пейзаж поднимали до глубокомысленной картины – Сезанн, сделавший пейзаж стройплощадкой для новых принципов эстетики, и Брейгель, писавший, как устроена планета, с горами, морями и лесами. Но это редкость.

Можно сколь угодно умиляться пейзажам импрессионистов и есть любители Айвазовского, но простая правда заключается в том, что никакого серьёзного сообщения эти произведения не содержат и содержать не могут. «Зачем ехать на Таити, когда так хорошо пишется здесь, в Батиньоле», – говаривал Ренуар, но он не добавлял, что мягкая природа Иль-де-Франс, покойные ландшафты и трепетные небеса не обременяли его никакими неудобными эмоциями. Айвазовский писал свои марины буквально километрами (это не фигура речи: художник писал большие холсты и потом нарезал из них маленькие, которые дорабатывал), и его переживание от холста к холсту если и варьировалось, то не радикально.

Пейзаж – это всего-навсего пейзаж, не надо преувеличивать его значение. Если вы внимательно станете рассматривать картины ренессансных мастеров, то на заднем плане, за фигурами святых и пророков, вы найдёте сотни пейзажей, причём выполненных не хуже работ нового времени, а значительно лучше. Пейзажи Леонардо или Ван Эйка не уступают пейзажам барбизонцев и «малых голландцев», а превосходят их в осмысленности и глубине. Но, будем честны в суждениях, картины Ван Эйка и Леонардо не только рассказывают нам о ландшафтах – там ведь главное совсем не в видах природы. Обособив жанры (пейзаж, натюрморт, портрет), расставшись с глубокомысленной картиной так же, как расстался с католической верой и иерархией небес, художники новой, протестантской Европы лишились великих замыслов. Отныне зрителю предлагали фрагменты больших произведений Ренессанса – в качестве самостоятельных произведений искусства. То, что Леонардо помещает за плечом у Джоконды, то, что Ван Эйк пишет в качестве вида из окна комнаты, в которой сидит Дева Мария, стало

отдельным произведением и удостоилось отдельной рамы.

Целое раздробили на части – возникли мастера натюрмортов, пейзажисты и портретисты, и ни один из них не заходил на делянку другого. Особенно хорошо это видно в Голландии XVII века, где труд художника был полностью десакрализован, стал ремеслом, получил – сообразно заказам бюргеров – узкопрофильные характеристики. Виллем Клаас Хеда писал только натюрморты, а Хендрик Аверкамп – только пейзажи, а Франс Халс специализировался на портретах – и жанры не смешивали. И более того, даже эта исключительно узкая специализация и та дробилась на мелкие профили работ: существовали мастера ночных пейзажей, маринисты (причём последние делились на тихих маринистов и маринистов-ба-

► «Две мельницы».
1650–1652 годы

талистов), мастера лесных пейзажей и мастера, воспевающие фермы в полях. Дробление искусства на отдельные темы (или, если угодно, утрата искусством универсализма суждения) преодолевалось из ряда вон выходящим мастером – Рембрандтом; но это единичный случай. Изобразительное искусство раздробили на фрагменты – то, что было некогда огромным собором, рассыпалось на маленькие картинки. И величие замысла осталось в прошлом.

Голландский живописец Якоб Рейсдал не писал ничего, кроме пейзажей (говорят, что фигурки в его пейзажах не его кисти, хотя я лично в этом сомневаюсь: слишком виртуозен мазок), однако его полотна оставляют в зрителе то глубоко серьёзное чувство, которое вызывают картины с героями и характерами. Ни его учитель Херкулес

Сегерс (отличный пейзажист, певец горных краёв), ни его ученик Мейндерт Хоббема (мастер изображений растрёпанных ветром рощ) не могут погрузить нас в такое сосредоточенное размышление. Произведения Рейсдала (как и полотна Рембрандта) начинаешь переживать ещё издалека, едва входяшь в зал, где есть хоть одна картина его кисти. Рядом висят пейзажи его дяди Саломона Рейсдала, пейзажи его современника ван дер Нера, морские баталии Бакхейзена – это всё профессиональная, эффектная живопись. Рейсдал – живописец ровный, ему не свойственны эффекты, и он чужд романтики. Точно серьёзное, тихое и твёрдое слово, сказанное посреди пустой салонной болтовни, эти тёмные полотна останавливают зрителя. Рядом с этими вещами надо стоять долго, хотя объяснить, что именно эти картины говорят

► «Зимний пейзаж».
1665 год

Рисовал

нам, – непросто. Перед нами всего лишь пейзаж – нарисованы перелески и луга, но чувства, которые пробуждают эти дали, никак не связаны с атмосферными явлениями, чувства и мысли перерастают впечатления от природы.

Это странно произнести, но картины Якоба Рейсдала заставляют размышлять о бренности, о скоротечности жизни, о неизбежности смерти. Дело даже не в том, что пейзажи сумрачны (мало ли сумрачных пейзажей?) и неуютны (Тёрнер – тот вообще писал тайфуны и шквалы на море), но картины Рейсдала целенаправленно, сосредоточенно печальны: художник знает горькую правду о жизни и монотонно, упорно повторяет её зрителю. Это само по себе парадоксально: пейзажная живопись располагает к пантеизму, к утверждению, что природа есть своего рода божество, что природная красота стоит того, чтобы её увековечить наряду с ликом Божьим; такая презумпция исключает сожаления о бренности бытия. Напротив, пантеист воспринимает конечность человеческого бытия как торжество природы. «Всё жившее умрёт и сквозь природу в вечность перейдёт», говоря словами принца Датского. Однако у Рейсдала торжества природы нет – есть лишь бесконечная печаль, разлитая в природе. Апогея рейсдаловская печаль достигает в «Еврейском кладбище». Это картина, в которой художник, не колеблясь, поставил свою подпись на одном из надгробных камней. Всё и всегда, на каждом холсте – безрадостно: тёмные тяжёлые лапы елей, обязательное сухое бревно на первом плане, небо, затянутое тучами.

Суровый край, это понятно; но даже суровый край можно изобразить благодно, найти привлекательную сторону. Вот, скажем, ван Остаде или Тенирс Младший нас учат тому, что у очага можно отогреться, а Франс Халс утверждает, что после пары стаканов на погоду уже внимания не обращаешь. Но Рейсдал показал Голландию не только суровой, но и неизменно безрадостной. Его одинокие путники идут в никуда, и тропинка, петляя меж болот, не приводит к очагу.

Возможно, дело в том, что Рейсдал был врачом – он знал о скоротечности жизни больше, чем другие. Впрочем, не вполне доказано, что он врач. Его имя (Якоб Рейсдал) упоминается в списках гильдии врачей, он обозначен как хирург; но, может быть, был какой-то другой Якоб Рейсдал – как можно совмещать хирургию и такое интенсивное рисование? Будь он действительно врачом, это много бы объяснило, в частности и то, как художник выбирал мотивы для пейзажей. Возможно, врач по пути к пациентам (часто он шёл к беднякам, живущим на окраинах) встречал такие унылые мотивы, мимо которых художник пройти не мог.

Это заболоченные пустоши, поросшие вереском и чертополохом дюны, буреломные чащи.

Если он пишет дома, то лишь затерянные на пустырях, стоящие особняком на кривом косяге; он пишет последние улицы в деревнях, неказистые проулки, за которыми уже нет ничего – только поле и небо; и небо, как правило, грозное. От пейзажей его ученика Хоббема у зрителя появляется безотчётная радость: надо же, какая красота нас окружает! От пейзажей Якоба Рейсдала часто рождается вопрос: и как тут люди живут? Изображены места, в которых существуют невозможная природа, вопреки всему. Якоб Рейсдал достигает вовсе драматической интонации в своих знаменитых зимних сценах, которые он сам называл «Пейзажами Норвегии». Страна Норвегия (неизвестная ему) в данном случае выступает метафорой абсолютного холода – замёрзшая Голландия казалась Рейсдалу ещё

▶ «Еврейское кладбище».
1664–1665 годы

недостаточно холодной, ему требовалось погрузить путника в совершенный ледяной Коцит. Художник добивается того, что зрителям передаётся чувство отчаянной неприкаянности – как выжить под этим ледяным ветром. Надо сказать, что зимние пасторали часто становились предметом изображения «малых голландцев». Замёрзшие реки и конькобежцы – кто же этого благостного и пёстро быта не нарисовал? Подобно уютным натюрмортам с завитой кожурой лимона (см. Виллема Клааса Хеду и т.п.), подобно буколическим сценкам в кабачках (см. Адриана ван Остаде), где даже пьяная драка предстаёт бутафорски нестрашной, но, напротив, умилительной, зимние пейзажи Аверкампа и ван дер Нера убеждают нас: зимние радости – это расчудесный дар голландской природы.

Якоб Рейсдал в зимних пейзажах видел совсем иное: ступившийся мрак и безысходность бытия – и упорного одинокого человека, прокладывающего путь сквозь буран. Кто же ещё писал в те годы так? И кто так писал потом?

Нет ни малейших сомнений, что прямым учеником Рембрандта выступил (спустя полтора года) Винсент Ван Гог в годы своего первого, так называемого ньюэнского периода – ещё когда он работал в доме своего отца, пастора, и рисовал крестьянский бедный быт. Те же сжатые холодом поля, окаменевшая под ледяным ветром узкая дорога, скрюченные руки деревьев – и неутомимый странник, идущий против ветра. Это ведь типичный рейсдаловский мотив – одинокий путник на дороге. В своём последнем цикле, уже в пору жизни на юге Франции, Ван Гог вернулся к тому

самому рейсдаловскому ощущению бытия – и когда он писал свой отчаянно-упорный автопортрет «Художник идёт работать», то повторил рейсдаловскую композицию: одинокий путник идёт по дороге. Это стало у Ван Гога метафорой судьбы творца, метафорой одиночества интеллектуала; ничего этого художник и врач Якоб Рейсдал в свои собственные холсты вложить не собирался – он писал любую судьбу, обречённую жизнь каждого.

Сопоставление сиюминутного с вечным можно увидеть в художественном приёме его письма, в том, как художник Якоб Рейсдал накладывает краску.

Якоб Рейсдал, прежде чем перейти к живописи на холстах, долго писал на досках; буро-красная поверхность древесины служила ему фоном для сырого серого неба – и этот контраст выработал специальную технику живописи Рейсдала. Красный цвет фона даёт ощущение близости предмета, холодный серый тон – напротив, отдаляет изображение. Рейсдал втирал серый пигмент, разведённый льняным маслом, непосредственно в красно-бурую древесину, чем добивался страннейшего противоречивого эффекта: небо одновременно и воздушно-прозрачное, удалённое от нас, зрителей, и тяжёлое, нависающее над нами. Итальянцы и испанцы в своих огромных соборных холстах писали небеса как твердь; этого, разумеется, требовала и вера, и структура сложносочинённой картины заставляла писать так. Отказавшись от соборной иерархии, «малые голландцы» сочинили весь пейзаж (и манеру его изображать) заново – у них появились трепетные, прозрачные небеса, трепещущие облака, нанесённые ветром тучи. Рейсдал умудрился сочетать оба подхода: его небеса одновременно и твердь, и прозрачный воздух; достигается это тем, что мастер местами оставил коричневым грунт нетронутым, красная основа просвечивает сквозь серую лессировку.

Эти приёмы – лессировка холодным прозрачным цветом поверх тяжёлой корпусной основы – были унаследованы в дальнейшем мастерами, пытавшимися возродить многосмысленную картину в Европе. Упомяну здесь лишь один пример, но пример разительный. Под большим влиянием пейзажей Якоба Рейсдала (в особенности его манеры писать небо) находился английский романтический живописец Джон Констебл. Английский пейзажист написал шесть реплик с пейзажами Рейсдала, усваивая его уроки сопоставлений жаркого цвета первого плана и движений холодных воздушных масс. Важен здесь не сам Констебл, но то, что Констебл, в свою очередь, выступил как учитель Эжена Делакруа. Последний, работая над своей знаменитой вещью «Резня на Хиосе», руководствовался уроками Джона Констебла. Общеизвестно, что, уже доставив своё гигантское полотно на выставку в Гран-Пале, Делакруа увидел работу

Констебла и был поражён тем, как англичанин писал небо, – Делакруа потрясло то, что Констебл мог себе позволить использовать красный и оранжевый и тёмно-коричневый при написании небесного свода – вопиющая бестактность для салонного французского живописца. Делакруа настолько впечатлила эта смелость, что он переписал небо своей картины – переписал прямо в выставочном зале. Но то, что Эжен Делакруа принимал за урок, полученный от Констебла, на самом деле было уроком и методом Якоба Рейсдала.

Так, возрождение большой масляной сюжетной картины (то есть универсального высказывания) обязано голландскому пейзажисту, который от больших сюжетов принципиально воздерживался.

Впрочем, и это утверждение не до конца соответствует истине. Большая форма в произведениях Якоба Рейсдала присутствует, просто её надо осознать как таковую. Несмотря на безлюдье пейзажей Рейсдала, несмотря на то, что в его картинах программно нет сюжета, – и герой, и сюжет, и даже небесная иерархия в них присутствуют.

Протестантская плоская Голландия не знала знаковой вертикали городов – соборов в Голландии не строили, а низкие кирхи и молельные дома сливались с пейзажем, не образовывали той драматичной вертикали, какую даёт католическому городу собор. Собор, поставленный перпендикулярно всякому быту и обыденному существованию, даёт иное измерение и живописи; протестантская живопись была этой вертикали лишена. И вот Рейсдал пришёл к тому, что он эту вертикаль, этот перпендикуляр создал заново.

Собором для голландских пейзажей является мельница. Именно мельница, самая высокая и самая важная из построек, и есть то, что формирует пейзаж Голландии, даёт точку отсчёта для любого взгляда, образует перспективу. Мало этого, мельница и по самому смыслу своего существования выполняет функцию собора: даёт хлеб насущный – молитву «Отче наш», буквально воплощённую в здании.

Рейсдал написал сотни картин с мельницами – под грозой и ветром, под тревожными серыми небесами, и одинокий путь странника на его картинах чаще всего ведёт к мельнице.

Рассматривая картины Якоба Рейсдала, мы видим, как художник заново выстраивает разрушенную протестантизмом иерархию – снова создавая небесную твердь и сызнова строя собор. Просто это собор для бедных и твердь, защищающая не только короля, но и бедняка, устало бредущего по дороге.

А то, что путь труден, одинок и обречён, – что ж с этим поделать? Но идти всё равно надо, и крылья мельницы должны крутиться. Вот про это Рейсдал и написал. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*В которой Армен Джигарханян
выходит из больницы под ручку
с невестой **с.98***

.....
*а президента Грузии Звиада
Гамсахурдию добрые люди вырывают
из лап хулиганов **с.90***

Рыба-Чкалов

Гигантские крабы, кетовая икра – на Сахалинском кинофестивале царило всеобщее веселье. И неожиданно горничная Лиза спрашивает меня: «Вы грузин?» – «Да», – говорю я. – «А вам знаком Платон Пирвели?»

Это была странная война. В начале 90-х президент Грузии Звиад Константинович Гамсахурдия со своими сторонниками заперся в самом центре Тбилиси на проспекте Шота Руставели в Доме правительства. Восставшие против президента пытались штурмом взять огромный мраморный дворец, но он не поддавался. В пороховом дыму, в языках огня, вырывающихся из окон верхних этажей, Дом правительства был похож на средневековый замок с рисунков Иеронима Босха. Это жутковатое зрелище можно было разглядывать на экранах телевизоров, его показывали все телеканалы планеты. А можно было (если ты тбилисец) выйти из своего дома, бежать, тяжело дыша, по проспекту Руставели и на подступах к Александровскому саду остановиться под ветвями вековых платанов и глядеть на воюющих, которые в трёх шагах от тебя стреляли из ружей, пистолетов, автоматов. Стрелявшие были люди молодые и средних лет, бородатые, лысые, в костюмах, плащах, кашне, кое-кто в шляпах. Некоторые падали на асфальт проспекта Руставели. Если не двигались – это были мёртвые, если хватались за грудь, ногу, живот – это были раненые. Никто не плакал, во всяком случае, не было слышно плача. Был только ужас на лицах. Люди выбегали, тянули мертвецов и раненых к тротуарам, так как каждые три минуты по проспекту с грохотом проносились танки, которые стреляли по дымящемуся Дому правительства. Танков было три-четыре, они делали круг и снова выезжали на проспект. Мраморные стены мало страдали от танковых снарядов...

То, что я сейчас пишу, – это моё воображение вперемешку с действительностью, что давали картинки телеканалов «Си-эн-эн», «Би-би-си», «Евроньюс». Меня не было в Грузии во время этой странной войны. Я жил в далёком от Тбилиси мире, назывался он Лос-Анджелес. Поехав в Америку получать приз за сценарий «Шлюха американского лейтенанта», ставший победителем литературного конкурса «Хартли и Мерил», неожиданно я оказался в госпитале, где мне сделали срочную операцию на сердце. Неожиданно – потому что я ничего не знал о своём неблагополучном сердце, совершал многокилометровые кроссы, участвовал в марафонских забегах вокруг Тбилисского водохранилища, которое тбилисцы именуют Тбилисским морем. И нате вам – в лос-анджелесском клубе «Братья Маркс» ночью, после танца, похожего на сцену из фильма «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», меня везут в госпиталь, и кореец-хирург Каспар Ли распиливает мне грудную клетку, выволакивает оттуда не желающее сокращаться сердце. Я под

► Автор с другом, польским кинорежиссёром Кшиштофом Занусси

наркозом, но есть видеозапись: Каспар Ли с сердцем победителя конкурса «Хартли и Мерил». Хирург улыбается. Он прочистил моё сердце, залатал его, заставил сокращаться вновь и втиснул назад меж рёбер.

Когда я пришёл в себя, хирург-кореец положил на мои губы пинг-понговый шарик и велел дуть, чтобы шарик взлетал как можно выше. Это был тренинг для лёгких. Через неделю я стал ходить, потом бегать вдоль Тихого океана. Мне нельзя было возвращаться в Грузию ещё месяца два, я проедал свою сценарную премию, обрёл американских друзей, которые и позвонили мне ночью: «Иракий, горит твой Дом правительства». Я включил телевизор, увидел людей, стоящих за стволами платанов, увидел танки, стреляющие по окнам мраморного дворца. В пороховом дыму узнал свой детский сад, соседствующий с правительственным зданием. Вспомнил почему-то, как плакал навзрыд, когда моя мама привела меня туда в первый раз и оставила. Я стоял у зарешеченного окна и видел молодую, красивую маму, уходящую к платанам. Воспитательница Генриетта, высокая, как баскетболистка, девушка, наклонилась ко мне, я, четырёхлетний, смотрел на её большущие ступни в шлёпанцах, и это зрелище успокаивало меня, я смотрел и не плакал. Сейчас в густом дыму бегали люди с автоматами Калашникова. Кого-то из них я даже узнавал. Было странно видеть, как мои знакомые стреляют в моих знакомых, спрятанных там, за стенами Дома правительства, в кабинетах, на лестничных площадках, в буфете, в туалетах... А где сам президент Гамсахурдия?

Мы были с ним почти ровесники. Думаю, он на год всё же старше меня. В юности однажды мы вместе участвовали в драке. История наивная, вряд ли президент смог бы узнать меня взрослого при встрече. Но тогда, будучи десятиклассником, я с моими друзьями Аликом Джапаридзе и Элизбаром Балавадзе шли по ночному Тбилиси и увидели, как сын классика грузинской литературы Константина Гамсахурдии Звиад стоит у стены винного завода, недалеко от университета, припёртый двумя парнями. Они что-то требовали от него, тыкали в него пальцами, с головы сорвали кепку. Мы, не сговариваясь, резко рванули к стене винзавода и, не произнося ни слова, стали бить тех парней. От стен винзавода всегда просачивались алкогольные пары, они кружили головы, мы были беспощадно. Будущий президент первым смилостивился к побеждённым и дал им бежать с поля битвы. Элизбар Балавадзе пнул ногой одного из убегающих и потерял туфлю, слетевшую с ноги. Почему-то туфлю мы долго не могли найти. Будущий президент искал её вместе с нами, поблагодарил за поддержку, предложил встретиться. И пошёл вверх по улице Петришвили. Больше мы не встретались.

И вот сейчас в Лос-Анджелесе, оглушённый хриплыми криками пеликанов и серых чаек, я всматривался в тбилисский апокалипсис. Мне было жалко президента, совсем недавно его боготворила вся Грузия. Он был красив, умён, красноречив, за ним шли тысячи толпы. Но потом что-то случилось, толпы отвернулись от своего вождя. Только немногие женщины-фанатки продолжали любить его, они называли себя «звиадистками». Я вообразил, что в огненном замке Иеронима Босха играет музыка композитора Хачатуряна и женщины, красивые, некрасивые, исполняют «Танец с саблями». Они носятся по коридорам, в окна влетают танковые снаряды, взрываются хрустальные люстры, шкафы с документами, портреты бывших коммунистических вождей, а женщины с саблями в руках танцуют под музыку Хачатуряна. Но это моё болезненное воображение.

Хирург Каспар Ли велел мне ежедневно ходить по пустынным пляжам Венис-Бич, а я двадцать четыре часа смотрел хронику грузинской войны, не вставая с потёртого бархатного кресла, которое принесли мне в подарок Сергей Бодров-старший и его сын Сергей Бодров-младший, тогдашние мои соседи по Венис-Бич. Фрэнк Пирсон, президент Гильдии сценаристов Америки, дал мне приз за сценарий «Шлюха американского лейтенанта», а вслед и грин-карту, благодаря которой я выманил своих сыновей из пекла той гражданской войны, разгоревшейся в Грузии. Страна, как лопнувший арбуз, разделилась на президентских сторонников и всех других. После осады Дома правительства страсти не стихли, а взвились вверх, жена пошла против мужа, сосед против соседа. Танец с саблями за-танцевала вся Грузия. И это длилось до странной, таинственной смерти президента. Вот наконец-то я подобрался к истории, которую собрался рассказать, которая очень необычная и которую я услышал недавно на Сахалине, где с 9 по 17 сентября этого, 2016 года проходил Международный кинофестиваль «Край света». Я был одним из членов фестивального жюри. Я начал писать её на Сахалине, вернувшись в Москву, продолжаю сомневаться, стоит ли её писать?

Там, на острове, я начал так:

Мы молча смотрим, как большие рыбы, заплывшие из Охотского моря в устье безымянной реки, выпрыгивают из воды в надежде оказаться на вершине бурного водопада. Мало кому из них это удаётся. Взлететь надо метра на три. Рыбы-счастливицы, кому удаётся прыжок, продолжают свой путь к тихим заводям, где, выплеснув из себя тысячи тысяч икринок, они умирают. Мы, члены жюри: Кшиштоф Занусси, знаменитый польский режиссёр, японская актриса Макико Ватанабэ, немка-режиссёр Изабель Штевер, китаец-прокатчик Янь Юйцзинь, замечательный режиссёр Александр Котт, секретарь жюри Ирина Ильичёва и я,

Ираклий Квирикадзе, – стоим на сыром пригорке и смотрим, как отчаянно пытаются перепрыгнуть водопад большие рыбы, и ничем не можем им помочь. Сопровождающий нас фотограф Максим говорит, что, совершив сотню прыжков, рыбы убеждают водопад и, счастливые, плывут умирать... Выплеснув из себя икру, они завершают цикл своего существования. Их икра продаётся в местных ларьках.

О Сахалине я знаю по книге Антона Павловича Чехова. Даже японка Макико Ватанабэ читает «Остров Сахалин», ходит с Чеховым на японском под мышкой и ищет каторжан на улицах Южно-Сахалинска, но не находит их. Макико плачет, глядя с пригорка на реку, чёрную от спин тысяч больших рыб. Кшиштоф Занусси спросил меня: «Ираклий, что ты думаешь о смерти?» В этот момент одна из рыб перепрыгнула водопад, вся наша компания обрадовалась. Мы, как дети, топали по лужам туда, где дымит костёр и в алюминиевой кастрюле варятся огромные колечки сахалинские крабы. Посмотрев за шесть дней два десятка удачных и неудачных фильмов, мы имели право на крабовое обжорство. Кшиштоф Занусси вновь спросил меня: «Ираклий, что ты думаешь о смерти?» Я изобразил на лице гримасу, которая, наверное, означала «ничего не думаю». В меру своего легкомыслия, несмотря на семьдесят семь лет, я совсем не задумываюсь над тем, что рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки, уже много лет бродит бледнолицая женщина с косой и ухмыляется, глядя на меня, бегающего кроссы, покупающего годовые абонементы в фитнес-клубы. На слове «фитнес-клубы» я прервал своё письмо. Вошла горничная, которая спросила, нужна ли уборка и грузин ли я. Я ответил, что грузин, а уборка не обязательна. Она улыбнулась и сказала: «Я видела вас по сахалинскому телевидению, вам дали приз, железную цаплю». Я поправил: «Бронзовую цаплю». Горничная повторила: «Бронзовую... А за что?» – «Пишу для кино много лет. Наверное, за это и получил «цаплю».

Горничная села на стул, положила руки на пышные колени. Ей было лет пятьдесят. Она сказала: «Моя фамилия – Шаликашвили. Хотя я не грузинка, я с Сахалина, Лиза Дмитриева. Шаликашвили – мой муж, Мимино. Помните такой фильм – «Мимино»? Мой Мимино не похож на того Мимино, лётчика-вертолётчика... Он инструктор по птицеводству... был... Теперь сам в Грузии птицеферму строит, но я уехала... Мы поссорились, никогда не ссорились, а тут вот...»

Лиза Шаликашвили замолчала. Сидела и смотрела на меня, из её глаз текли медленные слёзы. Достала фотографии, протянула их мне. Я посмотрел на часы, скоро надо идти в кинозал, где мы, жюри, смотрели по три фильма в день. Сегодня южнокорейский фильм «За пределами

тоски», российский «Петербург. Только по любви» и «Айша», танзанийский фильм... Горничная плачет и протягивает фотографии мужа Мимино.

Первая фотография удивила меня. В рост стоит Звиад Гамсахурдия. Узнаю батумскую набережную, чуть в стороне несколько белых чаек на асфальте смотрят на президента Грузии. Рядом с ним молодая, курчавая Лиза Шаликашвили. На ней зелёное платье, большой бант на груди. Президент улыбается, чуть придерживая рукой Лизу за талию. У левого плеча Гамсахурдии стоит, видимо, Мимино Шаликашвили, крепкий, высокий, коротко стриженный, с грустными глазами. Лиза подтвердила мою догадку: «Это Мимино». Я про себя повторил: «Инструктор по птицеводству». На других фотографиях президента не было, только Мимино и Лиза. Я спросил: «Вы звиадистка?» Горничная засмеялась: «Нет, ни Мимино, ни я не были его поклонниками, эту фотографию я держу по особому случаю... Можно я расскажу, как много у нас было печали, обид и как мы в той войне обрели счастье?»

Я слушал горничную, вначале демонстрирую, что очень тороплюсь, но потом, забыв о конкурсных фильмах, слушал её, и из моей памяти выплывало то, что я описал на первой странице: окутанный чёрным дымом Дом правительства, танки на проспекте Руставели, толпы ротозеев, прячущихся от смерти за стволами вековых платанов, мужчины с автоматами, разъезжающие в автобусах по всей Грузии и стреляющие по не своим, инструктор по птицеводству и его жена, гостиничная горничная, случайно встретившие президента на батумской набережной. Президент почему-то в то утро пожелал фотографироваться со случайными прохожими. Почему этот интеллектуал, философ, языковед, аналитик, диссидент, став президентом, повёл свои президентские дела так, что оттолкнул от себя многих и многих? Я вновь посмотрел на часы, они показывали время, когда в зале кинотеатра члены жюри Международного кинофестиваля «Край света» вставали и кланялись зрителям, их имена и фамилии объявлял ведущий, моё кресло пустовало, так как я сидел в номере с Лизой Шаликашвили. «Мой Мимино бегал по лесам, его преследовали, он стал яростным антигамсахурдийцем, получил кличку «дикий Мимино». Всюду, где собирались антирежимные митинги, он произносил пламенные речи. Мой инструктор по птицеводству оказался громким трибуном. Сегодня он кричит в Багуми, завтра в Гори, послезавтра в Кутаиси, через три дня в Потии... Потом его поймали...» Лиза Дмитриева, она же Лиза Шаликашвили, с пылающим лицом, ей не дашь пятьдесят два года (она уточнила эту цифру), резко встала и подошла к окну, за которым темнел Южно-Сахалинск, в пятиэтажках горели огни. Сентябрь был дождливый и туманный, где-то со-

всем недалеко в безымянной реке десятки тысяч больших рыб, несмотря на ночь, продолжали толкаться у трёхметрового водопада. Кто-то из них подбрасывал своё раздутое красной икрой тело, взлетал в воздух и делал очередную попытку окатиться над водопадом. А жюри смотрело на экране кинозала фестивальные фильмы. К чести сахалинского зрителя надо сказать, что залы были набиты битком. Это удивительно. Зритель напряжённо, затаившись, смотрел и хорошие, и не очень хорошие фильмы. На краю света людям так важно, что к ним приехали, их не забыли. Они за это благодарны. Тысячестный зал никто не покидает, смотрят даже трёх-с-половиной-часовой фильм, где с первой до последней минуты не понимаешь, в чём дело, что на экране происходит.

Лиза отошла от окна и повторила: «Мимино поймали... Его предупреждали – Мимино, остановись, не прыгай выше головы, Звиад строит для тебя, для всех нас страну счастья, страну солнца...» Лиза вдруг перешла на грузинский, она говорила почти без акцента: «Знаешь, Ираклий, я вас, грузин, не понимаю! Мне нравился и продолжает нравиться Звиад Гамсахурдия, после него были другие, но он самый настоящий. Когда я фотографировалась с ним, я помню ток, который тёк от его руки, тёк на моё плече, потом на спине, потом на талии, вот тут... Я никогда не могла сказать это Мимино, но тебе говорю. Да, знаю, Гамсахурдия хотел спрятать Грузию от всего мира, знаю, что это не верно... Грузия же не Северная Корея, она всегда была открыта... Почему надо было Мимино так не любить его?... Скажи, Ираклий, ты знаешь Платона Пирвели? Платона Валерьяновича Пирвели? Это он схватил моего Мимино и пытал. Он командовал отрядом быстрого реагирования, очень суровый человек был...»

Я ухмыльнулся: «Почему был? Он есть». Лиза тоже улыбнулась: «Да, я знаю. Я недавно торт испекла и поднесла ему в знак благодарности». Я удивился: «Он же пытал Мимино! А ты ему торт испекла?! Как это?» – «Да». – «Как?!» Горничная рассмеялась: «Весь мой рассказ об этом. О том, что я, Лиза Шаликашвили, приготовила самому мерзкому человеку, палачу моего мужа, в знак благодарности торт». – «Не понимаю».

На другой день жюри повезли к той безымянной реке, впадающей в хмурое Охотское море, где у бурного водопада скопилось тысяч двадцать чёрных рыбьих спин. А может, тысяч сто двадцать. Кто сосчитает? Большие рыбы толкались, взлетали в воздух чёрными торпедами и падали на спины своих друзей, недругов и соперников. Каждая думала только о себе, как оказаться за преградой и поплыть дальше... Я уже это писал. Родив жизнь, умереть. За полчаса нашего молчаливого стояния я насчитал пятерых удачно взлетевших и по кривой траектории упавших за водо-

падную занавесь. Задние напирали на передних, те становились торпедами. Вот ещё один удачный перелёт. Фотограф Максим назвал счастливица «Рыба-Чкалов». Мне понравилось сравнение с Чкаловым. Откуда оно пришло в голову молодому, двадцатипятилетнему человеку? Прошлое живёт в нас каким-то таинственным кодом. Может, назвать мой рассказ «Рыба-Чкалов»? Ведь не назовёшь его «Рыба-Гамсахурдия». Тот не перелетел над водопадом, проиграл войну, после заперся в Доме правительства, заперся в Мингрелии, в Чечне у друзей. Не уверен, что те, с кем он заперся, были его люди. Он бился до последних сил... Потом случилась та таинственная смерть. В горах другая логика войны и мира, жизни и смерти. Шамиль, Хаджи-Мурат, император Николай I, император Александр II, генералы Ермолов, Барятинский, Воронцов, Паскевич, Аргутинский-Долгоруков... Грибоедов, Лермонтов, Толстой... Сколько воинов, сколько рассказчиков, сколько тайн!

Когда у безымянной реки, в ожидании варки красных колючих крабов, я рассказывал Кшиштофу Занусси историю Лизы и Мимино, он слушал её без особого внимания, для польского уха

► Грузия. Атмосфера переломного 1993 года
Наверху: Первые годы президента. 1991 год

подвиги и измены – обычная историческая данность. Прореагировал Кшиштоф только на торт, преподнесённый палачу в награду за жестокие пытки мужа. Кшиштоф так же, как и я за день до этого, удивлённо спросил: «Почему? Она что, не любит его?» Я досказал историю.

Платон Пирвели, тот, кто истязал Мимино, был молодым поэтом, издавшим книгу хороших стихов, вторая книга оказалась неудачной. Критика её ругала. С Платоном произошли перемены. Он отпустил бороду, надел камуфляжную форму, стал командовать отрядом быстрого реагирования. Он разыскивал врагов и наказывал их жестоко и изощрённо. Платону Пирвели нравился фильм Федерико Феллини «Амаркорд». Там есть сцена, как чернорубашечники вливают в папу героя стакан за стаканом рыбий жир. Платон Пирвели повторял эту сцену со своими «пациентами». Особенно ему нравилось опаивать рыбьим жиром юных девушек. За Мимино Платон гонялся долго, терял его в толпе Потти, в Батуи нагрязнул в пять утра на квартиру Шаликашвили, но Мимино удалось сползти по водосточной трубе и бежать. Наконец это случилось, Платон настиг Мимино.

Если у моего пересказа слов Лизы Шаликашвили есть драматургия, горничная подошла к кульминации. Я даже не совсем понимаю, почему она в тот поздний вечер решила меня посвятить в такие откровения. Люди Платона Пирвели раз-

девали Мимино догола, клали его на стол, медными проволоками обкручивали его яйца (не знаю медицинского термина этих мужских принадлежностей) и концы проволоки вставляли в розетку. Электрический ток заставлял дико кричать отрицателя законной власти Мимино Шаликашвили. Он кричал до тех пор, пока медные провода не вынимали из розеток. Большой любитель кино Платон Пирвели, видимо, видел подобную пытку в каком-то неизвестном мне фильме. А может, поэт, в стихах называющий Данте братом, придумал эту близкую к средневековым пыткам свою, авторскую? Хотя где в Средневековье были электрические розетки? Так или иначе Платон, брат Данте, долго водил Мимино по всем кругам ада. А теперь угадайте то, что не сумел угадать выдающийся польский кинорежиссёр Кшиштоф Занусси.

Рыбы стали десятками взлетать и перепрыгивать через водопад на безымянной реке. А Кшиштоф продолжал думать, почему горничная Лиза Шаликашвили испекла торт, украсила его свежей клубникой (было это в начале лета) и преподнесла с благодарностью палачу своего мужа. Александр Котт, тоже озадаченный моей историей, предположил: «Может, женскому сердцу мало одной любви? И она ищет вторую любовь – любовь врага?»

По воле случая я знал Платона Пирвели, он не был моим другом, но с ним дружили мои друзья.

Тбилиси – город маленький. При коммунистах его звали «маленький Париж». В «маленьком Париже» было большое веселье, пили из витых рогов, некоторые из них вмещали литр-два вина. Были и рога-чемпионы, на пять литров. Платон Пирвели был тот, кто мог выпить зараз эти пять литров. Представьте Платонову глотку. Вино вливается в эту глотку и бурным водопадом падает вниз, в бездонный желудок. Мой друг Элизбар Балавадзе поехал как-то с Платоном в Кутаиси, оба – поэты, в одной машине «Нива». По дороге они проголодались. Платон велел завернуть в деревню Сио, где жила его тётка Варвара. Той не оказалось дома. Поэты что-то нашли в холодильнике, но тут Платон увидел во дворе молодую свинью и, недолго думая, словил её, заколол, зажарил. Всё по правилам, паяльником спалил длинную свиную щетину и так далее. Элизбар съел полноги, Платон – всю свинью. Тёткино вино из подвала оказалось очень к месту. Заснули поэты пьяные, во дворе на траве – помните картину «Страна лентяев» Брейгеля? Тётка Варвара разбудила их печальным зовом: «Гут, гут, гут...» Она звала пропавшую свинью. Поэты присоединись к тётке Варваре, вышли в лес и – в три голоса: «Гут, гут, гут» – стали искать. Весь Платон Пирвели в этом. Ходит по лесу огромный сытый мужчина и ищет упокоившуюся в его животе свинью: «Гут, гут, гут».

Неделя пыток электроразрядами для Мимино превратилась в невыносимое мучение. Он звал смерть, она не являлась. Может, боялась Платона Пирвели (фамилия очень значимая, по-грузински «пирвели» – «первый»). Мимино доходчиво объяснили, что не надо бузить, сеять смуту. А то поймаем в другой раз и увеличим вольтаж. Не 220 вольт, а 370 или ещё больше. Мимино отпустили. Он оказался дома. Лиза целовала его, не могла нацеловаться. У них не было детей. Это являлось их главной проблемой. Мимино Шаликашвили в постели был мустанг, буйвол, носорог, Лиза с трудом выдерживала его натиски. Но не выдерживала кровать. Она трижды за пять лет прогибалась, рвались пружины, приходилось кровать заменять на более прочную. Соседки жаловались, что ночами они чувствуют себя в эпицентре землетрясения. Усталая от бессонной ночи Лиза извинялась, спрашивала соседок, как вести себя в таких случаях, соседки, не скрывая зависти, говорили, что у них не было таких случаев. А забеременеть Лизе никак не удавалось. Они обошли всех врачей. Те расписывали сложные схемы любовных утех по-научному, ничего не помогало! Лизе было двадцать шесть лет, Мимино – тридцать один. Кто-то из них был бесплодный. Врачи сказали кто – Мимино. После этого приговора Мимино сник, потерял интерес к сексу. И тут война, арест, пытки. Думаю, проникательный читатель, в отличие от Кшиштофа Занусси, уже догадывается, что

случилось по возвращении Мимино домой. Случилось чудо! Он вновь стал мустангом, буйволом, носорогом. В первую же ночь Лиза забеременела. Девять месяцев спустя родился мальчик Георгий. Спустя ещё девять месяцев второй мальчик – Арсен. За ним третий – Тимур. Объяснить это чудо можно только результатом жутких развлечений изощрённого мастера пыточных дел Платона Валерьяновича Пирвели, окружившего медной проволокой беззащитные места своих жертв.

Конечно, Платон ничего не знал о проблемах Мимино. Счастливые муж и жена не остановились в сотворении детей. Появилась девочка, названная в честь матери Лизы Тасей. Ещё двойня мальчиков – Заур и Терентий. Дом, в котором пять лет были слышны лишь скрипы пружин, теперь наполнился детскими голосами, смехом и бегом. И война сошла на нет. И президент Гамсахурдия бежал из Грузии и пересёк Кавказский хребет. Мне видится сидящий на лошади Звиад, дует ветер, череска президентка обледенела, он небрит, шарф закрывает его воспалённые уши. Так Наполеон покидал чужую страну, где он проиграл. Гамсахурдия проиграл своей стране. Грустно представлять такую печальную картину.

На острове Сахалин завершился международный кинофестиваль. Главный приз получила немецкая картина «Чужеродное тело» Кристиана Вернера. Приз за режиссуру получила грузинская картина «Жизнь Анны» Нино Басилии, драматичная история молодой женщины, которая ищет и не находит выхода в кругу обступивших её жизненных проблем. В конце вроде бы находит. Она идёт, как Кабирия, героиня великого фильма Федерико Феллини, и точно так же, как Кабирия и как горничная Лиза Дмитриева-Шаликашвили, улыбается сквозь слёзы. Остался вопрос – почему Лиза там, в Батуми, годы спустя, уже будучи матерью шестерых детей, узнав, что в батумскую гостиницу, где она работала горничной (она всегда и везде работала горничной), приехал из Тбилиси большой чиновник Платон Валерьянович Пирвели, испекла замечательный торт и принесла ему в номер? Тот крайне удивился, когда она сказала: «Спасибо, что вы истязали моего мужа». Не объяснив, она вышла из номера, оставив чиновника одного, глядящего на горящую свечу посреди спелой клубники. Мимино, узнав об этом, устроил скандал жене. Лиза, забрав двух мальчиков-близнецов, уехала к родителям на Сахалин. Вот уже четвёртый месяц она живёт на острове. В сахалинскую гостиницу поработать её позвали подруги-горничные. Зная, что с Сахалина я еду в Тбилиси, она дала мне незапечатанный конверт и пластмассовую банку икры. Конечно же, я заглянул в конверт. На листке были написаны четыре грузинских слова русскими буквами: «Мимино, Тасо, бичебо, миквархар» – «Мимино, Тасо, мальчики, люблю». ☺

JAZZ RADIO 89.1 FM

24
НОЯБРЯ
19:00

**III ЕЖЕГОДНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ
ПРЕМИИ RADIO JAZZ 89.1 FM**

«ВСЕ ЦВЕТА ДЖАЗА»

WWW.RADIOJAZZFM.RU

Большой Папа

Армен Джигарханян выбрал себе женщину без оглядок на то, что скажут люди. Люди ничего хорошего и не сказали. «Разве это любовь? Ха-ха!» Но ведь сколько людей, столько и вариантов счастливой жизни...

Пять лет назад я работала в театре Армена Борисовича Джигарханяна завлитом. Никому из сотрудников тогда даже в голову не приходило, что юная, светловолосая, худенькая Виталина Цимбалиук-Романовская не только руководитель музыкальной части, но и самый близкий человек главного режиссёра. Так было десять лет, ровно до того момента, пока Джигарханян не оказался в больнице. Второй инсульт, реанимация, тяжёлая реабилитация... Всё это время Виталина была рядом. Они вместе покинули больничную палату и вернулись в театр, держась за руки. Не образно, а буквально держась. Армен Борисович не отпускал её руки ни во время репетиций, ни за обедом, ни на совещаниях. Для него Виталина стала спасением, а для всех остальных мгновенно превратилась в расчётливую хищницу. Ну, возможно, не для всех, но для большинства – точно. Театральный концертмейстер стала в театре парией. И чем активнее судачили, тем больше приходилось Джигарханяну тратить сил, чтобы её защитить. Однако их свадьба, я думаю, к защите уже не имела отношения. К этому моменту Армен Борисович и Виталина были уже настолько связаны, что брак просто обозначил их общность.

– Впервые я увидела Джигарханяна в спектакле «Кошка на раскалённой крыше», в роли Большого Папы, – говорит Виталина. – Это было во время гастролей Театра имени Маяковского в Киеве, где я родилась, жила и училась в школе... Мне было в тот момент шестнадцать. Я влюбилась в ту же секунду, как он вышел на сцену. Это было как удар. Джигарханян нёс с собой невероятную энергетику. Может быть, так сильно её ощущали не все в зале, а именно я. Возможно, это вышло потому, что из подростка-девочки я превращалась в девушку и это было моё первое чувство к мужчине. Но это неважно. Потом я много раз убеждалась, что его присутствие сильно действует на меня – например, в маленькой гримёрке всё просто наполнялось электричеством. Я физически ощущаю идущую от него энергию. Поэтому, когда мне говорят, что большая разница в возрасте создаёт барьеры, я просто смеюсь. Люди не понимают, о чём говорят. У Джигарханяна нет возраста. Он – явление, чудо природы. Мы вместе уже больше пятнадцати лет, и я по-прежнему ощущаю, как в его присутствии в меня летят искры. Думайте об этом что хотите. Я создала себе миф? И прекрасно!

Гастроли прошли, театр уехал, каникулы закончились. Я вернулась за школьную парту. Я никому не рассказала о том, что со мной произошло. Зачем? Все решили бы, что девочка просто обзавелась кумиром. А этот штамп не имел ко мне никакого отношения. Я не вырезала портретов из журналов, не караулила после спектаклей у служебного входа... Я просто стала методично

пересматривать все фильмы, в которых Армен Борисович играл, читать все его интервью, ходить на все его спектакли, с которыми сначала приезжал Театр Маяковского, а потом различные антрепризы. Однажды набралась смелости и взяла автограф – у него и у Натальи Гундаревой. На программке. Я и помыслить не могла, что когда-нибудь решусь познакомиться с ним. Что это вообще возможно. Где-то в глубине души я смирилась, что так и проживу до смерти с чувством любви, о которой никто никогда не узнает. Так прошло пять лет. И однажды моя знакомая администратор в театре, которая, видимо, давно всё про меня поняла, сказала: «Деточка, я бы могла тебя подвести к Армену Борисовичу, но это не очень красиво, ты лучше напиши ему записочку». Во мне всё возмутилось: записочку?! Да ему полстраны пишет записочки! Пошлость какая-то! А потом вдруг села и написала длинное письмо – не как Татьяна Онегину, конечно, а что-то типа

«СТАРОСТЬ – ЭТО
КОГДА МНОГОЕ
СТАНОВИТСЯ
НЕИНТЕРЕСНО.
ВЫЧИТАЮТСЯ
ЖЕЛАНИЯ»

АРМЕН ДЖИГАРХАНИЯН

как я завидую вашим ученикам, как я бы хотела хоть пять минут провести с вами рядом, как я разделяю все ваши мысли... Просто написала правду. А в конце – свой телефон. И он мне позволил в тот же день. Я чуть сознание не потеряла. Сначала услышала голос. Потом до меня стал доходить смысл сказанного. Армен Борисович пригласил меня зайти после спектакля в гримёрку, выпить чаю. Как потом выяснилось, он даже не запомнил эту встречу, а для меня она стала настоящим рубиконом. Хотя ничего особенного в этой гримёрке не произошло. Я посидела на стульчике, открыв рот послушала своего кумира и тихо ушла на негнущихся ногах. Вот и всё. Выглядела я тогда лет на пятнадцать и была для него, конечно, совершенным ребёнком.

Девочка по городу шагает належке...

– У Армена Борисовича есть интересное наблюдение: он считает, что восхищаться игрой актёра

и вообще искусством можно только испытывая к исполнителю физическую приязнь. Если человек тебе физически неприятен, то и искусство его тоже. Это, мне кажется, абсолютно верно. Поэтому всё, что делал Джигарханян в кино и на сцене, вызывало у меня восторг и восхищение. Я закончила школу, поступила в консерваторию. Ничего, кроме музыки, в моей жизни не было. Ни романов, ни мальчиков. Мне всё это было неинтересно. Это не удивляло моих подруг – мы уважали индивидуальность друг друга, никто не шагал строем. У меня не было больше ни одного любовного романа. Армен Борисович стал не только моей первой любовью, но и вообще любовью всей моей жизни, если уж говорить начистоту. Жизнь, правда, ещё продолжается, но пока это именно так.

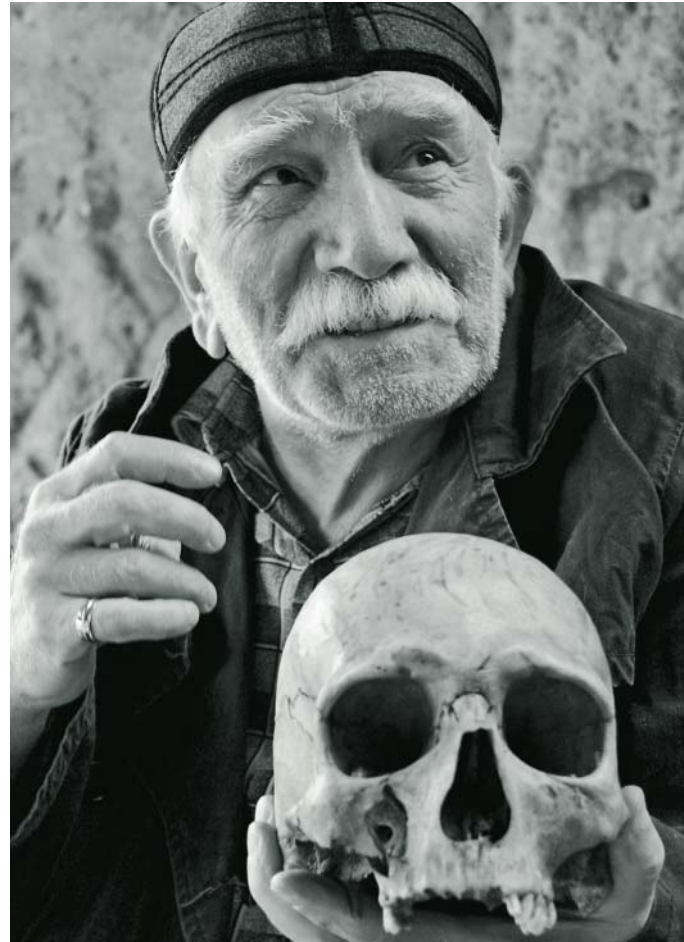
Мы стали близки ещё до моего переезда в Москву, и Армен Борисович видел, что я отношусь к нему искренне. Но сам он, конечно, не собирался менять свой образ жизни. Ни времени, ни желания у него на это не было. Работа. Театр, который только создавался. Обычно он мне звонил в Киев и спрашивал, не хочу ли я приехать. Я приезжала, мы куда-нибудь шли, смотрели какой-нибудь спектакль...

Затем я уезжала жить своей жизнью. Никто не знал про наши отношения, кроме, наверное, его сестры и нескольких близких армянских друзей. Потом он заболел. Это был первый инсульт. Он не смог даже присутствовать на открытии собственного театра, лежал дома, и за ним ухаживала сестра. Это был 2002 год, я ещё училась в консерватории. Он позвонил и попросил меня приехать, побыть с ним рядом. Я приехала... Меня удивило, что он позвонил мне, а не своей жене. Она жила в Америке, куда они вместе с Джигарханяном переехали в конце 90-х. Он, правда, всё время приезжал работать и проводил в Москве большую часть времени, а она за пятнадцать лет не приехала ни разу. Почему? Я не спрашивала. Мне казалось, что эти два человека давно живут каждый своей жизнью. Раз даже его болезнь не стала поводом что-то поменять.

Вскоре после этого инсульта мы расстались. По его инициативе. Он, наверно, побоялся, что наши отношения слишком далеко зашли и что он всё больше привыкает. Поэтому предупредил, что мы какое-то время общаться не будем. Я не помню, чтобы я сильно обиделась или принялась горевать. Я почему-то всегда была уверена, что мы друг от друга никуда не денемся. Я вообще не умею на него обижаться, считаю, что человек такого уровня имеет право делать то, что считает нужным. Тем более что жизнь потом много раз доказывала, что его решения, какими бы сумасбродными они ни казались со стороны, приводят к хорошему результату. Просто он видит на десять шагов дальше любого. С Джигарханяном

не нужно спорить – нужно подчиниться. И получится то, что надо!

За время нашего разрыва я съездила в Израиль на мастер-классы, позанималась с Николаем Петровым, поступила в аспирантуру и переехала в Москву. Начала преподавать в академии. Семья ректора, которая приютила меня в Москве, стала моим настоящим домом. Формально я числилась в общежитии, а на самом деле жила среди чудесных людей – друзей моих родителей, которые относились ко мне как к родному человеку. Армен же Борисович в этот момент поехал на очередные

гастроли в Киев. Он позвонил мне домой, трубку взяла мама и сообщила, что я теперь живу в Москве. Джигарханян был поражён. И очень заинтригован. Наши отношения возобновились. Он даже пригласил меня работать в свой театр, где в этот момент собирался ставить «Тысячу и одну ночь». Те, кто слышал радиоспектакль «Али-Баба и сорок разбойников», помнят, что там много музыки и песен, и на самом деле нужен был хороший музыкальный оформитель. А вот для меня это было не очень интересно – стать концертмейстером в драматическом театре. Я планировала для

себя другую музыкальную карьеру. Но согласилась. Во-первых, это приближало меня к человеку, которого я очень любила, а во-вторых, я была ему нужна! Мы стали работать вместе. Отношения скрывали. Открылись они только после второго инсульта. Я была в этот момент у него дома. Потом осталась с ним в больнице. Армен Борисович позвонил жене, сообщил о том, что случилось. Но она снова не выразила желаний приехать. Об этом даже и речи не было. Потом он ей ещё несколько раз звонил, рассказывал о своём состоянии. Было понятно, что оно очень, очень плохое... И ничего. Мне кажется, это был её собственный выбор.

Сам, и только сам

– Когда Армена Борисовича выписывали из клиники, врачи дали понять, что надо серьёзно следить за здоровьем, иначе дело закончится новым обострением. Так что последние несколько лет моя жизнь подчинена строгому распорядку – в определённое время дать таблетки, сделать уколы, измерить сахар. Плюс строгий режим питания, плюс не нервничать, не простужаться, не переутомляться. К сожалению, сам Армен Борисович не в состоянии за всем этим следить – сядет в зал во время репетиции и вообще обо всём забудет. К врачам, как всякий нормальный мужчина, терпеть не может ходить – надо сто раз напомнить, уговорить, настоять. Слава богу, хоть в этом он слушается! Так что своё физическое здоровье он вручил мне. Что касается всего остального, особенно работы, профессии, театра, он принимает решения сам, и только сам. Повлиять на него невозможно. Можно только приспособиться. Или подстраховать. Например, он не желает разбираться с тем, что такое шестой айфон, и вряд ли когда-либо его освоит, но всё, что касается театра и профессиональной деятельности, – здесь он всё знает, понимает и контролирует. Иногда его поступки или решения кажутся нелогичными или странными. Но он ведь и сам необычный человек и никогда не принимает решение потому, что «вступило» (или, говорят в народе, «взбрендило»). Все его действия продуманы и имеют объяснение. Считать их сумасбродными – огромная ошибка. Хотя именно так многие актёры в театре расценили его попытку после возвращения из больницы навести порядок в театре. Многие даже считали, что это я им так мщу за что-то там или веду себя как хозяйка. Господи, да если бы я только на одну секунду возомнила себя хозяйкой в театре у Джигарханяна! Да меня бы в нём не стало через пять минут! В его театре один хозяин – он сам. И я считаю, что он заслужил это право и пользуется им заслуженно. Вышло, что труппа театра разрослась так сильно, что огромное количество актёров просто получали зарплату и не были заняты ни в одном спектакле. Это было та-

кое разложение. Но как только Армен Борисович попытался кого-то уволить – начался скандал. Самые отъявленные подключили жёлтую прессу и перевели стрелки на меня. Я их понимаю! Жить с клеймом актёра, которого Джигарханян выгнал из театра, никому не хочется. Поэтому пытались всё списать на то, что главный режиссёр попал под влияние какой-то провинциальной дуры. В Интернете всё время появлялись какие-то непристойности про нас с Арменом Борисовичем, но он этого не читал. Я тоже старалась не читать. Врач мне объяснил, что кризис у него произошёл оттого, что человек много лет за собой не следил. Поэтому всё и накапливалось. Передо мной была задача – восстановить здоровье Армена Борисовича. И я этим занималась, решив, что обо всём остальном подумаю потом. И в театре как-то свыклись с моим положением, тем более я в самом деле занималась либо своими проектами, либо непосредственными обязанностями.

У Армена Борисовича есть особенность – он очень долго думает, прежде чем принять какое-то решение. Зато потом требует, чтобы оно было быстро осуществлено. Однажды к нему по какому-то делу пришёл адвокат. Они вначале обсуждали театральные дела, потом адвокат спросил, может ли он быть чем-то лично полезен. «Да, – вдруг сказал Джигарханян, – помогите мне развестись». Так я узнала, что он, оказывается, думал над этим вопросом. А потом мы поехали на премьеру Гергиева, зимой. Жили в Питере в гостинице. И вдруг посреди ночи он меня разбудил и говорит: «Нам надо узаконить наши отношения. Ты не против?» Я ответила, что я не против и предлагаю это сделать через два месяца и три дня – нашим отношениям как раз исполнится пятнадцать лет. Круглая дата.

Я думаю, больше всех была счастлива моя мама – она так за меня переживала все эти годы, так хотела, чтобы всё стабилизировалось. Кстати, она меня всегда понимала, от неё я ни разу не слышала рассуждений про разницу в возрасте, про то, что я совершаю ошибку, ломаю себе жизнь. Она сшила мне очень красивое платье на свадьбу. В деловом стиле, но светлое и очень элегантно. Перед самой датой Армен Борисович простудился, его положили в больницу, поэтому я не была уверена, что всё состоится. Но он честно признался врачам: ребята, мне надо в загс! И его отпустили, хотя он, конечно, не долечился. Потом нас расписали, и мы вернулись в театр на репетицию.

Недавно я стала директором театра Джигарханяна. Не могу сказать, что это было мечтой моей жизни. Я бы всё-таки предпочла развиваться в сторону музыки. Но, если честно, в тот момент просто некого было предложить департаменту культуры, а вопрос надо было решать быстро.

Я взяла на приём к министру своё резюме, и меня быстро утвердили. Пришлось осваивать новую профессию, и я очень горжусь, что мне удалось наладить работу и разобраться в вопросах, в которых я ещё совсем недавно ничего не понимала.

Какой Армен Борисович в быту? Если честно, то мы вообще-то очень редко бываем дома, основную часть времени проводим в театре. К еде он равнодушен, любит (хотя ему нельзя!) жареную картошку или что-нибудь очень простое. Комфорт требуется минимальный – свежий воздух, удобная постель, кресло и телевизор. В телевизоре должны быть спортивные программы и передачи про путешествия. Когда мы едем в отпуск, он через неделю уже начинает рваться в Москву. Останавливает только то, что в театре всё равно никого нет и, даже если мы вернёмся, будем бродить там одни.

Что самое сложное? Предвидеть то, что Армен Борисович хотел бы в результате. Он иногда и сам не может это выразить – например, концепция спектакля складывается на уровне ощущений. Если же он выразился ясно, надо сделать именно то, что он сказал, что бы вы по этому поводу ни думали. Сделать и убедиться – он был прав! ☺

Армен Джигарханян:

«У нас есть общее качество, у людей моего поколения, – мы стыдимся показывать, что мы счастливы. Многие считают, что страдания украшают, а показывать, что ты счастлив, – некрасиво и глупо».

«Что такое любовь? Для меня, наверное, это точка опоры. Вокруг рушится мир, а у тебя есть внутреннее ощущение, что всё нормально. Там плохо и здесь плохо, а внутри тебя какое-то равновесие. И ты всегда можешь быть уверен, что есть место, куда можно вернуться, есть самое важное, по сравнению с которым вся беготня и суетня – ерунда. Любовь – это когда есть на что опереться. Место, с которого можно посмотреть свысока на мир».

ИНТЕРФЕРОН
АЦИКЛОВИР

**ДВОЙНОЙ УДАР
ПО ГЕРПЕСУ!**

ГЕРПФЕРОН®

МАЗЬ ДЛЯ МЕСТНОГО И НАРУЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

- Лечение первичных и рецидивирующих герпетических поражений кожи и слизистых оболочек
- Лечение генитального герпеса
- Лечение опоясывающего лишая
- Содержит лидокаин для снижения болевых ощущений

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕДУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

АЗАРТ

*Краткое содержание предыдущих глав:
то, о чём так долго мечтали новообращённые
моряки, вряд ли теперь состоится. Под покровом
ночи злоумышленники выкрали сердце корабля –
машину, приводящую его в движение...*

МАКСИМ КАНТОР

Глава пятнадцатая КОНЦЕРТ

Многое я хотел сказать Августу, о многом хотел спросить его, но, когда оказался рядом с капитаном на палубе, не нашёл нужных слов.

Капитан стоял подле меня, дышал тяжело, и пот стекал вдоль его костлявого лица. Немцы возились с реями грот-мачты, подвязывали скатанный грот-марсель; парус сыскался всё в той же бездонной кладовке, где лежали гнилые верёвки, – наверняка парус такой же ветхий, как и всё прочее на судне. Немецкие рыбаки крепили парус, Август следил за работой со странным выражением лица – капитан выглядел отнюдь не гордым, но (точнее определения не подберу) обречённым. Свою бескозырку Август держал в руке, ленты устало свисали вниз.

Я заглянул ему в лицо, тронул капитана за рукав.

– Тебе очень больно?

Хотел спросить про корабль – ведь, помимо прочего, это ещё и имущество, которое растащили: неужели не больно? Хотел спросить про жену – не слепой же он, в самом деле? Человек терял на наших глазах всё дорогое, что имел и любил, – ведь любопытно же, что человек чувствует? Хотел спросить у капитана про страх перед будущим, про его утопию, разрушенную у нас на глазах, про мины в трюме корабля «Азарт». Но спросил только:

В ФОРМИРОВАНИИ ИСПОЛЗОВАНА КАРТИНА
МАКСИМА КАНТОРА «ЧЕЛОВЕК И МОРЕ»

– Тебе очень больно?

Капитан ответил не сразу, долго думал.

– Нет, – ответил Август, подумав. Потом добавил: – Иногда мне кажется, что меня нет. И, значит, нет того места, которое болит.

– Ты существуешь, – уверил я капитана. – Ты живой, стоишь рядом со мной.

– Конечно, – живо согласился он, – я стою на палубе корабля. Вижу порт. Вижу тебя. Мы можем потрогать друг друга. Но этого недостаточно. Ты будешь присутствовать в мире только когда в мире растворись.

– Мы все когда-нибудь растворимся в природе, – сказал я; мы обычно говорим банальности, когда сказать нечего.

– Верно, – он опять согласился. – Времени осталось мало.

– Не будем торопиться, – весело сказал я. – Не получилось с кораблём, получится с самолётом. А ещё можно на воздушном шаре полететь.

– Всё получится, – сказал капитан Август. – И на воздушном шаре кто-то полетит, не сомневайся. Каждый поступает по своему разумению и вере.

Шум на пристани прервал наш разговор.

Они всё-таки поставили спектакль, современную версию «Дон Кихота Ламанчского», – и главную роль играл поэт, бурный лирик Деян Цветкович.

Зачем Цветкович пожелал предстать перед публикой Дон Кихотом – объяснить непросто. Поэт не был похож на Рыцаря Печального Образа. Пишу эти строки, а перед глазами стоит жирная физиономия поэта со вздёрнутыми усиками, тремя подбородками и консервной банкой на темени. Поэт натянул на себя картонные латы и на голову водрузил жестяную банку. Шлемом служил не тазик для бритвы, как то описано в оригинале Сервантеса, – тазиков у цирюльников нынче нет – но крупная консервная банка. Банку поэт подвязал алой лентой под всеми своими подбородками. Этикетка банки была столь яркой, что читалась издали – Йохан немедленно опознал в этой банке свои запасы, раскраденные на корабле.

– Так вот же он, мой копчёный лосось! – запричитал Йохан. – А я ищу, с ног сбился! Отличная была банка, и рыба качественная. Вот прохвост! Держи Дон Кихота!

Но обиженный крик музыканта потонул в восторженном рёве толпы.

Новоявленный Дон Кихот вышел на середину помоста и поднял жирную длань с копьём (копьём служила швабра с корабля – оказывается, и швабру тоже украли), призывая народ к молчанию.

Погоду словно специально заказали для представления. Стояла удушающая жара, как в Севилье, именно по такому пеклу и скитался Рыцарь Печального Образа. Сырое, хмурое небо Амстердама точно прогладили утюгом – оно стало гладким, волглым и бесцветным. Над амстердамским портом повисло мутное марево – говорят, в южных странах именно так и бывает, но в северных широтах это было необычно. Ни дуновения, ни тучки на горизонте – страннейшая душная испанская погода.

– Истинно говорю тебе, друг Санчо, – возгласил рыцарь Цветкович, обращаясь к лысому актёру (актёр стоял перед рыцарем в согбенной позе слуги), – истинно говорю тебе, что я тот, кто рождён в наш железный век, чтобы сделать его золотым!

То была моя любимая фраза из книги Сервантеса – ещё с детства. Отец читал «Дон Кихота» вслух, и фраза эта в отцовских устах звучала пророческой, звала на подвиг. В тексте Сервантеса говорится о том, что рыцарь продолжит славные деяния героев древности – всякий человек, по мысли Сервантеса, может, если сам того захочет, избрать для себя путь пророка и героя – надо лишь открыть сердце состраданию и мужеству; никто не может запретить нам стать тем, кем мы желаем стать. Жирный лирик Цветкович так именно и сказал:

– Ещё раз повторяю: я тот, кто призван воскресить Рыцарей Круглого стола и Двенадцать Пэров Франции! Ибо в том веке, в каком суждено жить мне, я совершу столь великие и необыкновенные подвиги, перед коими померкнет всё самое блистательное, что было совершено ими!

Когда я слушал эти слова из уст отца, моё сердце трепетало. Сегодня я понял, в чём дело, почему всякий отец должен прочесть своему сыну «Дон Кихота». Фактически Сервантес вложил в уста Дон Кихота доктрину Нового Завета. То были слова Спасителя, берущего на себя миссию исполнить на деле указания своего Отца и Его пророков. Христос говорит, что решил следовать воле Творца Небесного буквально, а не формально. То были слова Христа, переименованные Сервантесом на манер рыцарских романов, переведённые в стилистику куртуазной поэзии.

В исполнении Цветковича данная фраза показалась пародией, а кривлянье на помосте – кощунственным.

– Я совершу великие подвиги и освобожу страждущих! – сказав это, Цветкович зачем-то хихикнул.

Рыцарь Печального Образа, как известно, был аскетичен и суров. Сервантес начисто лишил Дон Кихота чувства юмора (замечу, кстати, что в Писании тоже мало смешного). В отличие от идадьго Алонсо Кехано, поэт Цветкович имел привычку причмокивать и хихикать, даже эти страстные слова о своей освободительной миссии поэт произнёс игриво, словно зазывал барышню на ужин. Жирный лирик катился вперевалку по сцене, брюхо его колыхалось, полные щёки тряслись – и лирик, хихикая, сообщал, что он готов принести жертву ради обездоленных. Слушать Цветковича было смешно, но, странное дело, море голов на пристани (а люди всё прибывали и прибывали) колыхалось в такт словам поэта, дышало страстью и верой. Людям нужен пророк, пусть даже и такой жирный. Лютер тоже, как говорят, был особой упитанной, что не мешало ему призывать к воздержанию, и весьма успешно.

– Молю тебя, о мой господин, – завывал актёр, – подари нам надежду! Дай свободу малым сим!

Мне показался примечательным костюм актёра – для оруженосца рыцаря он был одет слишком современно. Лысый актёр был облачён в камуфляжный, в бурых и зелёных пятнах военный китель с такими же пятнистыми штанами. Впрочем, подумал я, разве это первый случай осовременивания сюжета? Оруженосец в камуфляже – в сущности, естественно.

Зрители вылезали из всех портовых щелей, толпа ширилась, расплзалась. Уже и соседние причалы были полны народа. Сперва больше было белых лиц, но постепенно толпа потемнела и пожелтела: прибыло ямайцев, филиппинцев, африканцев, арабов, индусов. То были эмигранты, в большинстве своём – нелегалы, бродяги без документов, что пробираются в Европу на товарняках и в корабельных трюмах, прячутся по пакгаузам, живут при складах. Падкие до бесплатных зрелищ, особенно до эстрадных номеров, обездоленные люди слушали внимательно. Текст Сервантеса, как оказалось, не устарел. Слова о сострадании и защите угнетённых, будьте уверены, отыщут преданных слушателей всегда, куда есть побирушки в портах.

– Я дам им свободу! – Цветкович потряс щеками, животом и шваброй.

Море голов колыхалось, и движение толпы было тем заметнее, что настоящее море у причала словно окаменело: ни ветерка, ни волны, ни даже лёгкой ряби на поверхности воды – море стояло неподвижное, как кусок зелёного малахита.

А люди прибывали и шумели.

– И ты покараешь несправедливость, о рыцарь? – вопил актёр и тянул руки к жирному поэту.

– Я строго взыщу с тиранов! – заявил Цветкович и хихикнул.

– Никто не имеет права отбирать у людей хлеб! – воскликнул Санчо Панса с гневом; это было вовсе не по тексту, ибо в испанском романе Санчо выведен рассудительным и трусоватым. Однако реплика лысого актёра в амстердамском порту имела успех.

– Точно! Каждому надо дать хлеб! – кричали в толпе. – А жирные коты пусть делятся!

– Как же! Держи карман шире! – с хитрецей сказал Санчо Панса, адресуясь прямо к зрителям. – Так они с тобой и поделятся. Отобрать надо!

- Ага, отберёшь у них. Полиция на каждом шагу.
- Мой господин поможет! Ты сможешь нам, рыцарь?
- Я справлюсь с великанами и драконами, – заявил поэт Цветкович и хихикнул.
- А с полицией? – спросили из толпы.

Где-то там, среди пёстрых голов в тюбанах, кепках и банданах, в портовой толпе сновал брат Якова, пронырливый Янус. Мне даже показалось, что я разглядел его, а потом Янус исчез. Вот опять вынырнул из толпы – и опять скрылся. Зачем он там? Вербует пиратскую команду?

- Мой господин и с полицией справится! – уверил зрителей верный оруженосец. – Помнишь, рыцарь, как ты освободил каторжников в Сьерра-Морено?

- Освободил каторжников? – Толпа беспризорных обитателей Европы загудела. – Каторжников освободил?

- Рыцарь отбил заключённых у полиции и дал им волю! Увидел заключённых, обнажил меч и всех стражников разогнал! Все равны под солнцем! – орал лысый актёр.

- Всем поровну! – неожиданно завопил третий участник спектакля.

На сцене помимо поэта Цветковича (новоявленного Дон Кихота) и лысого актёра (нового Санчо Пансы) находился коварный Яков – этот последний никакой очевидной роли в спектакле не играл, однако одет был театрально: задрапирован в ярко-красный балахон, словно жрец какого-то языческого культа. Яков временами поднимал руки, как если бы дирижировал оркестром. Жрецы и диктаторы (если верить описаниям антропологов и свидетельствам граждан тоталитарных государств) именно так и жестикулируют. Яков посылал сигналы Янусу – может быть, он и его брат Янус исполняли некий обряд. Я старался следить за жестами, но ничего не понимал. Янус порой высовывал из толпы своё унылое лицо, подмигивал, махал руками в ответ. Они нечто готовили, несомненно.

И вот жрец отверз уста и возопил:

- Всем поровну!

И толпа портовых лишенцев словно с цепи сорвалась, точь-в-точь как те каторжники в Сьерра-Морено, которым Дон Кихот помог освободиться и разбил цепи. Я помнил, что там дело кончилось плохо.

- У-у-у! Поровну! – орала цветная толпа.

Мне стало страшно. Я старался не показывать виду – всё-таки и жена, и сын рядом, им нужен твёрдый мужчина. Сегодня, спустя годы, я не стыжусь сознаться: я боюсь толпы. Толпа – такая же дикая стихия, как море, странно толпу не бояться. Но вот стихия моря в тот час замерла, море застыло. А толпа бесновалась.

Хорхе, что стоял бок о бок со мной, сунул мне в руку тяжёлый предмет: гладкое холодное железо, деревянная рукоять. Машинально я сжал рукоять – потом понял, что держу гарпун.

- Зачем? – прошептал я.

- Ружей у нас нет.

- Какие ружья? Всё-таки не война, – неуверенно сказал я.

- Ты разве не слышишь, что они говорят? – спросил Хорхе. Он тоже держал гарпун – я успел подумать о том, что помимо снарядов в крюйт-камере хранились и гарпуны. Однако думать о крюйт-камере было некогда.

- Поля готовы к жатве! Серпы наточены! – кричал лысый Санчо Панса.

Это было явное отступление от текста. Санчо у Сервантеса миролюбив, а этот тип заговорил агрессивно и с эдаким юродивым подвыванием. В сочетании с хихиканьем Дон Кихота портовый спектакль предстал сценой из дурдома. Жирный человек с консервной банкой на голове постоянно хихикал, а лысый, одетый в камуфляжную форму, выл и лял.

- Поля готовы к жатве, рыцарь! И освобождённые каторжники ждут тебя! Идите, люди! Напоите поля кровью!

И лысый актёр завыл, точно волк. А толпа подвывала.

Цветкович-Ламанчский растерялся не менее, чем я. Жирный поэт не ожидал такого поворота сюжета – у них там, думаю, был написан некий сценарий, который Яков с Адрианом начисто переписали.

– Я встречусь с великанами, – своим петушиным тенорком заявил поэт, – и брошу вызов злым волшебникам! Сражусь с Мерлином и с великаном, который превратился в ветряную мельницу! Да, я это сделаю! – добавил поэт и опять хихикнул.

Но толпе зрителей было уже не до ветряных мельниц.

– К чёрту великанов! К чёрту мельницы! Даёшь хлеб! – орал лысый актёр.

– Хлеба! – кричали безработные.

– Вина давай! – крикнул кто-то более требовательный.

– Нищие сказал, что без войны жизни нет! Даёшь войну! – голосил лысый актёр. – На войне дадут вдоволь вина!

– Войну! – кричали побирушки.

– Бессмысленно поколение, не видевшее войны! – выл лысый актёр.

Если отнестись к этим словам трезво, то в них не содержится глубокой мысли; напротив, призывать к войне непонятно за что – это крайне глупо. Однако толпа восприняла призыв с ликованием.

– Даёшь войну! – крикнул портовый бродяга со смятым, словно заспанным лицом, воздвигнувшись над прочими зрителями. Я догадался, что бродягу держат на руках, чтобы он был заметнее.

– Передышка окончена! – надсаживался лысый актёр. – Слишком долго нами командовали!

– Дави их! – орал человек со смятым лицом.

– А те, кто остался в стороне от войны, – они обречены! Этих трусов ветер истории сметёт, точно гнилые осенние листья! – Актёр зашёлся в зловещем хохоте. Как этот волчий лай был не похож на хихиканье жирного поэта!

Думаю, в тот момент Цветкович догадался, что сценарий переписан. От игривого представления с Дон Кихотом не осталось и следа. Очевидно, авторы нового сценария переосмыслили образ Санчо Пансы, бывшего, как известно, пацифистом. Актёр вошёл в раж, пританцовывал. Всё-таки не зря он провёл годы на сцене. Он вкладывал в свои слова столько страсти, что толпа пришла в воинственное бешенство буквально за несколько минут.

– А вы знаете, что наши братья, беженцы из Сербии, плывут сегодня к берегам Голландии? – выл актёр. – Знаете, что на борту дети и женщины? Что они голодают? Рыцарь, спаси нас!

Дон Кихот Ламанчский, он же Деян Цветкович, и сам был сербом, и призыв спасти сербских беженцев не мог не найти в нём поддержки, однако поэт был не готов к такому напору.

– Друг мой Санчо, – поэт Цветкович всё ещё пытался вернуть сценарий в сказочное, театральное русло, – друг мой Санчо, корабль с беглецами заколдован злым волшебником Пикофрибасом! Ха-ха! Я разрушу чары и приведу корабль в гавань!

– Надеемся на тебя, о рыцарь, – выл камуфляжный Санчо Панса. – Нам нужна великая битва, чтобы наказать угнетателей бедных людей!

– Так соберём средства для помощи тем, кто находится во власти злых чар, – Цветкович захихикал. – Пусть каждый внесёт посильную лепту...

– Нам нужен корабль, рыцарь, – заявил Санчо, – чтобы выйти навстречу беглецам! Нам нужен прочный корабль, чтобы спасти сирот и вдов! И вот я вижу большой корабль! – Лысый актёр указал на «Азарт».

– Даёшь корабль! – закричали из толпы – то был голос Януса.

– А на этом корабле есть портвейн! – закричал Яков и взмахнул красными рукавами. – Много бочек портвейна!

– Идём и заберём у них корабль! – крикнул лысый актёр.

– Заберём! – крикнул Яков.

– Заберём! – отозвался Янус из толпы, и те побирушки, которых он уже успел обработать, заорали истошно:

– Даёшь корабль! Даёшь портвейн!

– А кто трусит, пусть идёт вон! – выл лысый актёр. – Проваливай, трус! Кто трусит, тот не мужик!

– Кто тут трус? – залихватски гаркнул плюгавый Яков. – Может, ты, рыцарь?

– Я не трус, – робко сказал Цветкович-Ламанчский.

– Тогда на корабль, рыцарь! Веди нас!

– Вперёд, – сказал Дон Кихот, – вперёд, граждане!

Миром правят даже не деньги. И даже не идея неравенства. Это тоже правит, но не это главное.

Чем дольше живу, тем виднее: миром правит трусость.

Боятся все. Боятся всё время.

Некоторые называют свой страх лояльностью, осторожностью, взвешенным поведением. Но это обычный страх.

Боятся отбиться от стада, нарушить конвенцию кружка, сказать поперёк групповой морали. А что это за групповая мораль – государства, церкви, колледжа, борделя, ОПГ, редакции, кухни и т.п. – значения не имеет. Самая сильная скрепа – аморальная мораль толпы; её боятся нарушить все.

И пока миром правит трусость, с миром можно делать что угодно.

– Бей! – гаркнул Яков.

Толпа, нехотя, едва перебирая ножками, тряся головками, пришла в движение.

– Приготовься, – сказал Хорхе. – Сейчас.

Стояли на палубе и ждали толпу. Стоглавая вошь, перебирая ножками, ползла к кораблю. Вошь была потная и терпко пахла. Запах толпы повис в мутном мареве порта.

– Когда будут на сходнях, бросай гарпун, – сказал мне Хорхе.

Хорхе поднял свой гарпун. Он действительно был готов убивать. Поднял гарпун и я.

Краем глаза я видел немцев. Штефан не шевелился, не произнёс ни одного слова; огромные руки со вздувшимися жилами лежали на фальшборте. Глаз его я не видел, немецкий рыбак прикрыл веки.

– Мы не можем драться! – крикнула Присцилла. – Здесь дети!

Почему она про детей вспомнила, не ведаю. Своих детей у неё не было.

– Уведите детей, – сказал я жене и Саше. Саша не отходила от оксфордского профессора и на своих дочерей даже не смотрела.

– Не можем драться, – рассудительно утвердил оксфордский профессор Адриан, – нас растопчут. Погибнут все – не только дети. Предлагаю покинуть судно. Пусть забирают. Жизнь дороже.

Я хотел рассказать о заговоре, о том, что они все заодно, что их цель – «Азарт». Всё это – спектакль! Но времени на рассказ не было.

Толпа катилась к сходням.

Мы все ждали слова Августа.

– Поднять паруса, – сказал Август.

Я подумал, что капитан спятил.

– Выходим в море. У причала оставаться нельзя. Идёт смерч.

И мы увидели два чёрных столба на горизонте.

И ветер пришёл в гавань. ☉

Продолжение романа читайте в следующем номере

5

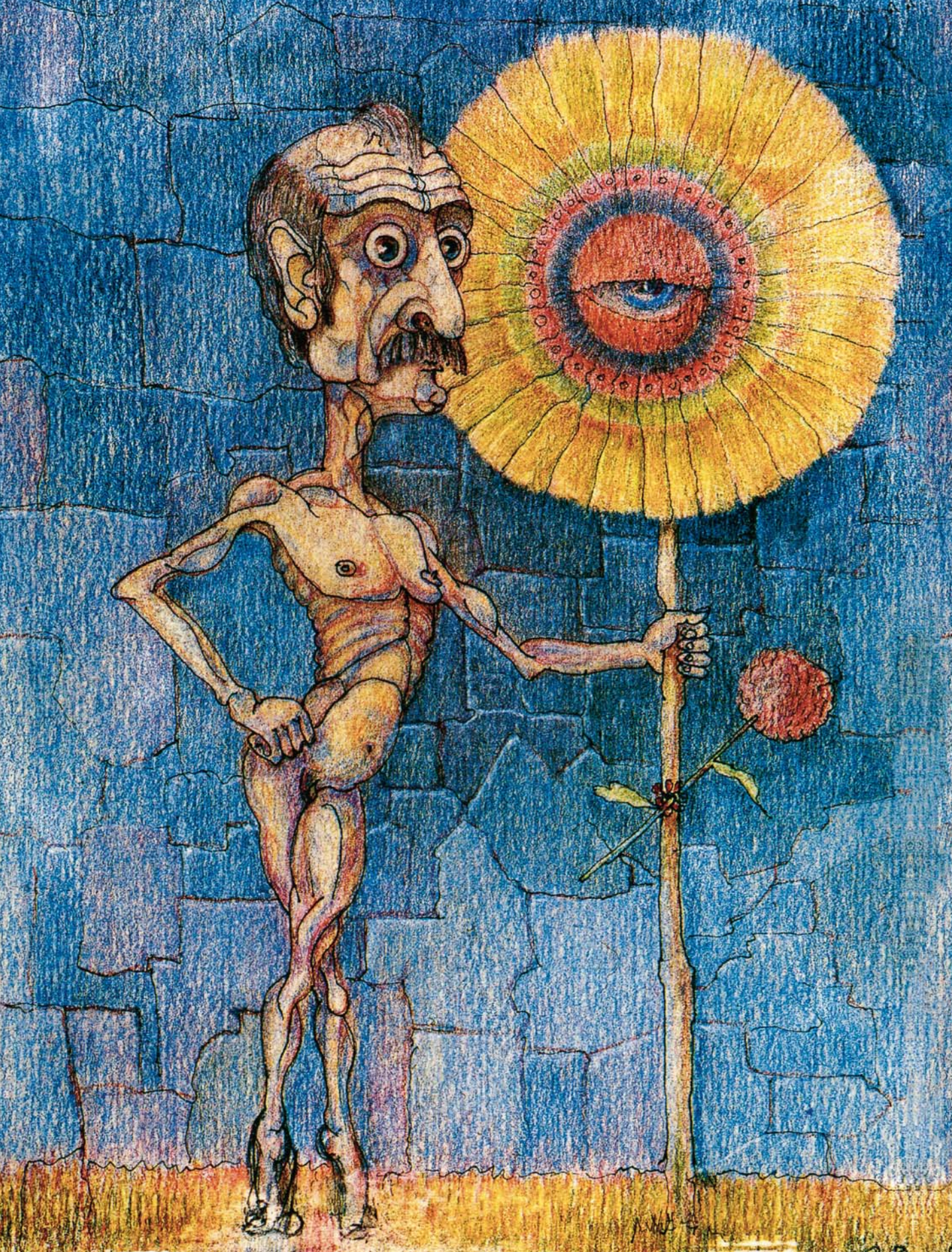
ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой легендарная модель Верушка
превращается в тигра, ящерицу
и лохматую собаку **с.122***

.....
*а философ и борец за справедливость
Вольтер – в хозяина постоянного
двора Европы **с.140***

Ни разу не художник

*Так говорит Георгий Данелия. Художником себя он не считает.
«Я ни разу не художник! Я – режиссёр»*

ТАТЬЯНА ИЛЬИНА

До десятого класса Данелия вообще не рисовал. В МАРХИ (архитектурный институт) попал за компанию. Женя Матвеев, приятель, позвал. А почему бы и нет? Поступил.

Рисовал неохотно. Вымученный, выстрадавший карандашный череп долго висел в коридоре института – как образец плохого рисунка. Гипсы – мука! Как-то на пятом курсе вдруг решил начать рисовать «не так, как надо». Всё равно ведь ничего не получается. А так хотя бы не скучно! На вечерних занятиях по рисунку нарисовал натурщика грубо, смело, резкой толстой линией, отчаянно. Как хотелось. Как виделось. Громкий голос преподавателя Баранова за спиной:

– Данелия, это твой рисунок?
– Мой.
– Что же ты шесть лет скрывал, что рисовать умеешь?

Он и сам не знал, что умеет. Осмелел... Начал много рисовать. По-другому, по-своему. Как видел. Как чувствовал. Пейзажи, наброски, жанровые сценки.

На Высшие режиссёрские курсы при «Мосфильме» в 1956 году пришёл поступать с раскадровкой к рассказу Чехова «Хамелеон». Взяли. Режиссёр уже светился сквозь рисунки.

► Два автопортрета выдающегося не художника Георгия Данелии

Лёгкая, воздушная графика. Характерные, точно схваченные позы персонажей. Сразу удобно вложенные в видеоискатель камеры композиции. Легко читаемая логика развития действия. Всё уже на своих местах. Остаётся только снять кино.

Сначала он рисовал последовательно кадры едва ли не к каждому своему фильму. Всё хотелось решить самому – и крупность плана, и свет, и выражение лиц героев, и композицию сцены. Фильм «Серёжа» от первого до последнего кадра снят по авторской раскадровке. Потом перестал кадровать. Со временем, с опытом, заранее спланированная съёмка стала невозможна. Раскадровка мешала. Тормозила работу. Перерос. Перешагнул. На первый план вышли Импровизация, Интуиция, Абсолютный слух.

Жизнь течёт, меняется каждую минуту. Как уловить её основную мелодию? Утром она одна, вечером другая... Сцены переснимались по несколько раз. Иногда десятки дублей...

ЧЕЛО-ВЕК

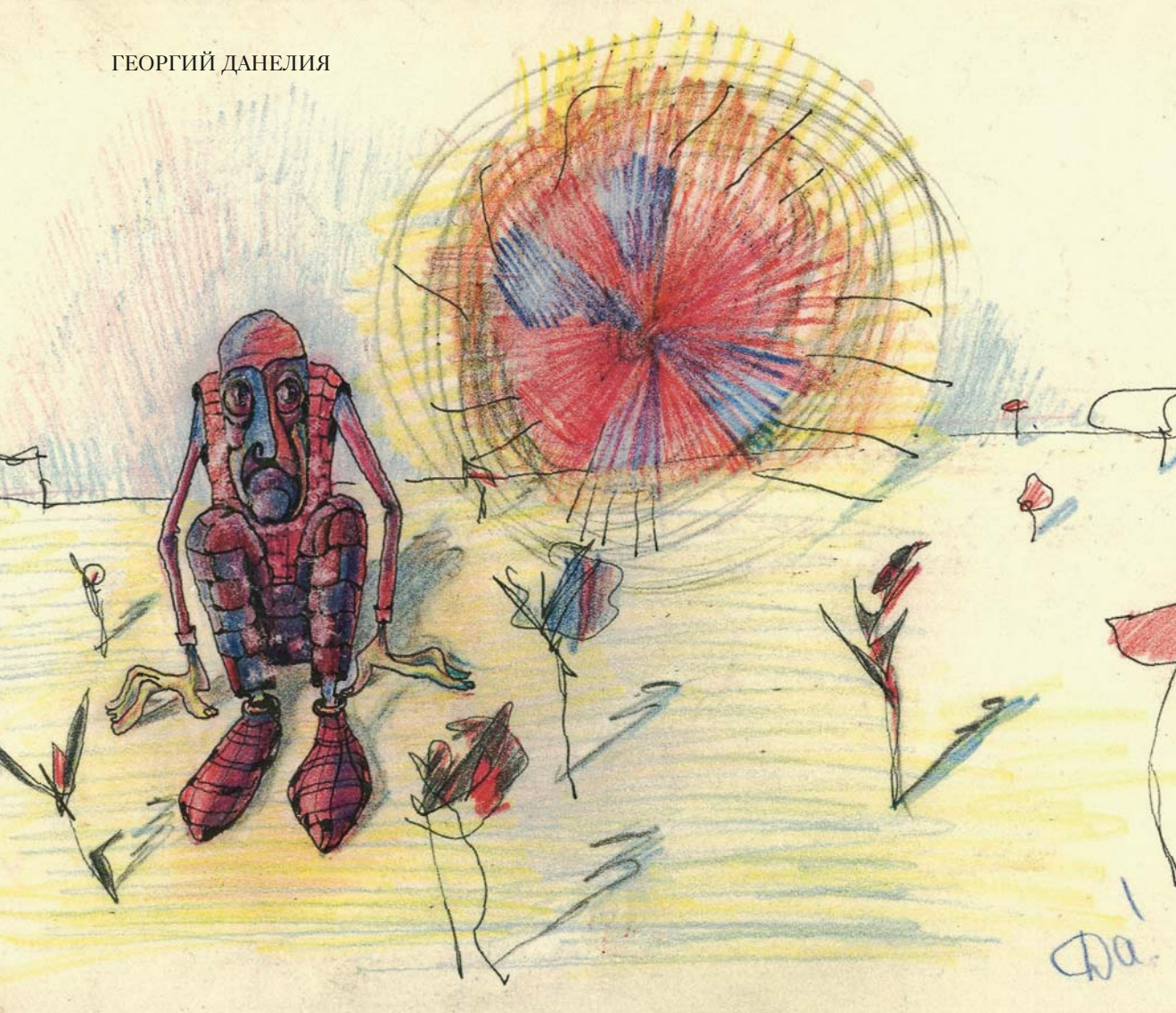
Он не изображает машины, механизмы, индустриальные пейзажи.

Извне на сетчатку ложится узнаваемое – лица, лица, лица.

Он вглядывается себя в лицо, в чело. В чело-века.

Человек у него универсальная сущность, для которой форма

тела не так уж и важна. Она настолько разнообразна в череде зарисовок и эскизов, этюдов и набросков, что ощущается подвижной, текучей, изменчивой.

Человек у него то округл, то угловат, то реалистичен, то почти абстрактен. То очерчен резким, отчётливым контуром, то размыт и мягко оглажен пастелью или цветным карандашом. Он словно предлагает нам увидеть за этой изменчивостью то, что неизменно в каждом из нас. Неизобразимо. Некое незримое присутствие. Но можно ли всерьёз говорить о человеке без этой мистичности, без отсылки к скрытому от телесных очей?

Он любит гротеск – преувеличение, выделяет существенное, сразу придаёт облику характер-

ность. Есть автопортреты. Себя изображает с глубокой иронией, легко, без всякого желания понравиться. Скорее – заставить улыбнуться. Любит и тонкий лиризм, приглушённость цвета, ненавязчивость линии, мягкость пятна.

В его графике легко усмотреть влияние мастеров двадцатого века – Кукрыниксов, Пикассо, Бидструпа и других. Его образы легко впитывают в себя культурные веяния времени, бережно объёмлют их собой.

И всё это – такое привычное нам наружное обличье, внешняя плёнка социальности, лики социума, доступные глазу.

Любимые художники?

– Сойфертис. Хитрук. Миядзаки. Феллини. Гуэрра.

▶ «Оптимист»

▶ **Справа:** «Фитюлька». Эскизы к фильму «Кин-Дза-Дза!»

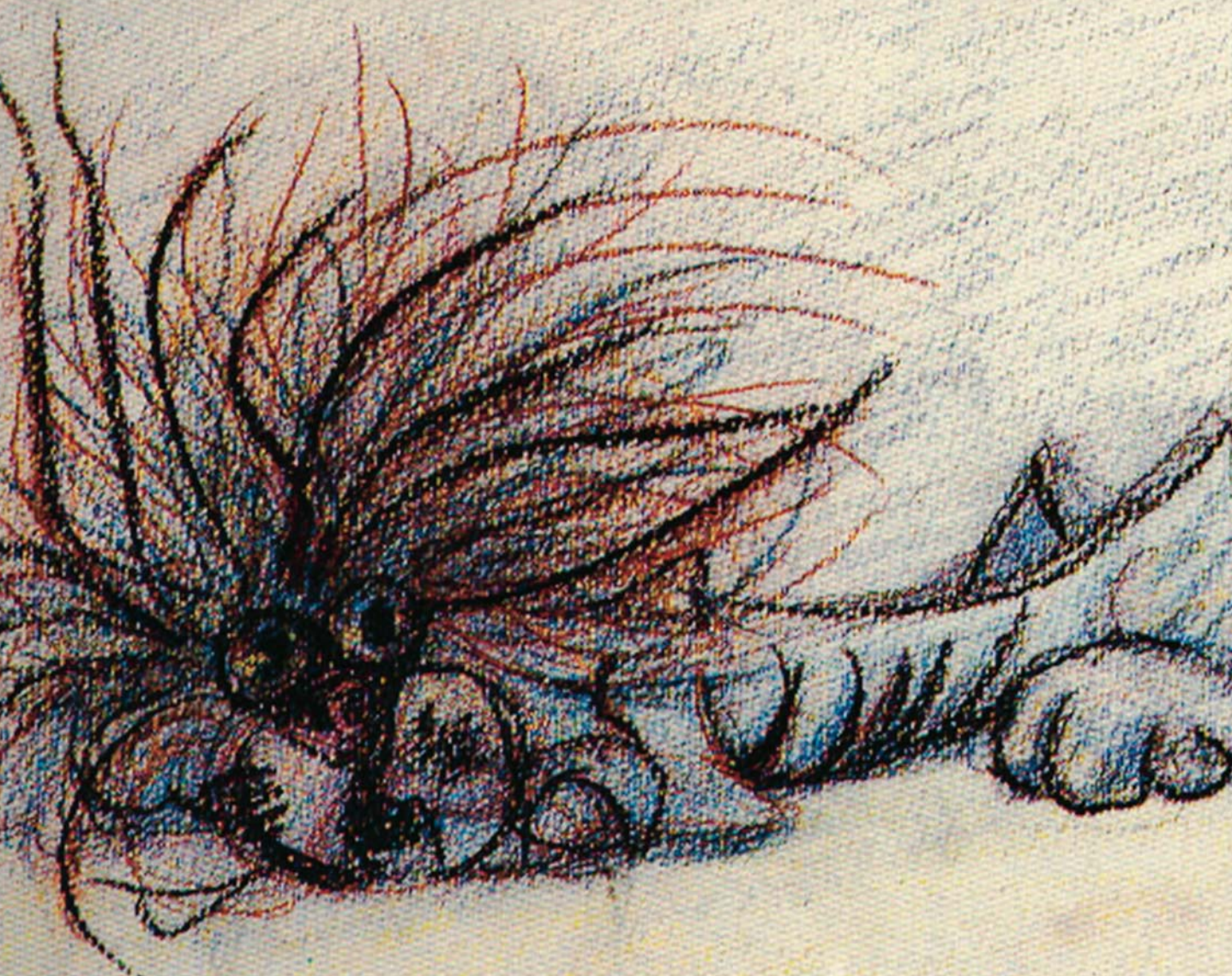
СТАНОК

С детства Гия очень любил Диснея. Потом откровение – Хитрук Фёдор Савельевич, режиссёр анимации («Фильм, фильм, фильм», «Остров», «Каникулы Бонифация», «Винни-Пух» и другое). Позже – Миядзаки. Но только по стилистике.

Фантастика для Данелии – это определённый угол зрения на реальный мир. Не миф. Не сказка. Просто небольшое преломление освещения окружающей жизни.

Первоначальные эскизы к фильму «Кин-Дза-Дза!» пред-

полагали мультипликацию. Выводя в эскизах череду странных существ, населяющих планету Плюк, режиссёр подводит зрителя к ощущению универсальности носителей живого сознания. Это как захватывающее и нежное объятие всего живого. Всего, что существует. Всего, что может быть, двигаться, дышать в иных, неведомых мирах. Но в середине 80-х, когда с Резо Габриадзе был написан сценарий, это сделать оказалось неподъемно. Была снята игровая картина, известная во всём мире. А мечта осталась.

Много лет спустя Данелия возвращается к своему сценарию и реализует его так, как когда-то задумывал – в виде полнометражного анимацион-

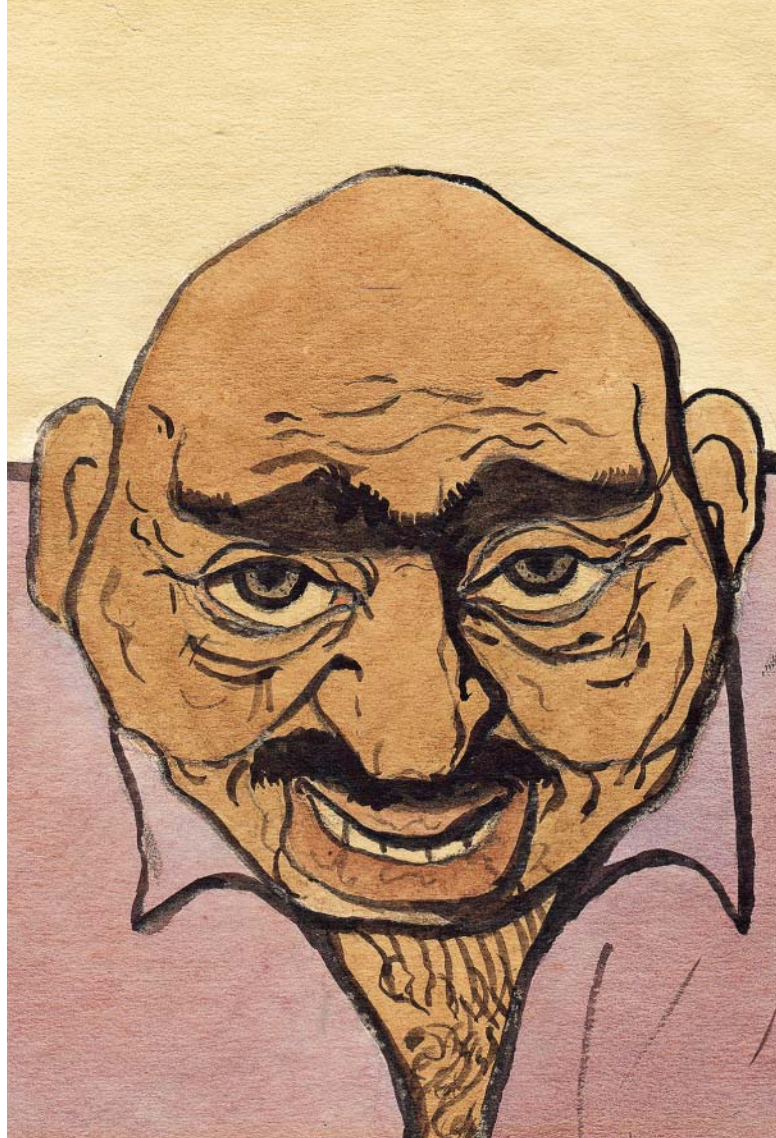
ного фильма «Ку! Кин-Дза-Дза» (2013). Вот когда и старые эскизы, давшие жизнь необычным персонажам, ох как пригодились!

Так получилось, что тогда я была чуть ли не единственным режиссёром в России, снявшим полнометражный анимационный фильм по своему сценарию. Наверное, поэтому моя встреча с Данелией была неизбежной. Сначала, в 2006 году, меня пригласили поработать над адаптацией сценария к полнометражному анимационному фильму «Ку! Кин-Дза-Дза». А потом – посидели на кухне месяца два, поспорили, повздорили и... подружились.

Имея тогда за плечами более 25 мультфильмов и столько же

лет работы в качестве художника-постановщика, сценариста и режиссёра анимации, я была приглашена Георгием Николаевичем на фильм как сорежиссёр. И – понеслось!

Георгий Николаевич – фанат хорошего рисунка и графики. Требования его к художнику своеобразны и высоки. Очень долго и мучительно искали художников на картину. Тонкая грань, отделяющая реальность от мифа, грустное от смешного, – где она? Как её почувствовать? В итоге он нашёл великолепного персонажника, графика, мастера линейного рисунка Александра Храмова, и больше уж никто к персонажам не прикасался. А в Питере открыли Алексея

Андреева. Создателя странных графических миров. Сочетающего несочетаемое. И тандем сложился. Фильм начался.

Георгию Николаевичу казалось, что, когда мы начинаем одушевлять, двигать персонажей, красота рисунка уходит. Это правда. Рисунок можно рассматривать полчаса, он самодостаточен. А покадровое рисование приобретает свои достоинства только за счёт движения, быстрой смены рисунков. 25 кадров в секунду. Обычно это от 12 до 25 рисунков, в зависимости от скорости движения. Чем движение быстрее – тем рисунков меньше...

Ему нравятся Сашины наброски: «Вы их не двигайте! Испортируйте!»

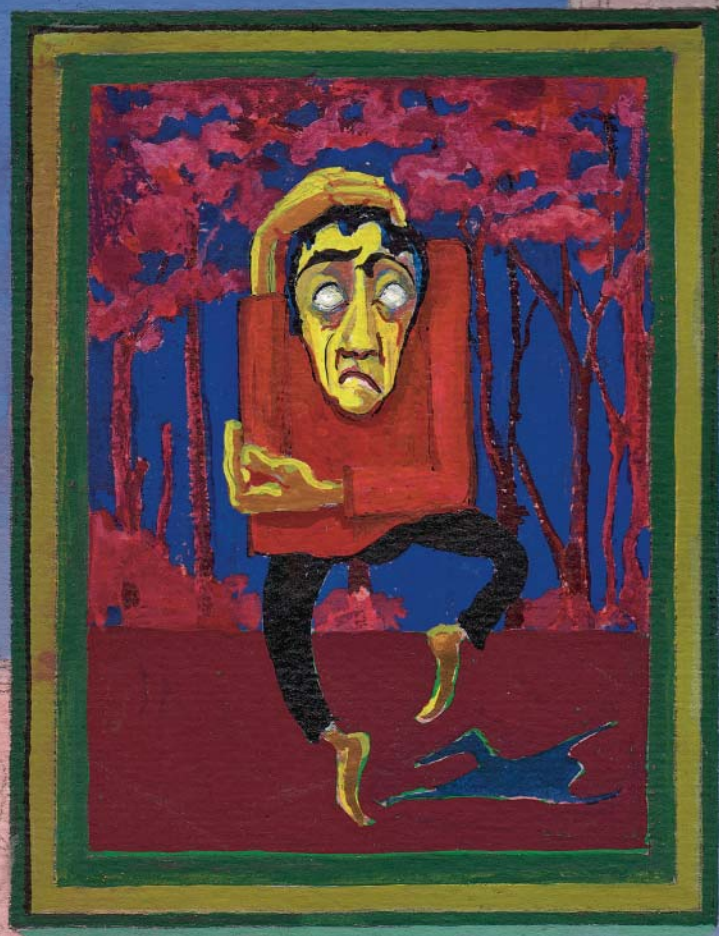
А как же снимать кино? Был период, когда он мне говорил: «Забудь слово «анимация». Пусть у нас будет набор отличных рисунков. Поставим звук, музыку хорошую, и всё! А музыка какая! Канчели!»

И мы сделали цветной аниматик, на девяносто минут, покадрово нарисованный художником-постановщиком и раскрашенный. Огромная работа.

Что такое аниматик? Это снятая на плёнку раскадровка будущего фильма, то есть череда неподвижных картинок, как слайд-шоу. Под каждую из них подкладываются записанные звуки и шумы, реплики, которые в этом месте будут звучать в картине.

- ▶ **Справа:** Один из персонажей киномира Данелии
- ▶ **Слева:** «Автопортрет». 90-е годы

В восприятии Георгия Николаевича череда неподвижных картинок уже была фильмом. Он был удовлетворён результатом, считал, что это уже кино. Его любовь к графике, к рисунку превозмогла, ниспровергла и победила движение в кадре, упразднив его! И может, лет через двадцать это станет самостоятельным жанром. Мы сейчас ещё «дикие пацаки», мы пока не знаем, что там будет впереди. Анимация становится всё более условной, а зритель её всё равно воспринимает, считает.

Практически этот артефакт, этот наш раскрашенный аниматик – ещё одна реализованная мечта Георгия Николаевича. Другое дело, что Госкино не приняло его как адекватную замену фильма. Как-то к нам прислали оттуда экспертную комиссию, с тёнькой. Я ей всё показала. Вот у нас монтажная, вот прорисовка, вот фазовка, вот компьютеры стоят, вот люди сидят, рисуют. Вот тут Георгий Николаевич, его кабинет. Тут я сижу. Всё показала.

Уже уходя, она спрашивает:

- А где у вас станок?
- Какой станок?
- Ну, который кадры печатает.
- ??? У нас нет такого станка.
- Нет? А как же вы кино делаете?!

Она посидела рядом с Георгием Николаевичем, сфотографировалась с мэтром и ушла. Потом начались звонки из Госкино, наезды, что у нас нет оборудования, что на самом деле мы кино не снимаем, а только делаем вид. У нас даже нет станка! Пришлось писать объяснительную записку о том, что кино мы РИСУЕМ, а не печатаем...

Когда прекратилось финансирование, мы все думали, что кино не случится. Но оказалось, что это не так. Надо отдать должное Георгию Николаевичу. Он очень прозорливо смотрел вперёд. Аниматик сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе картины. Сергей Сельянов, продюсер, давший деньги на завершение проекта, увидел

▶ «Брат оптимиста» – того самого, со страницы 122

▶ **Справа:** Картина без названия, но очень важная в понимании творчества Данелии

в нём готовый фильм и вступил в игру.

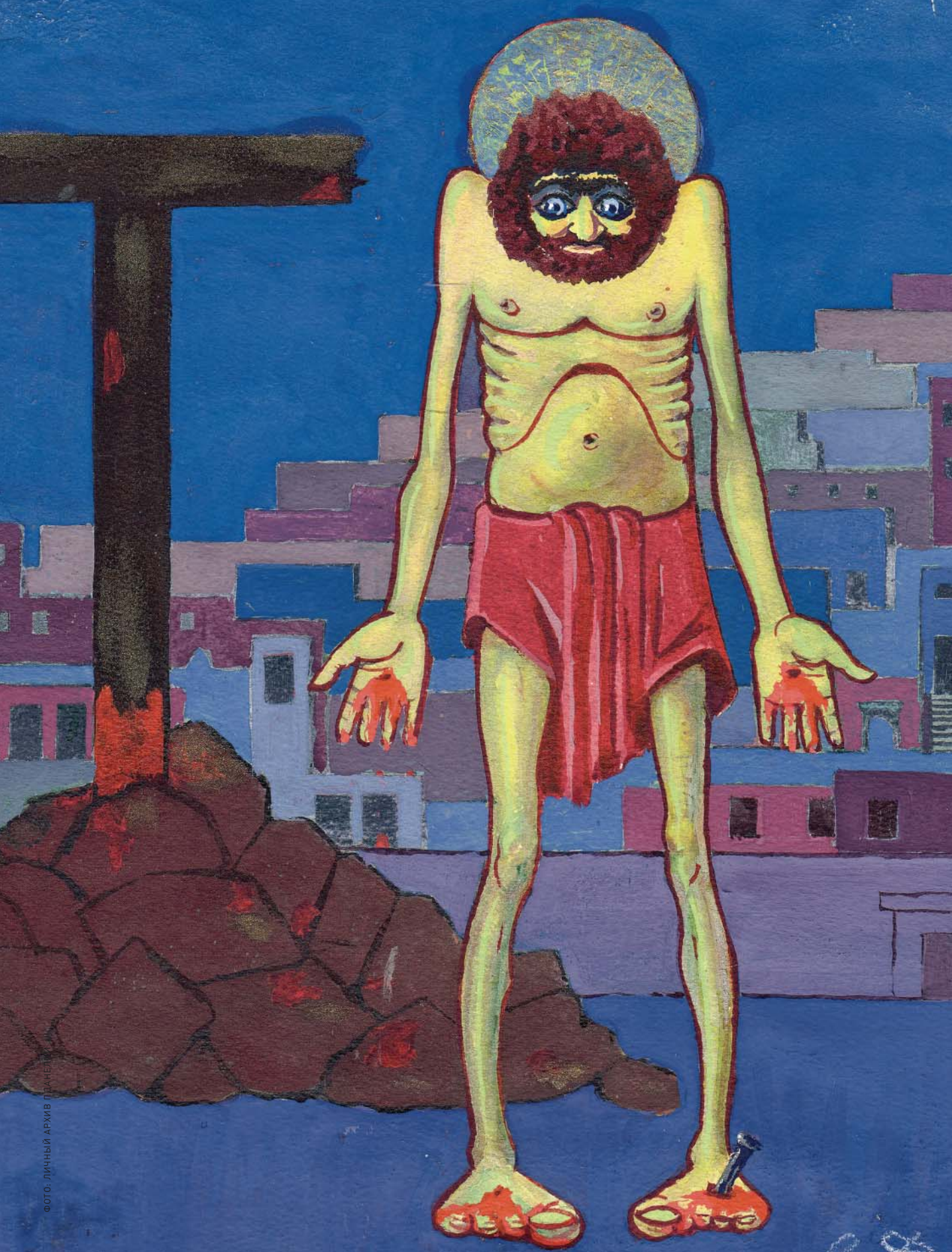
ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ

Сворачиваю с Чистых. Знакомый подъезд.

Набираю код – хитроватый весёлый голос приглашает:

- Танька, заходи!
- Доброе утро, Георгий Николаевич!
- Какое же это утро? Десять уже!

Поднимаюсь на лифте. Дверь квартиры распахнута. И сразу,

► Уникальная возможность – увидеть, с чего начинался не художник Данелия

в небольшом холле перед квартирой, – картины. И в прихожей. И в коридоре. И в комнатах. И на кухне. Везде – от пола и до потолка! Борис Житовский. Николай Данелия. Тонино Гуэрра. Кирилл Жданович. Егор Щукин. Федерико Феллини. Резо Габриадзе. Храмов. И другие.

– А знаешь, как ко мне попали рисунки Феллини? На фестивале в Риме как-то устроили такую акцию: пригласили самых известных режиссёров из разных стран, чтобы каждый рассказал о себе и назвал своего кумира от кино. От России послали Тарковского и меня. Я показал фрагменты из своих работ и фильм «Не горюй!». Кумиром назвал Феллини. Оказалось, что мэтр был в зале и ему очень понравился фильм «Не горюй!». Он прислал свои рисунки в подарок автору через Тонино. Потом сам позвонил в гостиницу, выражал своё восхищение картиной, хотел встретиться. Но... тогда подобные встречи советских режис-

сёров с зарубежными строго регламентировались. Не вышло. А рисунки его бережно храню. А ещё у меня есть личный приз от Федерико!

– Как это?

– О! Это невероятная история! Параджанов считал фильм «Совсем пропащий» о Геке Финне лучшим фильмом всех времён и народов. И, когда сидел в тюрьме, в Луганске, сделал свой личный приз для меня, из крышки от бутылки из-под кефира, из алюминиевой фольги, с помощью гвоздя. С изображением Девы Марии. Он тогда сделал семь вариантов таких гравировок и отослал Тонино Гуэрре. Позже Тонино отлил из них медали в серебре и они с Феллини решили сделать свой особый приз «Амаркорд». В виде серебряной медали. И вручать её в городе, где снимался этот фильм, тем, кого сочтут достойными. И Феллини вручил мне эту медаль на биеннале в Римини в 1991 году за фильм «Настя». Правда, фильм он не видел. Зато видел «Не горюй!». Вот так я получил медаль от Феллини за фильм, которого он не видел, от Па-

раджанова, который фильм «Не горюй!» не любил... Зал аплодировал стоя. Это было потрясающе!

Любимый фильм Феллини у Данелии – «Восемь с половиной». И я знаю почему! Георгий Николаевич не знает, а я знаю! Потому что всё, что снимает этот удивительный человек, – это тонкое балансирование между смешным и грустным, быстрым и медленным, резким и мягким, грубым и нежным и так далее. Это напоминает стрельбу по мишени, где ты всё время должен точно попадать, но не в пятёрку и не в десятку, а где-то между ними – в «восемь с половиной», что и придаёт в результате удивительную тонкость и цельность всем компонентам фильма. Почувствовать эту грань может только человек, наделённый «третьим глазом», «третьим ухом». И твёрдой рукой. Художник, одним словом... ☺

Альбом Георгия Данелии «Творчество. Работа. Семья» с автографом автора вы можете приобрести в интернет-магазине STORY на www.story.ru

Самка Дали

Веру фон Лендорф, более известную миру как Верушка, называли «идеальной феминкой» и «голой графиней». Она умела превращаться в животных и растения, в цариц Египта, в водяных принцесс и каменные валуны. Встретившись с Сальвадором Дали, она нашла настоящее сокровище. Какое?

ОЛЬГА ФИЛАТОВА

Женщины терпеть не могут других женщин, особенно если те, другие, краше, успешней, а главное – независимей всех. Всё что угодно могут простить, кроме независимости. Верушка же не нуждалась и в прощении. Такой она была всегда – всё чрезмерно. Слишком красивая, излишне независимая, чересчур высокая, не в меру креативная. Видимо, поэтому модный агент, посоветовавший ей приехать в США делать карьеру красавицы, то есть модели, при следующей встрече сделал вид, что впервые видит. Агент тоже был женщина.

Сейчас ей уже под восемьдесят, а завистники до сих пор не унимаются. Это они пишут под её фотосессиями пятидесятилетней давности: «Не понимаю, что в ней находят! Мужское лицо, не женский рост, какой-то разукрашенный андрогин!» Или ещё возьмут напишут: «Никакая!» Как будто из фотомоделей есть хоть одна «какая» и вообще можно ответить на этот вопрос: «Какая?» За редким исключением. Наоми Кэмпбелл – чёрная. А ещё?

А правда, какая? Такая и сякая... Сегодня она – старушка двухметровой длины (высоты?), сохранившая пластику тридцатилетней женщины. Очень изящная, с грацией самки гепарда – пожилого. Её и сейчас легко представить вновь на подиуме и даже в стиле ню. Почему нет? Разве женщина, всю жизнь проведшая перед рентгеновским оком фотокамеры, обнажающим до костей, может стесняться? Чего? Всего-то своего голого тела. Подумаешь, голая! Её ведь так и называли завистливые итальянки – голая графиня. Или это не она, однажды, в раннем детстве, прыгавшая в спальне на пружинах матраца, ускользая из рук

бонны, чтобы избежать одежды, в стократном восторге от собственного скользкого, голого тела, кричала: «А я уже оделась! Оделась! Оделась! Я оделась в девочку Веру!», и никто тогда не сообразил, о чём это. Душа, получившая на небесах свои кожаные одежды, ещё помнила, что, по сути-то, она – голая. Кожа – уже одежда и есть.

«Голая графиня», «идеальная феминка», Верушка – а именно так впоследствии будут называть поклонники и завистники эту двухметровую «маленькую Веру» – обожала сниматься голой. Вернее, даже не совсем голой, а одетой лишь в слои маскировочной краски, могущие, если нужно, сровнять с грунтом тонкую человеческую кожу модели. Под краской и кожа-то почти не видна, например раскрашенная под змею. Но разве змея – голая? Ящерица – голая? Она сама это придумала. То, что потом определили как боди-арт. Раскрашивание тела до полной непроглядности. В этом состояла её, как говорят, «фишка».

Верушка оказалась самой продвинутой моделью своего времени. Она одна сделала для модной индустрии неограниченное количество стартапов. Она сама была стартап. Она начинала тему, снявшись на ветвях дерева в саванне, раскрашенная под животное-ягуара, а все, кто проделал нечто подобное потом, всего лишь взяли за основу её «фишку». И, предупреджая вопрос об авторстве: никакой не стилист, не фотограф, и даже не осветитель со штативом, и не редактор американского журнала Vogue, в 60-е годы это Дайана Вриланд, придумывали для неё все эти фантастические сюжеты, будто бы взятые из снов. Это придумывала она сама. А потом часами, буквально часами наносила на тело раскраску, чтобы иной

© 2010 BETTY IMAGES

раз и вовсе лишит себя признаков человеческого существа. Есть, к примеру, фотосессия, где Верушка вся облеплена мхом, будто эдакая лесная фея-коряжка, возлежит на замшелых пнях, в окружении папоротников. А есть и такая, где лицо девушки едва различимо среди камней, как ещё один серый валун, не заметишь, наступив, пока не откроет глаза. Временами это даже страшно. Это – человек? Стоит напомнить, что все эти фотографии были сделаны во времена, когда о фотошопе и не мечтали. То, что современные авторы с лёгкостью бы намьлили на компьютере, в XX веке делали только при помощи рук и оптики. Не напрасно коллеги называли Верушку главной моделью XX века. За вклад в индустрию, вот за что. Кажется, не существовало темы, в которой она бы не заявила своё слово, не создала свой образ, от которого теперь трудно отвертеться всем, идущим вслед за нею. За что ни возьмись, всё выходит прямой плагиат или творческое заимствование.

Модель в разрезе

В конце прошлого века на социальной сцене появилась профессия, название которой «модель» заворожало миллионы дев, мнящих себя прекрасными. Причём название говорило само за себя: модель была не женщина, не личность, а скорее её

имитация, схема. Потому что внутреннее содержание дамы с обложки никого не интересовало. Девушки-модели создавали сказку о красивой жизни, причастность к которой – залог счастья. В сущности, модель мало отличалась от компьютерной графики, со временем вступившей в свои права. Верушка, попавшая в модельный бизнес на самом пике, когда девушки буквально стаями жужжали вокруг дверей модельных агентств, оказалась как будто и не рада успеху своего тела на страницах журналов про красивую жизнь. За пару лет её фото были напечатаны в восьмистах журналах, во многих – в виде обложки. Её лицо более десяти раз становилось обложкой журнала Vogue. Это было триумфальное шествие.

Чем же она была недовольна? Её не устраивала перспектива всю жизнь оставаться «вешалкой» – роль, столь желанная для всех девушек своего времени, – лишь бы взяли! – для неё была слишком тесна. Быть моделью – чего? Человека? Женщины? Модель длинноногой дылды, коих к началу 60-х годов в мире произвели более чем достаточно, как с конвейера, ужаснулась перспективе работы, в которой ничего не зависит от тебя самой. Фото-

► И только в одной роли Верушка не фотографировалась нигде и никогда – самой себя

граф, пригласивший девушку на съёмку, говорил ей, зачастую чересчур резко, куда ей встать, что надеть, какую принять позу. Для графини Веры Готлиб Анны фон Лендорф-Штайнорт это было чересчур.

Маленькая принцесса

Да она и не могла стать «как все», если задуматься. «Дылда» родилась в 1939 году, в дворянской семье Лендорф в Восточной Пруссии. Она впорхнула в мир дочерью графа Генриха фон Лендорф-Штайнорта и графини Готлиб Анны фон Лендорф. Трудно выговорить, но это только на русском, на

рили лбы, ходили важные, в фуражках, и теперь их нет. Кого нихватишься – никого нет. Остался лишь замок, где они некогда благоденствовали, – существует, хоть и заброшен и разрушается, неприятный для местных. Сейчас это территория Польши. Никуда не переезжая, замок становился то Польшей, то Германией, даже Пруссией, а потом и вовсе Россией.

Глава семьи граф Генрих фон Лендорф, как и полагается прусскому аристократу, состоял на воинской службе. Папа был человек прекраснодушный, в прямом, а не в переносном смысле. Внешность его так и сияла спокойной порядочно-

немецком совершенно нормально. Оба её родители были чистокровные немцы. В сентябре, в год её появления на свет, мужчина по фамилии Гитлер начал Вторую мировую войну. И хотя поначалу папа Лендорф с Гитлером жили душа в душу, даже штаб-квартира фюрера, очередное его «Волчье логово», была размещена в парке их родового поместья, и сам Риббентроп принимал гостей, арендуя у них часть поместья, но впоследствии что-то пошло не так.

История распоряжается людьми, расставляя их по местам, как фигурки. Суровые были люди, хму-

стью, свойственной людям из хороших семей. Вся эта аристократическая родовитость длилась бы до сегодняшнего дня, не подвернись тогда Германии сами знаете кто. И хотя оба они, папа и фюрер, разговаривали на одном, как в России считают, «лающем» немецком языке, у этих двоих случились разночтения по поводу доброты. Гитлер, к примеру, считал добром уничтожение евреев на всех завоёванных территориях. А папа Лендорф счёл, что такое обращение с человеческими существами – inferнальное зло. Его бедное сердце не вынесло зрелища расправы над еврейскими деть-

ми местечка Борисова, которую эсэсовцы совершили на глазах у бедного герра Лендорфа. У того самого были дети – трое. Элеонора, Габриэле, Вера.

Герр Лендорф вернулся в свой замок потрясённый до глубины души. Он всё понял про действующий режим, с которым недальновидно миндальничал. И вот, перенеся в своей чистой душе айвазовскую бурю, он помрачнел так, что даже дети, эти его хорошенькие блондинки, обратили внимание. Вскоре выяснилось, что папа втемяшил себе в голову крепкую мысль – убью Гитлера! Убью усатую швайн! Личное уничтожение Гитлера. Казалось бы, какое дело было прус-

глазах у которого отец внезапно исчезает в окне родового замка.

Граф Лендорф, знавший топографию местности вокруг поместья, как собственную ладонь, спрятался в каких-то там ракитовых кустах у озера, пытаясь слиться с ландшафтом, и он прекрасно видел, как эсэсовцы приставили пистолет к голове его жены. И он сдался. Принял свою судьбу.

И вот так, в сентябре 1944 года, Генрих фон Лендорф, чистокровный ариец, прусский аристократ, был расстрелян, за участие в заговоре против Гитлера. Нет, не в замке и не на глазах у семьи. Но много лет спустя его дочь Вера, оказавшись на

► Участие в фильме Антониони *Blow Up* сделало из Верушки живую икону, особенно в Италии

скому аристократу до этих детей, перед смертью плакавших на идиш? Но очевидно, что не все, кто говорил по-немецки, были согласны душить невинных. Вот почему одним прекрасным утром этот молодой мужчина выпрыгнул в окошко своего родового замка в Восточной Пруссии. За ним пришли. Он услышал, а потом и увидел, как машины СС остановились у ворот поместья. И он прыгнул в окно, надеясь спастись. «Мама! А куда папа?» – спросил бы любой ребёнок, на

месте казни отца, в тюрьме Плётцензее, сползёт по стене, не вынеса вида крюков для подвешивания мясных туш, торчащих из бетонного потолка.

В поместье, которое принадлежало Вере и её семье по праву рождения, она прожила всего лишь пять лет жизни – остались фотографии – раннее детство. Замок отобрали гитлеровцы. Потом его заняли, кажется, русские и использовали в сельскохозяйственных нуждах. В общем, замок пошёл по рукам, в его каминах сгорели семейные портре-

ты и буфеты. Она более не интересовалась судьбой поместья. Но ей навсегда врезались в память ракушечные кусты и плоские камни вокруг озера, на которые её водил любоваться папа, столетние вязы, окружающие дорогу, осенние листья, их пронзительный запах, когда вместе с матерью они под конвоем покидали родной дом, по дороге в концентрационный лагерь. И не только их, всю семью, включая стариков-родителей, бабушку, дедушку, – предполагалось, что и старые могут оказаться участниками заговора, – арестовали и увели. Выяснилось, что немецкие аристократы резко против идей фюрера и многие в душе считают его усатой швайн. В тюрьме Плётцензее на воротах висит поимённый список всех, так считавших.

«...пейзажи Восточной Пруссии показались мне родными, когда шестьдесят лет спустя я вновь увидела их, – рассказывала Верушка. – Когда я сейчас приезжаю в Штайнорт, родовый замок своей семьи (теперь он называется Штынорт), меня всегда охватывает сильная грусть. Эта деревня в Мазурском поозёрье до сих пор несёт на себе ужасную печать войны, хранит память о том, как жестоко история обошлась с людьми», – так Вера потом напишет в воспоминаниях. Степень того, насколько эта историческая часть повлияла на её судьбу, невозможно приуменьшить. Родовая аристократка, она лишилась всего, что принадлежало ей по праву, и в первую очередь своего отца, которого очень любила и всё время вспоминала, каким-то нелепейшим образом обвинив в его гибели... саму себя. И нет смысла искать в этом обвинении здоровое зерно. Его в своё время долго и мучительно искали психиатры. В конечном итоге травма, полученная в детстве, вылилась для Веры в самую тяжелейшую депрессию, закончившуюся в клинике душевных расстройств. Идеальная женщина, как её называли папарацци, была больна – чем? Войной. Её личность раздваивалась, мерцая, слоилась, не желая соглашаться ни с настоящим, ни с прошлым. Кто я? – вопрос, на который она, кажется, так и не нашла ответа. Родовая аристократка? Девушка с улицы? Американка? Немка? Русская? Кстати, выбрав себе этот близкий по звучанию к собственному имени псевдоним Верушка, по сути-то русское имя, она создала себе дополнительную легенду. Но ей приходилось шарахаться от русских и даже от поляков с румынами, которые могли уличить её, не знающую ни слова по-русски, во лжи. В реальности же она и сама не могла понять, кто она есть. Отчасти это составляло для неё проблему, отчасти – благословение. Она будет всю жизнь искать себя в других, даже неодушевлённых предметах.

▶ Графиня не любила улыбаться. И что же? Меланхоличный взгляд стал её «фишкой»

Творческое начало было в Вере столь сильно, что она не видела себя ни в какой другой профессии, кроме художественной. Начав искать своё «я» среди людей с мольбертами, она училась рисовать, рисовала камни и ракушки, хотя ещё совсем недавно она обожала балет и не видела для себя карьеры, кроме танцевальной. Но она никак не могла совладать со своими длинными-длинными, к четырнадцати годам вытянувшимися конечностями. Она всё время падала на ровном месте. Но любой арабеск в её исполнении выглядел как макаронина в полёте. «Стать профессионалом танца мне не позволил мой рост, – рассказывает Вера. – Мне говорили, что, когда я поднимаю ногу над головой, во мне оказывается не меньше двух метров. Вторым моим увлечением была живопись. В результате я совместила обе свои любви». Вот почему она отправилась в Италию. В Италию!

Куда же ещё ехать за самым живописным светом и тенью?

Во Флоренции на неё положил глаз фотограф Уго Мулас. «Незнакомый человек подошёл ко мне и спросил, не хочу ли я фотографироваться. Он отвёл меня туда, ко всем этим кутюрье. Я очень стеснялась. Вы помните Нико, певицу из группы Velvet Underground? Она тоже немного работала моделью, и я помню, как она смеялась, запрокинув голову, когда увидела меня. Не знаю почему. Мне было ужасно стыдно». Говорят, над нею тогда смеялась не только Нико. Но те снимки – прекрасный образец хорошей работы двух талантов, модели и фотографа. Хотя и видно, что на них всё ещё нет главного действующего лица – той, кого мир вскоре узнает под именем Верушки. Уже взрослая Вера, красивая, достойная украсит любую страницу журнала о красоте... но ещё не Верушка. Она вспоминала, что уже тогда задумывалась о том, что нужно привлечь общее внимание чем-то неординарным, запомниться. «Блондинки в Италии пользовались диким успехом. Люди бросали работу, только чтобы поглазеть на них. Я хотела придумать девушку, про которую можно было бы сказать: «Раз увидишь – не забудешь».

О том, что, начав карьеру модели ещё в Италии, Вера вскоре переехала в Париж, центр мировой моды. Ничего интересного с Верой в Париже не произошло. Кроме того, что её регулярно там по ошибке называли «мсье» – из-за роста, непривычного для французов, длинноногих среди которых исчезающе мало. В те времена её удлинённая фигура вовсе не была в тренде, а французские модельеры шили существенно короче. То, что для французенки являлось пальто, на Вере получалось жакет. И ещё ей всё время указывали на несоответствие её невероятно детского лица с её практически мужским ростом. Вот тут-то и произошла та самая судьбоносная встреча с коварной хозяйкой американского модельного агентства Эйлин Форд, сообщившей Вере, что её место в США, где люди без ума от длинноногих блондинок. Правда, по приезду Веры в Америку Эйлин Форд повела себя как суцая гиена, посмеявшись над худенькой Верой, назвав её толстой, посоветовав ей перекраситься в чёрный цвет, подстричься, ещё лучше – загримироваться в негритянку. И всё-таки её приезд в Америку, предпринятый именно благодаря «протекции» Форд, принёс ей в итоге удачу. В 1964 году с нею произошло магическое превращение, как будто рождение заново, когда из неё, немецкой дылды, вылупилась та, кого мир узнал как Верушку – вымышленный персонаж, искусственная девушка, со временем ставшая настоящей. Более настоящей, чем любая модель своего времени, – бессловесная, бесправная кукла, которую тянут в разные стороны фотограф, дизайнер и визажист.

Vogue в Америке тогда управляла Дайана Вриланд – любительница авангардных решений. Кажется, вечно томимая мыслью, чего бы эдакого ещё замутить, она сделала ставку на восходящую звезду – Верушку, полностью доверив ей режиссуру съёмки, и не навязывалась с советами. Фотограф Франко Рубартелли обожал типаж светловолосых и светлокожих девушек. Верушка стала его единственной музой, естественно, и спутницей жизни. Кстати, она была на голову выше всех своих мужчин и почему-то всю жизнь предпочитала невысоких. Аль Пачино, например, с его ростом 164 см, или Дастин Хоффман, не выше 170 см, а позже Джек Николсон, Уоррен Битти и так далее, кажется, ни одного партнёра «под стать».

Творческий тандем с Рубартелли и подарил миру все те волшебные обложки, фантастические фотосессии в самых неожиданных местах вроде песков Сахары или арктического побережья. Показательно то, что Дайана Вриланд никогда не требовала от Верушки, чтобы та хоть на йоту приближалась к жизненной прозе в своём творчестве. Девушка с обложки не обязана была выглядеть хоть сколько-нибудь похожей на реальную женщину, красящую волосы в салоне на соседней улице. Не существует снимков, на которых Верушка улыбается или смеётся, хотя, не считая детства, у неё не было заметного повода грустить. Потом этот феномен назвали «меланхолическое лицо». Это тоже была её «фишка». Уловка для привлечения внимания. У таких, как она, на улице мужчины спрашивают: «Девушка, а почему вы такая грустная?»

Роман с Рубартелли продолжался пять лет. В творческом плане их союз казался идеальным. Они могли проснуться утром в понедельник, чтобы за завтраком решить, куда отправятся на съёмки и что будут снимать – золотую русалку в океанской волне или принцессу Египта в песках. К сожалению, Рубартелли был нечеловечески ревнив. Нереальная привлекательность Верушки, создаваемая его собственными руками, как будто ещё сильнее распяла его ревность. Но ревность – обладание. Через пару лет совместной жизни с идеалом он решил, что имеет право диктовать ей правила жизни – куда, зачем и с кем ей дозвоительно отправляться.

В 1966 году Верушку позвали в кино. Сам Антониони предложил ей эпизод в картине Blow Up («Фотоувеличение»), в котором Рубартелли попытался запретить ей участвовать. Этот номер у него не прошёл. Она снялась в том крошечном эпизоде и, к её огромному удивлению, прославилась пуще прежнего. После того как картина вышла на экран, её звёздный час воссиял с такой силой, что казалось, сверкают даже сами подошвы её туфель, блестят пятки, переливаются волосы, глаза испускают свет звёзд. Фотография вообще волшебна. Она и спички может пре-

вращать в людей, что уж говорить о людях – они могут сделаться и камнями, и богами, и зверьми.

Ей начали подражать. Даже в сомнительных качествах. Подавать себя нарочито сексуально, протяжно смотреть, молчать, не улыбаться... Она вспоминала: «Во время съёмки Blow Up я дымила, как паровоз. Курить в то время было как-то не принято. Так после фильма стало модно! Все дружно закуривали». Зачем она курила? Её рука с сигаретой совершала в воздухе движение столь магнетической грации, что ради этого стоило курить. Она сама себя придумала и создала, собирая свой образ из воспоминаний о явлениях природы и животных. Став намного старше, она рассказывала об этом не без иронии, как придумала девушку-Верушку, помощницу ей избавиться от всех наболевших подростковых проблем – дылда, нескладная, непонятная, – она взяла за основу всё, что выдавало в ней её недостатки. Стала ещё более непонятной, более того – непостижимой. Теперь она двигалась будто в замедленной съёмке и выучила ни на кого не похожую манеру говорить, будто не говорит, а заговаривается. Это оказалось очень удобно – выставлять вместо самой себя образ говорящей самки гепарда или даже статуи гепарда. Ей оставалось совсем немного дожить до

того момента, как она и вовсе примется отделять самую себя от тела, в которое поселена душа.

Культовый фотограф Ирвинг Пенн, снявший её для американского журнала Vogue, кстати, три недели дожидавшийся своей очереди «на Верушку», кажется, первым навёл её на мысль, что человеческое тело может рассматриваться не как сосуд души, а как некая самоценная вещь. Как вещь, которая может быть использована для создания натюрморта, например, или для конструкции ландшафта. Вопрос приближения и освещения, фотоувеличения. Пенн три часа подряд тиранил её, заставляя вывернуться в одному ему понятном изгибе, а в итоге представил фото, на котором виден только абрис её лица. С таким же успехом он мог снимать вазу!

Другая красота

«Верушка – самая прекрасная женщина в мире. Такие, как она, появляются лишь однажды. Она создала себя сама», – сказал о Вере ещё один культовый фотограф – Ричард Аведон. Он знал, что говорит, он работал с Верушкой больше, чем любой другой. А Вера и правда сделала весьма странное, до неё не существовавшее – из самой себя, как из пластилина, она вылепила будто бы

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕМЛЁВСКИЙ ДВОРЕЦ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЛЕГЕНДАРНАЯ МУЗЫКА

ЭННИО МОРРИКОНЕ

АНДРЕА
МОРРИКОНЕ

В ИСПОЛНЕНИИ ЕГО СЫНА –
КОМПОЗИТОРА И ДИРИЖЁРА

30

НОЯБРЯ

2016 г.

начало в 19:00

MORRICONE

МУЗЫКА ВЕЧНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХОРОВАЯ КАПЕЛЛА РОССИИ ИМЕНИ А.А. ЮРЛОВА

ОРКЕСТР МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО
ТЕАТРА К.С. СТАНИСЛАВСКОГО И ВЛ.И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

новое существо. Конечно, это была не она сама. Это была фантастическая личность, как с другой планеты, будто бы марсианская Нефертити или, там, Изида на землю спустилась. Чтобы показаться людям. Наиболее наивные зрители принялись наделять Верушку чертами идеала. Никто не мог же поверить, что эта девушка имеет хоть какие-то недостатки. К Вере пришёл сокрушительный успех. Папарацци гонялись за ней стаями, не давая проходу. Никто не хотел понимать, что внутри богини прячется обычная девушка. Когда мир узнал, что эта девушка пыталась покончить с жизнью, все они не хотели поверить, что даже у неё – у такой! – могут быть неразрешимые вопросы к жизни. «Я пыталась покончить с собой, – не скрывает Верушка. – Я провела больше времени в психиатрических клиниках, чем перед объективами самых талантливых фотографов – Артура Пенна, Ричарда Аведона, Дэвида Бейли, Франко Рубартелли».

К середине 60-х её уже называли первой в истории немецкой супермоделью, поскольку она уже достигла запредельных успехов на этом поприще. Теперь она могла рекламировать что угодно, от ювелирных изделий и косметики до мужских сорочек. Но в том-то всё и было дело, что она не хотела предлагать рубашки. При этом она утверждает, что её не особенно интересовали деньги.

Её карьера модели практически завершилась в 1975 году, когда она покинула Vogue, без скандала, но крайне внезапно. В тот год вместо Дайаны Вриланд в редакторское кресло уселась Грейс Мирабелла. Мирабелла совершенно иначе видела задачи визуального ряда в журнале. По её мнению, женщина на обложке должна быть приближена к реально существующим персонажам. Читательница журнала должна видеть несколько улучшенную копию самой себя – такова была концепция. И никакие марсианки, индианки и океанские девы в эту концепцию не помещались. Мирабелла забрала последнюю фотосессию парижской недели моды с участием Верушки. Кроме того, она посоветовала той отрезать волосы, перекрасить их, переодеться в «понятную» одежду – в общем, стать нормальной моделью. На этом они расстались. Верушка посоветовала редакции просто взять другую девушку, что они и поторопились сделать. Верушка больше никогда не возвращалась в издание. Она ушла из Vogue и уехала из США.

«Я привыкла жить везде и нигде», – говорила она, объясняя ту лёгкость, с которой покинула вроде бы насиженное место в модельном бизнесе. Позже, оказавшись в родной Германии, она закрутила там роман с художником Хольгером Трюльшем, и вот тогда она всерьёз взялась за боди-арт. Назвав это узорами на коже – ошибёшься, столь далеко было создаваемое Верушкой от каких-то банальных узоров. Скорее уж это были психоло-

гические эксперименты, когда она пыталась отвергнуть собственное «я», с помощью ювелирного грима превращаясь в других женщин – Мэрилин Монро, Урсулу Андресс, Марлен Дитрих, Брижит Бардо и даже в каких-то мужчин. Это были эксперименты на грани здравого смысла. Однажды в Кении она полностью покрыла своё тело обильным кремом. Потом оказалось, что состав водостойкий и за здорово живёшь не отмывается. Зато чернокожая жрица потеряла всякие признаки арийской расы, слившись с природой. Это было так в духе её хорошего знакомого, незадолго до того...

Незадолго до того она жила в Испании. Однажды ей позвонили и пригласили ко всем известному гению-чудиле Сальвадору Дали, задумавшему некий перформанс с нею в главной роли. Маэстро предупредил, что вопрос величайшей важности – нужно покрыть с головы до ног пеной для бритья женщину невообразимой красоты. Она согласилась.

Как обычно у Дали, дело было обставлено с пушей важностью, чтобы ни одна душа не усомнилась – высокое искусство на марше. Дали обожал аристократичный выпендрёж. Он делал руками торжественные жесты и выступал, как папа римский, сопровождая свою избранницу (на этот раз в её роли предстала Верушка) в залу события. Они понимали друг друга с полуслова – модель и художник, творец, создатель абсолютных шедевров. Не вызывало сомнений родство их душ. Верушка не разочаровала Дали. Другая бы суетливо вскакивала, обожжённая ледяной пеной для бритья, ойкала, вытиралась, но только не Верушка. Она как никто понимала, что для хорошего перформанса необходимо настроение, и, если его сбить с настроем, ничего не получится – холостой выстрел. А тут намечался шедевр. С самым драматическим выражением на лице, шевелия тараканьи усищами, маэстро размашисто писал какую-то каракулю на огромном листе ватмана. «Как только он уйдёт, я его стащу!» – соображала Верушка, лежащая на каком-то импровизированном ложе, вся голая и покрытая, как торт взбитыми сливками, белой, адски холодной пеной. Конечно, ей не впервой было терпеть лишения ради искусства. Однако её планы разжиться артефактом от Дали не увенчались успехом. Как только художник закончил работу и ушёл, явился представитель его жены Галы, педантично собрал всё вплоть до пустых баллончиков и унёс. Но впечатление – впечатление от работы с гигантом творчества, отцом сюрреализма – он забрать не смог!

«Сальвадор Дали научил меня одной важной вещи – использовать тело в качестве инструмента для искусства. Боди-арт наконец удовлетворил мою потребность к метаморфозам, и я начала превращаться в тигров, леопардов и ящериц». Именно Дали окончательно подсадил её на этот творческий стиль. Делать нечто из ничего. Делать

артефакт из самого своего тела. Не навсегда, но время, но достаточно и отпечатков от увиденного. Можно сказать, что в творческом смысле Верушка – незаконнорождённая дочь маэстро. Столь же разнообразна, так же плодovита и изысканна в темах и средствах. Дали показал ей возможность телесных трансформаций, художественное применение, боди-арт, и после той, единственной работы с ним она начнёт десятилетие экспериментов на эту тему. Будет раскрашивать себя в цветы и деревья, в облака и воду, в бабочек и гусениц, в змей и ящериц, в тропических пауков, гангстеров, бомжей и голливудских звёзд. Как будто всё время пыталась самой себе доказать, что тело – вещь, предмет и его нематериальная составляющая может не прочитываться вообще. Однажды она пожелала стать частью оконной рамы, растрескавшейся от старости. Потом дверным проёмом, нарисованным прямо поверх её голой нежной кожи. Когда изображение на теле и реальная стена совпадали, возникла ошеломительная иллюзия – будто живая женщина таяла, расслаивалась, исчезала, превращалась в пыль на стене... Некоторых, кстати, эти фото и видео даже пугали. Она пыталась объяснить, как она это делает и зачем, но, кажется, вполне безуспешно. В её

случае присутствие высшего творца ощущается в концентрации явной, как дыхание. Что побуждает эту женщину месить саму себя, как глину? Только та самая, вечная, бесконечная сила, вложенная в каждого из нас, – сила, которая никогда не останавливается, и вечно ищет выхода, и будет творить, пока не истратится в данном конкретном существе. Она говорила: «Во всех моих преобразованиях прекрасно то, что мне было позволено выбраться из плена своего тела, создать хотя бы иллюзию того, что ты покидаешь себя». И она становилась тигрицей, и лохматой собакой, и марсианкой, укутанной в целлофановые пелены, и кем только она не обращалась, используя своё тело как вещь, не вынимая души! И только в одной роли она не фотографировалась никогда – самой себя. Зато теперь каждая вторая ролевая фотосессия – немного Верушка. Один её знакомый фотограф как-то сказал, что весь их упорный труд в итоге идёт на помойку. Все эти дивные глянцевые издания – содержимое урна – вообще всё. Всё, что человек когда-нибудь сделал. Но однажды увиденное невозможно развидеть. Именно поэтому оно будет воплощаться вновь и вновь, пока существуют глаза, желающие смотреть. ☉

СИМФОНИЧЕСКИЕ РОК-ХИТЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕМЛЕВСКИЙ
ДВОРЕЦ

27

НОЯБРЯ

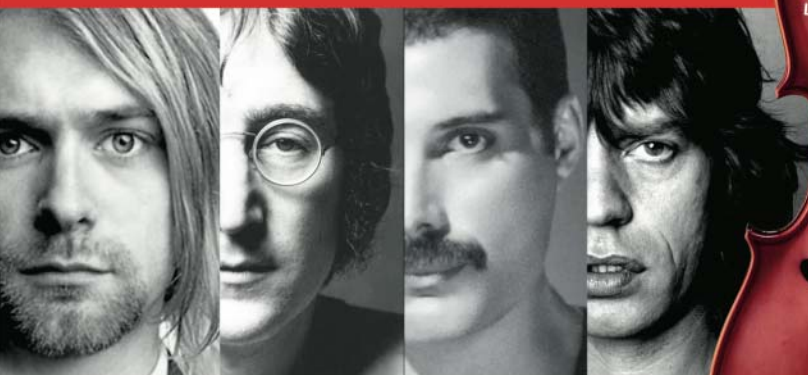
2016 г.

начало в 18:00

Queen
Metallica
Deep Purple
Black Sabbath
Pink Floyd
Led Zeppelin
Scorpions
Nirvana
Bon Jovi
Muse
AC/DC

CONCORD
ORCHESTRA
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
Дирижёр Fabio PIROLA,
Италия

реклама

Порядок вещей

В ароматах есть не только притягательность запаха – за ними может скрываться целая история

Попудрить носик

Однажды милой бесприданнице Анне Эверетт благодаря дальней родне выпал шанс попасть на великосветский приём. Дело было в середине XVIII века, в моде были выбеленные лица, насурьмлённые брови и напудренные парики. На платье и парик семейство худо-бедно наскребло. А вот на белила уже не хватило. Выкрутились подручными средствами. Мамаша Эверетт развела муку с водой и тонко намазала лицо дочери. Вышло отлично. Вот только вскоре тесто подсохло и сначала пошло трещинами, а затем, прямо в бальной зале, и вовсе начало отваливаться. Шуму было много, но именно благодаря этому конфузу бесприданницу заметил один сострадательный лорд, и конец у этой истории получился на удивление счастливый. Да и вообще, если бы дамы высшего света в те времена знали, чем грозят белила, они предпочли бы мазаться тестом. Ведь их основой служил свинец, разрушавший здоровье. Не лучше дело обстоит с сурьмой и прочими косметическими препаратами.

Сегодня отношение к декоративной косметике радикально изменилось. На первое место вышла безопасность. CARON, признанный эксперт в этой

области, выпустил свою первую продукцию более ста лет назад, в 1908 году. С тех пор эксперты CARON год за годом совершенствуют рецептуру своей косметики и расширяют её ассортимент. Новая линейка пудр CARON содержит как рассыпчатую пудру, которую удобно применять при нанесении макияжа, так и полурассыпчатую версию в компактном футляре, идеально подходящую для коррекции макияжа в течение дня. Все оттенки, а их одиннадцать, доступны как в рассыпчатом, так и в полурассыпчатом варианте. Также в линейке 4 оттенка румян, отвечающих пожеланиям каждой женщины. Они позволяют освежить тон кожи и визуально скорректировать контуры лица.

Уютное убежище

Незадолго до Великой французской революции некий Жак Бельом открыл в Париже пансион для душевнобольных. Бельом принимал в своей лечебнице всех, кто пытался спастись от свидания с мадам Гильотен и был готов платить. Прикрытие было идеальным – ведь проныра занимал пост общественного обвинителя. Впрочем, как только деньги у пациента заканчивались, власти тут же «находили» очередного врага революции. Но пока в карманах мнимых больных звенели монеты, им ни в чём не было отказа.

Модные портные, балы и спектакли, дорогие наряды и, конечно же, элитная парфюмерия.

Даже в самые тяжёлые времена люди получали наслаждение, вдыхая изысканные ароматы. Создание парфюмерных композиций всегда считалось высоким искусством. И парфюмеры MONTALE сполна им овладели. В новом аромате AOUD LAGOON им удалось умело переплести старинные восточные традиции с нюансами современной парфюмерии и собрать чувственный парфюмерный букет из тонких нот эфирных масел. Сицилийские цитрусы нежно убаюкивают на волнах блаженства цветок лотоса и индонезийские пачули. На страже этой неги стоят древесные ноты, прибывшие из разных уголков планеты: гваякового дерева из Парагвая, ветивера с Гаити, чувственного белого уда, кожи и дубового мха...

Давным-давно в Аргентине

Аргентинский журналист Себастьян Альварес Мурена не подозревал, что встретит свою судьбу в Италии. Просто выбрал для отдыха отель Le Sirenuse. Тот когда-то был фамильным палаццо семейства Серсале. Одна из его наследниц, Марина Серсале, и покорила сердце аргентинского журналиста. Когда отель готовился отметить своё 50-летие, родилась идея создать парфюм, напоминающий гостям о днях, проведённых в Le Sirenuse. Так появился первый запах Eau D'Italie Eau de Toilette. А в 2004 Марина и Себастьян создали успешный парфюмерный бренд Eau D'Italie, выпу-

скавший ароматы, посвящённые различным уголкам Италии. Ещё три года спустя наши свидетельствующие, что прапрадед Марины был знаком с прапрадедом Себастьяна. Его предок, генерал Бартоломе Митре, первый президент Аргентины, после гражданской войны открыл страну для иностранных инвестиций. Одним из главных инвесторов стал предприниматель из Англии, «король торговли» Джеймс Моррисон, прапрадед Марины. Пара увековечила это событие, создав новый парфюмерный бренд ALTAIA – A Long Time Ago In Argentina. Первые три парфюма этого бренда – холодная британская роза, яркий жасмин Буэнос-Айреса и свадебный флёрдоранж итальянского побережья на языке ароматов рассказывают о том, как две семьи встретились и породнились в Италии.

Бриллиант чистой воды

Уезжающих из Советской России «бывших» ждал немалый подвох. Их безжалостно «шмонали» на границе солдаты и матросы революции. Князь Юсупов вспоминал о господине, который вёз с собой старую собаку. Таможенникам объяснил: пёс болеет, по всему телу язвы. Собака выглядела так, что таможенники побрезговали до неё дотронуться. На самом де-

ле пёс был молод и здоров: немного клейстера, немного краски и много бинтов, под которыми были спрятаны фамильные драгоценности. Были и другие счастливицы, которым удалось обмануть борцов революции. Однако счастье длилось недолго: «русские бриллианты» обвалили рынок драгоценностей в Европе, а США и вовсе запретили их продажу. Одним из таких раритетов был знаменитый чёрный бриллиант Korloff Noir весом 88 карат. Семья Корловых-Сапожниковых в 1920 году была вынуждена его продать. Он переходил от одного владельца к другому, пока в 1978 году его не приобрёл ювелир Даниэль Пайласер. По легенде, каждый, кто прикоснётся к камню Korloff Noir, обретёт счастье и удачу. Даниэль Пайласер, очарованный мистическим флёром бриллианта, назвал в его честь свой ювелирный дом. Сегодня бриллиант Korloff Noir является талисманом и вдохновителем бренда Korloff Paris.

Бренд не ограничивается шикарными украшениями. Среди его продукции есть и парфюмерные шедевры. Новый аромат MAJESTIC TUBEROSE от Korloff Paris открывается пряными, искристыми нотами кардамона, усиленными прекрасными тонами розового перца. Находящиеся в сердце аромата ноты цветов иланг-иланга и изысканной солнечной туберозы раскрывают чувственную и яркую женственность. Композицию завершает тёплая энергия кашемирового дерева и мягкого сандала, создавая уникальный долгий шлейф.

Идеальная форма

Антонио Гауди – пожалуй, самый самобытный архитектор за всю историю человечества. Гауди не любил стен. Чтобы их было меньше, он придумал безопорную систему перекрытий. Чертежи он тоже терпеть не мог. Все проекты хранились у него в голове, а затем воплощались

в камне. Лишь однажды он отступил от правил, поняв, что его детище, главный долгострой всея Испании, храм «Саграда Фамилия», не успеют построить при его жизни, и перенёс свои замыслы на бумагу. Кстати, храм

строится вот уже 134 года. Но Гауди проектировал ещё и удивительную мебель, причудливые решётки оград, перил, предметы декора. Ему наверняка пришёлся бы по душе волшебный-хрупкий флакон, созданный его последователем, действующим архитектором собора «Саграда Фамилия» Джорди Боне. В упаковке использована мозаика, подчёркивающая органическую архитектуру Гауди в движении цвета от пастельно-розового до яркого благородного бордо.

Название нового аромата ARMAND BASI IN ME рассказывает историю эмоциональной женщины. Она любит всё, что делает, она является главной героиней своей жизни. ARMAND BASI IN ME – аромат современный, открывающийся пикантными нотами имбиря и розового перца, пульсирующими в ритме сочной мякоти грейпфрута и малины и плавно переходящими в гармонию сердца из цветов апельсина, египетского и самбакского жасмина, розы и нежной магнолии. Тёплая древесная база слегка припудрена роскошью флорентийского ириса, чувственностью кашемирового и сандалового дерева и очарованием индонезийских пачулей. ☺

Золотой сервиз и оловянные блюда

История знает не так уж много примеров, когда простые пирожники совершали головокружительную карьеру, взлетая до второго лица государства. Александр Меншиков, сподвижник Петра I, проделал этот путь исключительно благодаря личным заслугам

Каких кровей был царский фаворит «Алексашка» – доподлинно неизвестно. Ясно только, что роду незнатного, о чём в своих заметках упоминали иноземные послы, глаз не сводившие с выскочки. Да и в стремительном вознесении Меншикова к царскому трону туману было напущено предостаточно. Сам Александр Данилович о своём происхождении не распространялся. Но из уст в уста передавался рассказ царского токаря, который стал свидетелем случая, как разгневанный государь, топорща усы, грозился вернуть фаворита «на прежнее место» и повелел Алексашке взять кузов с пирогами и отправляться торговать на улицу. Шустрый Меншиков тут же выскочил за порог, поймал пирожника, схватил его короб и заявился в царские покои, вопя во всё горло: «Пироги подовые!» Государь уже остыл, успокоился, посмеялся и Алексашку простил. Впрочем, бывали случаи, когда фаворит получал от государевых щедрот такие увесистые оплеухи, что чуть не замертво падал к его ногам.

А ведь говорили – было дело, прижился он у пирожника, бегал по улицам Москвы, сыпал шутками-прибаутками и бойко торговал пирогами с грибами, кашей, лапшой, птицей, зайчатинной и бараниной, рыбой, горохом и ягодами. До тех пор, пока остролова и затейника не заметил Пётр и не взял под своё покровительство, определив парня с «красивою наружностью и счастливой физиономией и в своих речах, возражениях и ответах, равно как и в своих приёмах», сначала в потешный полк, а потом и в денщики. Надо сказать, что Пушкин, например, считал историю о подовых пирогах насмешкой бояр над царским любимцем, а вот историк Николай Иванович Костомаров относился к ней весьма серьёзно.

Меншиков обустроивал государев быт: менял полы в па-

латах, заготавливал лёд для продуктов, следил за строительством царских погребов и брал на себя ещё кучу обязанностей, выполняя их быстро и с огоньком. Вместе с государем «счастья баловень безродный» ездил по Европам, осваивая артиллерийское дело, фортификацию и кораблестроение. Он рубил головы стрельцам, вручал царёвы награды отличившимся в военных действиях, брал неприятельские корабли и штурмовал Нарву, строил верфи и заводы, устраивал амурные дела государя, но не забывал в столь бурной жизни и о повышении собственного благосостояния.

Роскошное время

Заручиться поддержкой царёва любимца спешили многие: его одаривали десятками тысяч рублей, это в ту пору, когда за копейки можно было купить тот же пирог с кашей. Ему слали «от заморских припасов, чтоб тебе, государь, кушать во здравие», лимоны, бочонки с рыбой, копчёности, бочки масла и головы сыру, били челом принять свежих яблок и яблок в патоке, чистокровных скакунов, турецкого табаку и венгерского вина.

Роскошествовать светлейший князь Александр Данилович, бывший разносчик пирогов, полюбил изо всех сил. Уже назначенный губернатором Петербурга, Меншиков выписывал себе всё, что душа попросит. Душа просила заморских напитков, заграничных экипажей, пять десятков отборных лошадей, садки, наполненные превосходной рыбой, изысканных тканей на порты, камзолы и рубашки. Шведов громили в хвост и в гриву, и благодарный государь жаловал любимцу пышные титулы и вотчины, да и сам Александр Данилович то и дело прикупал деревеньки. Руку в казну сподвижник запускал не таясь, брал по-крупному, да и подношения принимать любил. Дело было обычным – мзду

брали все, кому несли, в том числе и от иностранных дипломатов. Но тут надо было не переступить тонкую грань – за измену родине голова слетала с плеч, как галка с берёзы.

Со временем бойкий и находчивый царский любимец уже

РЕЦЕПТ

Большие пироги в старину пекли на поду – в топке русской печи, куда клали дрова. Когда дрова полностью прогорали, угли выгребали и на раскалённый пол печи помещали пироги. Чтобы нижняя корочка у них получилась духовитой, хозяйки выстлывали печной под капустными или дубовыми листьями. Тесто для пирогов готовили кислое, «квасное», на закваске из солода, пироги выпекали на конопляном масле, вместо воды иногда добавляли капустный или огуречный рассол, раскатывали тесто в пласт, начиняли, верх пшеничных пирогов надсекали сеточкой, а ржаных – накальвали, чтобы воздух из теста не раздул пирог до шара. Пирогам давали расстояться в тёплом месте, обкладывали тонким полотенцем и с его помощью помещали пироги в печь. Готовые пироги смазывали маслом и закрывали холщовыми тряпицами.

владел десятками тысяч крепостных, несколькими городами, многими сёлами и деревнями, миллионами рублей и двумя сотнями пудов золотой и серебряной посуды. Александр Данилович развернулся вовсю, закатывая обеды и ужины, на которых подавали сотни кушаний, приобретая за границей золотые сервизы, устанавливая серебряные столы, убирая их

цветами и выписывая французских поваров. Удивлять гостей, а особенно государя, разными «вычурами» Меншиков не уставал. Бывало, велит испечь огромный пирог, а из него вдруг выскочит карлица и давай плясать на столе менуэт. Или устроит забавы ради пышную карликову свадьбу, для которой со всех сторон везли десятки малоросликов.

«Нигде в Петербурге так хорошо не обедают, как у князя», – писали, обливаясь, иноземные дипломаты. Кормили

новую капусту, гречневую и овсяную каши, лапшу из гороховой муки, пироги, оладьи, кисели, солёные и жареные грибы. Некоторые иностранцы считали их чрезвычайно грубой пищей, которую можно есть только помогая себе обычной для русских «желудочной эссенцией».

К «эссенции» Меншиков питал большую слабость, впрочем, как и все сподвижники царя, «пьяные во всея дни», и сам царь, любивший пропустить вереницу чарок. На званных пирах светлейший князь Александр

ды в гостинице «Австерия» на Троицкой площади на одной из попоек «всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», учреждённого Петром, светлейший князь потерял орден Андрея Первозванного, «кавалерию» с бриллиантами. Орден потом искали всем миром, и была даже объявлена награда в двести рублей.

В ссылке

Однако враги не дремали, ямы для фаворита рыли исправно, да и сам Александр Данилович был тот ещё пряник. Через два года после смерти Петра I солнце царских милостей для Меншикова закатилось. Он был сослан с семьёй в малолюдный, богатый болотами и мошкаркой городок Берёзов Тобольской губернии, нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа. Бывший царский любимец собственноручно срубил дом и перевёз семью из острога, куда её сначала определили. У светлейшего князя и его домочадцев забрали часть одежды, вручили мужицкое платье и бараньи тулупы, выделили на пропитание по рублю в день, снабдили котлом с крышкой, треногой, тремя кастрюльками, дюжиной оловянных блюдов и тарелок. Столовых приборов опальной семье не полагалось. Жена Меншикова, княгиня Дарья Михайловна Арсеньева, умерла по пути в Берёзов, старшая дочь, которая давеча была просватана за Петра II, готовила на всех еду, младшая стирала и чинила одежду, сын охотился и ловил рыбу. Несмотря на такое крутое пике, Меншиковы в уныние не впали, завели огород, а после того, как неведомые друзья прислали быка, четырёх коров и домашнюю птицу, жить стало легче. Но совсем не так роскошно, как в те годы, когда светлейший князь принимал и развлекал в петербургских и загородных дворцах царскую семью, российскую знать и иноземных гостей. ☉

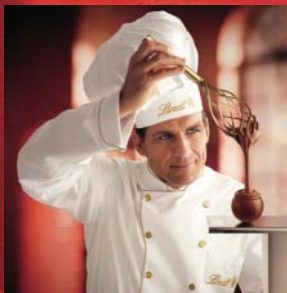

у Меншикова и впрямь сытно: ветчинами, колбасами, соляной, копчёными языками, селёдкой, стерлядью и белугой на ореховом масле, студнями, всякого рода мясом, приготовленным с луком и чесноком, супами и жаркими. На десерт предлагались варенья, «лимоны, тёртые на сахаре», изюм, финики, инжир, апельсины, ананасы, арбузы из собственных теплиц и «венецианские конфеты». В постные дни подавали кваше-

Данилович, по воспоминаниям всё тех же дипломатов, велел устилать пол соломой, «дабы по уходе пьяных гостей можно было с большим удобством убрать их нечистоты, блевотину и мочу». «Паки пьём и остаёмся зело сильны и шумны», – гордился удалью Меншиков, у которого от хронической болезни лёгких часто шла горлом кровь. Напивался он до невменяемого состояния, после «веселий» часто падая без чувств. Однаж-

*Невероятно нежный,
тающий*

Празднуйте Новый год с Lindor, изысканными шоколадными конфетами с невероятно нежной тающей начинкой!

Создается Швейцарскими Мэтрами шоколатье со страстью и любовью к шоколаду с 1845.

Реклама
* Линдт, Линдор

www.lindt.ru

/LindtRussia

Бунтарь

Рождённые под знаком Скорпиона не только способны повести за собой массы, но и, поднажав, заставить массы лезть на баррикады. Одним из таких ведущих был Франсуа Мари Аруэ де Вольтер, французский писатель, философ, просветитель, один из вдохновителей Французской революции конца XVIII века, искусный рассказчик и любимец женщин

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 21 ноября 1694 года в Париже в семье госслужащего. Окончив иезуитский коллеж, с головой ушёл в изучение права, но взбрыкнул и занялся стихотворчеством. В 23 года попал в Бастилию за сатиру на герцога Орлеанского, просидел там год, но писать дерзости не бросил. В 1733 году, проникнувшись свободолобивым духом Англии, издал «Философские письма», в которых от души надавал пинков родимым порядкам, вызвав бурное негодование власть имущих. Чтобы не дразнить гусей, с 1734 года засел в замке в Шампани и только через пятнадцать лет опять стал появляться при дворе, заняв должность придворного историографа Франции. Был избран во многие академии наук, включая петербургскую. С 1754 года обосновался в Швейцарии, где сотрудничал в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремёсел» под редакцией Дени Дидро и по заказу русского правительства писал «Историю Российской империи при Петре Великом». Умер в 83 года, до последнего дня живя жизнью, полной работой и событиями

Карьера

Скорпионы – личности своевольные и дело, которому намерены служить, выбирают сами, горячо отстаивая свои права, если их попирают. Едва сын вышел за порог коллежа, как папа дал указание получить профессию, которая не только обеспечит отпрыска, но и будет приличной для человека его круга. Писательство и рифмоплётство папа считал не только занятием малоприбыльным, но и баловством. Сын же не желал корпеть над скучными документами, мечтал занять высокое положение и ни от кого не зависеть. Но папа напомнил – кто платит, тот и заказывает музыку, и сын отправился маяться в школу правоведения. Там он из духа протеста учился шалаяй-валяй, но в силу блестящих способностей усваивал предметы играючи, даже слушая их вполуха. Литература была ему куда милее. Тем более что среди близких друзей семьи постоянно толклись писатели вперемежку с поэтами. Маленький Франсуа, едва научившись говорить, выучил басни Лафонтена, а едва усвоив буквы, замучил домашних и образованная матушка тоже способствовала увлечению сына литературой, поэтому мальчик рос умненьким, наблюдательным и лепил стихи, как пирожки. И так бойко, что сама Нинон де Ланкло, знаменитая куртизанка, и в восемьдесят лет не растерявшая красоты и проницательности, в салоне которой вились выдающиеся люди того времени, умилилась и выделила начинающему таланту две тысячи франков на покупку книг.

Франсуа Мари недолго скрипел зубами и пером в пыльной и скучной адвокатской конторе, между делом сочиняя сатирические стихи. Литературе он не изменял ни при каких обстоятельствах. И она, ветреная дама, отплатила своему фавориту

сполна, оставаясь искренней и покорной в его руках и позволяя любые вольности. Даже в Бастилии, где узникам не полагалось ни бумаги, ни перьев, он писал карандашом на полях книг и между строк.

Публика восторгалась его трагедиями, а он уже подписывал произведения псевдонимом «де Вольтер», (анаграмма от Аруз-младший) и оставив за бортом сурового родителя вместе с ненавистной юриспруденцией.

Кроме сочинительства он увлекался естественными науками и метафизикой, писал научные трактаты и исторические труды. «Метафизика – это когда слушающий ничего не понимает и когда говорящий понимает не больше».

Сочинять хлесткие трагедии, поэмы и сатирические стихи, ставить эксперименты, препарировать животных, взбалтывать смеси в колбах, записывать математические формулы – что ещё надо человеку для полного счастья? Ну, может быть, почёта, звания, хороших пенсий, крупных гонораров и твёрдой уверенности, что не бросят в Бастилию. Наверное, потому такой гигант, как Вольтер, состоя на службе у французского и прусского королей, кроме серьёзных исторических трудов писал «лёгкие» оды и мадригалы, философские сказки и притчи. Тогда их считали безделушками, развлечением для двора и только потом оценили по достоинству. Хотя и такие безделушки могли быть весьма опасными для автора. Одна из них, преподнесённая маркизе де Помпадур, фаворитке французского короля, с пожеланием, чтобы и король, и она навсегда сохранили свои завоевания, заставила двор забурлить. Мадригал сочли оскорбительным, и автор был вынужден спасаться из дворца бегством.

Но это всё были цветочки. Ягодки поспели, когда «вред-

РЕКОМЕНДАЦИИ

◎ СКОРПИОН

Невзирая на осень, вам гарантирована весна в сердце, поэтому воспользуйтесь этим временем для устройства личных отношений и налаживания контактов. Приветствуется заключение брачных и прочих союзов.

◎ СТРЕЛЕЦ

В этом месяце легко стать жертвой интриг, происков и междоусобиц. Наложите табу на опрометчивые высказывания, а лучшие – дайте временный обет молчания, сохраняя в тайне свои планы.

◎ КОЗЕРОГ

Непростой период для всех представителей знака. Временами захочется послать всё и всех подальше. Однако, если всю работу лапками, к концу месяца удастся сбить вполне приличный кусок масла.

◎ ВОДОЛЕЙ

Поскольку планируется получение внушительных дивидендов, распорядитесь ими разумно, не кочуя по злачным местам и не разбазаривая на ерунду нажитое непосильным трудом.

◎ РЫБЫ

Внимательно прислушивайтесь к малейшему писку интуиции, не оставляйте без внимания, когда она затрубит слонем. Только так можно вернуться от силков и ловушек, расставленных и вырытых на вашем пути.

О ВЕН

Тщательно проверяйте документы, прежде чем поставить подпись. Всеми способами оберегайте от вторжения недобросовестных личностей, норвежцы залезть вам и в карман, и в душу, свои наиболее уязвимые места.

О ТЕЛЕЦ

Вовремя выпущенные заряды тактичности и брошенная в цель связка обаяния взорвут самые холодные сердца. В качестве контрольного выстрела используйте честный взгляд.

О БЛИЗНЕЦЫ

Масштабные перемены сейчас полезны всем представителям знака без исключения. Новое место жительства, новая работа – не важно, меняйте жизнь с надеждой на успех. Сомневающимся просят не беспокоиться.

О РАК

Гора работы приготовилась взгромоздиться на ваши плечи. Не идите на поводу. Непосильную ношу мягко, но неумолимо распределите между сослуживцами, невзирая на их стоны и посыпанные пеплом головы.

О ЛЕВ

Взять небольшую паузу и залечь на дно рекомендуется всем рождённым под этим знаком. Силы и нервы пригодятся, так как на горизонте уже маячат новые должности, звания и титулы.

О ДЕВА

Ваша деятельная натура не даст вам вскарабкаться на подоконник с чашкой кофе и тёплым пледом. Гламурно вздыхать под шум дождя – не ваша фишка. Вперёд, и только вперёд!

О ВЕСЫ

Возможно, в этот раз на ваших личных весах окажутся долг перед семьёй и бурная страсть. Призовите на помощь разум. Без его участия можно наломать не одну кучу отборных дров.

ные» книги стали жечь у подножия лестницы парламента, приговаривая, что хорошо бы в этот костёр кинуть ещё и авторов. Одним из претендентов на сожжение часто был и Вольтер, сидевший за границей и оттуда громивший французскую несвободу и «гадину», как он называл религиозные предрассудки. Впрочем, поговаривали, что предусмотрительные парламентские советники разбирали книги для своих библиотек, а костёр поддерживали связками старых документов.

На изданные произведения опального Вольтера строчили тучи пасквилей, за его неизданными произведениями охотились, как за драгоценными камнями, безбожно выкрадывая их прямо из ящиков его стола. Он оставил после себя около ста томов од, романов, трагедий, трактатов, повестей, исторических работ и журнальных статей. Его встречали овациями, мечтали о беседе с ним и старались стать его последователями, свободолюбивыми и ироничными «вольтерьянцами». Свои самые знаменитые произведения он создал после шестидесяти лет, находясь на подъёме сил. На сон времени он тратил мало, проводя по десять часов за работой и торопясь писать, так как при каждой болезни прощался с близкими и был готов отойти в мир иной. «В молодости надо наслаждаться, а в старости дьявольски трудиться» – так объяснял Вольтер своё желание до последнего часа проводить целые дни в своей огромной великолепной библиотеке. «Для глупца старость – время, для невежды – зима, а для человека науки – золотая жатва».

Характер

Казалось бы, откуда в хилом младенце, едва выжившем при родах и крещёном лишь спустя месяцы по причине слабого здоровья, бродит мощный бунтар-

ский дух? У родственников была версия, что во всём виноваты протестующие подмастерья, которые в самый разгар мессы вопили за окнами. Вот и уродился вольнодумец, не успевший толком поговорить, как уже дёргающий отца за рукав, чтобы тот подал нищим и помог малоимущим. С ним, безбожником, семь лет бились отцы-иезуиты, но так и не смогли сделать из него истинного католика. Нет, верить-то он верил, даже признавался, что Бога любит, в существовании высшей силы не сомневается, но не нуждается в посредничестве священников и считает богословие шарлатанством. И никаких божественных чудес не признаёт, а доверяет лишь разуму. В общем, деист до мозга костей. К тому же, по характеристике всё тех же иезуитов, пожираемый тщеславием, с излишне длинным языком, горячим нравом и обострённым самолюбием. «Самолюбие – это наполненный ветром воздушный шар, из которого вырывается буря, лишь уколешь его». Нет ничего милее для Скорпиона, как найти и обличить. Здесь Вольтер, уже известный автор, был впереди всех со своими памфлетами. Непримиримо критиковать существующие порядки и громить пороки особ королевской крови – и всё это в двадцать с небольшим лет. Однако дружбу с аристократами критик ценил высоко, считал себя ровней и потому болтал в их кругу всё, что заблагорассудится. Аристократы высокомерно усмехались наивности гения и милостиво разрешали куролесить человеку из низшего сословия. Пока однажды после словесной пикировки один из них не велел лакеям всыпать Вольтеру палками по плечам. Не умеющий владеть шпагой Вольтер разъярился, помчался учиться фехтованию и вызвал обидчика на дуэль. Тот подсуетился, нажаловался властям, и бретёра в очередной раз

отправили в Бастилию. Надо сказать, что ни один из друзей-аристократов поддержки ему не оказал. Голос крови оказался куда сильнее дружеского расположения. «Равенство есть вещь самая естественная и в то же время химера».

Второй раз он так же расслабился в компании прусского короля Фридриха Великого. Монарх пригласил Вольтера, лучшего собеседника современности, на должность придворного поэта и философа, а заодно править королевские сочинения и участвовать в интеллектуальных банкетах. Правка и остроумные дискуссии с королём продолжались до тех пор, пока Фридрих не надулся, наслушавшись сплетен или обидевшись на язвительные шпильки придворного философа. Монарх дал понять, что Вольтер всего лишь апельсин, из которого высасывают сок, а потом выкидывают за ненадобностью. Так что с королями у Вольтера отношения были непростыми. Французский не хотел его видеть, а от прусского он сам едва спасся бегством. «Самое необходимое искусство при дворе состоит не в том, чтобы хорошо говорить, а в том, чтобы уметь молчать», – подвёл итоги Вольтер и сделал всё возможное, чтобы пореже пересекаться с особами королевской крови.

Он был горяч, впечатлителен, не сдержан на язык, но никогда не отказывал в помощи ни друзьям, ни врагам. Когда Жан Жак Руссо, «вредный безумец», с кем наш философ, не знавший меры в гневе, полемизировал до лютой ненависти, оказался в опасности, то получил приглашение от Вольтера пожить в его имении. Он сражался как лев за людей, кого считал невинно осуждёнными, и добивался если не спасения, то компенсации их семьям. «Я могу быть не согласным с вашим мнением, но я готов отдать жизнь за ваше право высказывать его».

С возрастом желание бороться за правое дело не иссякло. Из села Ферне на берегу Женевского озера, где он жил последние годы, разбогатев на гонорах и денежных спекуляциях, Вольтер сделал конфетку, модель будущего общества. Соседи считали его «сеньором справедливости» и готовы были молиться на того, кто помог им повысить урожайность земли и обзавестись новыми домами. Собственный замок он содержал в образцовом порядке, самолично плотничал, раскрашивал имение разноцветными красками, разводил сад с апельсиновыми деревьями, сажал огород и цветники. Вольтер принимал у себя толпы гостей, за что получил прозвище «хозяин постоянного двора Европы», гонял слуг за малейшую провинность, однако был с ними щедр, с дамами вёл себя любезнейшим образом и до последних лет жизни возбуждал в них неподдельный интерес.

Личное

Скорпионы и успехом пользуются, и сами прикипают так, что зубами не отодрать. Молодым Франсуа ухлёстывал за Олимпией Дюнуайе. Родители красавицы его пылкости не одобрили, тогда неистовый юнец задумал красавицу выкрасть, для чего приготовил карету и запасся мужским костюмом для дамы сердца. Олимпию родители у изобретательного ухажёра отбили, а его самого отправили с глаз долой и от греха подальше. Были потом в амурном списке Вольтера и актрисы, и аристократки, и маршалыши. И ни одна из них не могла сказать о нём дурного слова – женщин он не бросал, врагами с ними не расставался, был искренним и умел любить. Эмилия дю Шатле, которая шестнадцать лет была рядом с Вольтером, любить умела тоже. «Она обладала мужским умом, мужским сердцем; прямая, верная, она была

способна на самопожертвование». Кроме того, мадам читала наизусть Горация и Вергилия, изучала языки, занималась математикой, писала научные трактаты, была умна и заботлива. Заботилась она о Вольтере, как о собственных детях и собственном муже, который никуда не делся, но никому не мешал и больше всего ценил охоту, лошадей и хороший ужин. Эмилия делала всё, чтобы Вольтеру работалось легко и плодотворно, понимая, с кем её столкнула судьба. Вольтер в свою очередь так привязался к ней, что простил ей измену со своим другом, благословил соперника, а потом горько оплакивал смерть любимой от послеродовой горячки. Мари Луиза Дени, его родная племянница и весёлая вдовушка, стала той, с кем Вольтер попытался утешиться. Дядя её, по своему обыкновению, пылко любил, она дядю терпела и рассчитывала стать мадам де Вольтер, потому что он пусть и старый, но зато щедрый и знаменитый. Племянница воровала у дяди рукописи, торговала ими направо и налево, с наслаждением мотала гению нервы и периодически его покидала.

Слава же не оставляла Вольтера до самого последнего дня. Однажды в почтовое отделение, далёкое от того места, где жил Вольтер, пришло письмо. Имени адресата не было, письмо предназначалось «королю поэтов, философу народов, Меркурию Европы, оратору отечества, историку суверенов, панегиристу героев, верховному судье вкуса, покровителю искусства, благодетелю талантов, ценителю гения, бичу всех преследователей, врагу фанатиков, защитнику угнетённых, отцу сирот, примеру для подражания, опоре бедных, бессмертному образцу для наших добродетелей». Но на почте ни у кого даже не возникло сомнения, кому оно адресовано. ☉

Архивновости

«На дальневосточный театр военных действий отправилась группа слепых бандуристов. Они считают своим долгом пеннием напоминать солдатам о подвигах их предков на поле брани».

«Телеграф», 1904

«Я нищ и безобразен. Ищу полнейшего контраста. Женщина, отзовись! Письмо адресовать – Москва, 10-е почтовое отделение, предъявителю билета за № 2099».

«Брачная газета», 1907

«Ввиду восприятия Америкой игорных домов, на Аляске несколько американских капиталистов придумали соорудить казино на ледяной площадке Берингова моря, вне сферы влияния Северо-Американских Соединённых Штатов. Помимо игорных зал в казино будут устроены театр, ресторан, танцевальный зал и гостиница. К весне сооружение будет снесено».

«Губернские ведомости», 1903

«На днях одна певица Мариинского театра купила большое имение в Сочи, забыв, что высокие оклады у их сестры недолговечны. Было много случаев, что артистка зарабатывала десять тысяч в год, а дирекция вдруг обрезала ей оклад на две трети. Привычка жить на десять тысяч делала эту перемену столь чувствительной, что многие и рассудком трогались».

«Новая жизнь», 1915

«До моего сведения донесли, что сын мой Василий Ларионович Трунин выдаёт денежные обязательства. Считаю долгом предупредить всех лиц, до которых это относится, что я за него платить не стану. Потомственный почётный гражданин Ларион Тимофеевич Трунин».

«Русское слово», 1904

«Ресторанные музыканты своей игрой часто не привлекают, а отпугивают публику. Вместо мелодии они производят грохот, лязг и вопли. В подобных заведениях на столы надобно ставить кроме зубочисток вату или заципаный канат для ушей».

«Петербургская газета», 1910

«Мещанка Анна Крюкова застала в доме громилу. Увидев хозяйку, он бросился бежать, но, когда она крикнула, что наведёт на него порчу, так испугался, что вернулся и убил её».

«Утро», 1903

«В Северо-Американских Соединённых Штатах, где мужчин брачного возраста значительно меньше, чем женщин, готовится закон, запрещающий иностранкам эмигрировать в страну, а американцам её покидать».

«Новости дня», 1901

«Американский врач Кетлер доказал, что печатание на пишущей машинке очень вредно для мозга. Особенно если не просто перепечатывать лист, а думать, что написать».

«Новости дня», 1900

It's mine

It's unique. It's Lladró

Бутики Lladró: Москва, Петровский пассаж, т.(495)6218767; ГУМ, т.(495)6203075;
ТЦ «Сфера», т.(495)6907756; Смоленский пассаж, т.(495)6440256; Владимир, ТЦ «Торговые ряды» т.(4922)322200

В России изделия Lladró представлены: Барнаул, Владивосток, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Орел, Оренбург, Пенза, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Сочи, Ставрополь, Томск, Тула, Тюмень, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Челябинск, Ярославль.
Информация по телефону (495)645 80 86

LIBRE DERM

Бренд № 1

Только то, что
нужно твоей коже

КОЛЛЕКЦИЯ КОЛЛАГЕН

Моя жизнь:
дети, любовь, работа.
Мой крем –
Коллаген Либридерм.

телеведущая
Юлия Барановская

покупайте в аптеках!
www.librederm.ru, 8-800-234-82-28, будни 10:00 - 19:00 (время московское)

